

«И грянул Перуном войны Геленджик...»

(к 190-летию основания русского укрепления в Геленджикской бухте)

Названием настоящей работы послужила строчка из стихотворения русского офицера, участника Кавказской войны М.Ф. Федорова¹, написанного им по случаю приезда в Геленджик императора Николая I в сентябре 1837 г. Это посещение августейшей особой небольшой по сути фортеции, одной из многих, разбросанных вдоль границ державы «от финских хладных скал до ... стен недвижимого Китая», было, отнюдь, неслучайным. На протяжении практически всех 30-х годов XIX в. Геленджикское укрепление играло заметную роль в утверждении России на Черноморском побережье, а император, судя по архивным документам, принимал самое живое участие в его основании и дальнейшей судьбе.

Конечно, на фоне многих более масштабных, и более драматичных событий, коими богата многолетняя Кавказская война, история Геленджикского укрепления не столь ярка и впечатляюща. Но все же она заслуживает внимания уже хотя бы потому, что обеспечение контроля над Геленджикской бухтой, несмотря даже на относительно низкую интенсивность боевых действий в ее окрестностях, было оплачено высокой ценой – по меньшей мере 3,5 тысячи офицеров и нижних чинов Отдельного Кавказского корпуса покоятся на его гарнизонном кладбище.

Настоящая работа призвана осветить причины занятия Геленджикской бухты летом 1831 г., эволюцию оборонительных верков устроенного там укрепления, состав и служебную деятельность его гарнизона, и тем самым отдать дань памяти воинам, проявлявшим на всем протяжении двадцатитрехлетней блокады, хоть и неполной, «примерное усердие, твердость духа, терпеливость и самоотвержение»².

Другая цель носит просветительский характер, понеже зачастую остается только удивляться тому, сколь много далеких от действительности фантазий, а то и откровенных фейков, содержат те или иные посвященные Кавказской войне «исторические труды», в том числе и претендующие на статус научных.

Еще одним побудительным мотивом, заставившим обратиться к истории Геленджика периода Кавказской войны, явилось также то, что по совпадению тем

¹ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. С. 41(<http://adjutant.ru>)

² Из рапорта генерал-лейтенанта Раевского командиру Отдельного Кавказского корпуса от 14 апреля 1838 г. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 220. Л. 51об)

же самым летом 1831 г., когда было основано укрепление в Геленджикской бухте, в далекой от нее Пензенской губернии в 96-й набор был «забрит в рекруты» мой пращур Василий Андреевич³. И вполне может статься, что его воинская служба проходила на Кавказе, ибо из документов Инспекторского Департамента Военного министерства следует, что значительная часть новобранцев из этого набора была направлена в Ставрополь, где, как известно, происходило распределение прибывающего на укомплектование Отдельного Кавказского корпуса пополнения по полкам, батальонам, ротам, батареям, паркам и командам. Так что работа над историей Геленджикского укрепления позволила параллельно продолжить ведущиеся уже несколько лет генеалогические изыскания в отношении одного из моих далеких предков.

Поставленная задача обусловила максимальное привлечение фактологического материала, почерпанного из документальных и нарративных источников, а потому в ней не потребовались «ни особо изысканные выражения, ни острота ума, а лишь прилежный и добросовестный труд ...»⁴.

Поскольку заявленная тема не может быть раскрыта вне контекста создания и функционирования Черноморской береговой линии, одним из системообразующих элементов которой стало Геленджикское укрепление, ее источниковой базой послужили, прежде всего, документы штабов на театре военных действий - Управления войсками на Кавказской линии и в Черноморье и Канцелярии начальника Черноморской береговой линии из собраний, соответственно, Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Помимо них, сведения по теме выявлялась также в фондах Военно-ученого архива, Департамента Генерального штаба, Инженерного департамента, Управления генерал-инспектора по инженерной части и ряда других центральных учреждений Военного министерства, хранящихся в РГВИА. Обращение к ним вызвано, с одной стороны, плохой сохранностью документов дислоцировавшихся в Геленджикском укреплении воинских частей, с другой – тем, что, по меткому замечанию А. Кюстрина, в период царствования Николая Павловича в России действовали и дышали лишь с разрешения императора или по его приказу⁵.

Помимо названных архивов ценная информация о Геленджике имеется в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГАВМФ), хранящем фонды Черноморского флота и входящей в его состав в 30-50 гг. XIX в. Абхазской экспедиции военных и транспортных судов, а также личные фонды

³ Государственный архив Пензенской области. Ф. 62. Оп. 1. Д. 47. Л. 102об-103

⁴ Греческие полиоркеттики. Вегетий. Серия «Античная библиотека. Изд. Алетейя. СПб, 1995. С.159

⁵ Кюстин А. Россия в 1839 году. Литмир. Л. 37 (<https://www.litmir.me/br/?b=102574&p=37>)

видных деятелей военно-морского флота того времени – адмиралов Грейга и Меншикова.

В целом, документы РГВИА, РГАВМФ и ГАКК вкупе с корпусом опубликованных источников, включенных в «Полное собрание законов Российской империи», «Свод военных постановлений», «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», в 3-й и 4-й тома «Архива Раевских»⁶, составляют достаточно богатую документальную базу по исследуемой теме.

Нарративные источники, в отличие от документальных, менее информативны. Это относится как к отечественным авторам, так и к зарубежным. В частности, совсем мало пишут о Геленджике оказавшиеся там во время экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова 1837 г. М.Ф. Федоров⁷ и Э.В. Бриммер⁸. Еще один ее участник – Н.В. Симановский – в записи своего походного дневника за 15 мая 1837 г. ограничивается кратким замечанием: «Еленчик (бухта) - порядочная крепостца на самом берегу Черного моря ...»⁹.

Чуть ранее, в июле 1836 г., участники плавания двух военных кораблей «Петр Великий» (А. Скальковский) и «Ефигеня» (С. Сафронов) описали увиденное ими укрепление в Геленджикской бухте сходным лапидарным образом: «Геленджик похож на деревню, обнесенную высокою стеною из земли и палисадов, с небольшими насыпями по углам, в которых устроены батареи»¹⁰, «Геленджик – небольшое укрепление, обнесенное невысоким земляным валом»¹¹.

Заметно больше сведений о Геленджике содержат письма А.А. Бестужева-Марлинского, побывавшего там дважды (в 1834¹² и 1836¹³ годах), записки Александра фон Нордмана¹⁴ о путешествии вдоль Черноморского побережья, предпринятого им в 1835 г., воспоминания офицера Н.М. о той же экспедиции

⁶ Архив Раевских / Изд. П. М. Раевского; Ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1-5. СПб, 1908-1915

⁷ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III. С. 28-35

⁸ Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-ом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник, т. 17, 1894, глава XV
(http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Brimmer_E_V/text12.htm)

⁹ Симановский Н.В. Дневник. 2 апреля - 3 октября 1837 г., Кавказ // «Звезда», 1999, № 9.
(<http://militera.lib.ru/db/simanovsky/index.html>)

¹⁰ Скальковский А. Записки о плавании парохода «Петр Великий» к Тавриде и Восточным берегам Черного моря. Одесса, 1836. С. 15

¹¹ Сафронов С. Поездка к Восточным берегам Черного моря на корвете «Ефигения». Одесса, 1837. С. 18

¹² Бестужев (Марлинский) А.А. Письмо из отряда, действующего за Кубанью // Русский архив, 1877, № 9. С. 106-109

¹³ Бестужев-Марлинский А.А. - Полевым К.А. и Н.А. (<http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters.htm>)

¹⁴ Путешествие профессора Нордмана в Закавказский край // Журнал Министерства просвещения. СПб. 1838, октябрь. С. 400-431

1837 г.¹⁵, мемуары Г.И. Филипсона¹⁶, а также письма П.Е. Гольмана, командированного на Восточный берег Черного моря в начале 50-х гг. XIX в.¹⁷

Похожую картину можно наблюдать и в отношении иностранцев. Английские агенты Дж. С. Белл¹⁸ и Э. Спенсер¹⁹, рассказывая о своем пребывании в Черкесии в 30-х годах XIX в., если и упоминают Геленджик, то, как правило, лишь в качестве географического пункта. Дж. А. Лонгворт также весьма скуп в отношении информации о «русском форте» в Геленджикской бухте²⁰. Счастливым исключением из этого ряда составляет лишь Фредерик Дюбуа де Монпере²¹ обстоятельно описавший все, что ему удалось увидеть и услышать при посещении Геленджика в 1833 г.

Завершая краткий обзор имеющихся источников, ради справедливости необходимо отметить встречающиеся несоответствия их между собой, причем это касается не только документов личного происхождения, что является обычным делом, но и официальной переписки. Имеют место как неточности, так и прямое искажение фактов, в чем, в частности, чистосердечно признается в своих мемуарах прослуживший несколько лет в штабе Черноморской береговой линии Г.И. Филипсон: «... в этих донесениях не всегда была строгая правда; особенно с цифрами Николай Николаевич (*генерал-лейтенант Н.Н. Раевский (младший), в 1837-1841 гг. начальник 1-го отделения, затем - всей Черноморской береговой линии – А.Г.*) не церемонился»²². К слову говоря, и сам Г.И. Филипсон в своих мемуарах зачастую необъективен как при оценке тех или иных событий, так и в даваемых им характеристиках отдельных лиц. Противоречивость источниковой базы в ряде случаев серьезно затрудняет восстановление подлинной картины произошедшего, а также заставляет иной раз делать во многом гипотетические выводы.

¹⁵ Н.М. Воспоминания о Кавказе в 1837 г. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Том 67. № 266. 1847. Гл. II

¹⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883-1885

¹⁷ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III.

¹⁸ Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia During the Years 1837, 1838, and 1839. Vol. 1, 1840 (<https://archive.org/details/journalofresiden01belluoft>)

¹⁹ Спенсер Эдмунд. Путешествия в Черкесию. Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. РИПО «Адыгея». Майкоп, 1994. Он же. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году. Нальчик, 2008

²⁰ Longworth J.A. A year among the Circassians. Vol. 1, 1840, p. 300

(<https://archive.org/details/ayearamongcirca02longgoog/page/n323/mode/2up>)

²¹ Frédéric Du Bois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. T.1. Paris, 1839

(<https://archive.org/details/voyageautourduc00unkngoog/page/n46/mode/2up>)

²² Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. Вып. 5-6. С. 269

Конечно, настоящая работа не могла быть написана без привлечения специальной исторической литературы, посвященной различным аспектам деятельности русской армии в период правления императора Николая I²³.

Из более чем обширной литературы о Кавказской войне в первую очередь использованы фундаментальные труды А.Л. Гизетти²⁴, Ф.А. Щербины²⁵ и Д. Раковича²⁶, написанные ими на основе архивных документов, а также некоторые современные публикации²⁷. Исходя из задач настоящего исследования, особое внимание было уделено работам, касающимся боевых действий на Правом фланге Кавказской линии и Черноморской береговой линии²⁸, из которых,

²³ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020; Столетие военного министерства. 1802-1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование Николая I. Т. IV, часть II, книга I, отделение II. СПб, 1907; Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М, 1972; Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб, 1842-1861; Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. 1911; Оленев М.Б. Комплектование армии нижними чинами при императоре Николае I. М.: Старая Басманная, 2016

²⁴ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896; Он же. Сборник о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Тифлис, 1901

²⁵ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913. Для удобства в настоящей работе все сноски даются по изданию: Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия (оттиск из II тома «История Кубанского казачьего войска»). Типография Т-ва «Печатник». Екатеринодар. [1913 г.] (<https://elibrigo.ru/handle/123456789/229123>)

²⁶ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900

²⁷ Гордин Яков. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб: Журнал «Звезда», 2000; Каратаев В.Б., Островская А.А., Кокуйцева Т.В., Семенов А.С. Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830 – 1840-е гг. // Былые годы, 2016. Т. 41. Вып. 3; Дубровин А.В. Бурные дни Кавказа. Изменение ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101553); Колосовская, Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII-XIX вв. / Т.А. Колосовская; под ред. А.А. Кудрявцева. М: Изд-во Каллиграф, 2015; Лапин В. Черноморский флот в Кавказской войне XIX в. // Морской сборник. 2007, № 1 (1922). С. 72-76; Лапин В.В. Стратегия русской армии в кавказских войнах XVIII-XIX веков // Военно-исторический журнал. 2007, № 12. С. 20-21

²⁸ Агумаа А.С. Черноморская береговая линия // «Абхазоведение». Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, 2012. С. 137-182

Басиева З.М. Деятельность Н.Н. Раевского в должности начальника Черноморской береговой линии (1839–1841 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки 2012, № 3. С. 26-31

Васильев Евгений. Черноморская береговая линия 1834-1855 гг. (из Кавказской войны) // Военный сборник. 1874, № 9 (сентябрь). Л. 5-26

Давыдов Василий. Снятие средних укреплений Черноморской береговой линии // Морской сборник. Т. XII. № 5 (май), 1854. С. 38-46

Дьячков-Тарасов Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточную войною в 1853 г. (военно-исторический очерк) // Кубанский сборник. Т. 10. 1903. С. 243-330

Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Психологический портрет комбатанта на территории Черноморской береговой линии: нижние чины // Europeanresearcher, 2010. № 1

Касумов Х.А. К вопросу о значении Черноморской береговой линии в Крымской войне // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012, № 2. С. 79-81

помимо неоднократно цитируемых многими исследователями статей Е. Васильева и Н. Дьячкова-Тарасова, следует выделить вышедшие сравнительно недавно труды А.А. Альхаова²⁹, С.О. Жупанина³⁰, С.Н. Шаповалова³¹. К сожалению,

Кондусов В.С. Черноморья и правый фланг Кавказской линии в орбите военно-административной и политической деятельности на Кавказе Е.А. Головина (1838–1842 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. №3/1, 2016. С. 49-54

Лапенко Е.В. Создание Черноморской береговой линии в XIX в. // Военно-исторический журнал. 2008, № 6. С. 54-58

Матвеев О.В. Адмирал Л.М. Серебряков и горцы северо-восточного побережья Чёрного моря. В поисках понимания // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 103-108; Он же. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30–50-е годы XIX века // Славяноведение, 2009, № 6

Панеш А.Д. Черноморская береговая линия и российская политика на Северо-Западном Кавказе // Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа. Материалы Всероссийского историко-этнографического форума, посвященного 200-летию основания г. Грозного. Грозный, 2017. С. 240-247

Соловьева Н.Т. Военные экспедиции с Кубани к Геленджикку 1834-1837 гг. pdf (gelmusey.ru)

Субботин О.С. Укрепления и форты в становлении городов Черноморского побережья // Вестник ВолгГАСУ. Серия: Строительство и архитектура. 2013. Вып. 33(52). С. 211-216

Хлудова Л.Н. Черноморская береговая линия в российско-горских взаимоотношениях периода «Кавказской войны»: изобразительные сюжеты // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. №4, 2015. С. 40-44

²⁹ Альхаов А.А. Основание Черноморской береговой линии (1837 — 1839): проект и ход военных операций // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2015, № 7 (31). С. 101-107; Он же. Военные действия на Черноморской береговой и Геленджикской кордонной линиях во второй половине 1839 – первой половине 1840 гг. // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2016, № 8 (32). С. 82-88; Он же. Экспедиция против убыхов генерала И.Р. Анрепа в октябре-ноябре 1841 г.: цели, подготовка, ход и результат // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2016, № 9 (33). С. 92-100; Он же. Десантная операция в устье реки Туапсе 12 мая 1838 г.: планирование и проведение // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2018, №14 (38). С. 91-98; Он же. Десантная операция в устье реки Субаши 3 мая 1839 г.: планирование и проведение // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2018, № 15 (39). С. 59-67; Он же. Роль Черноморского флота в создании Черноморской береговой линии (1837-1839 гг.) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2018, № 4 (229). С. 17-26; Тлепцок А.Р., Альхаов А.А. Деятельность генерала Н.Н. Раевского на Черноморской береговой линии (1838-1841 гг.) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019, № 4 (249). С. 72-82

³⁰ Жупанин С.О. Стратегические планы русского командования по покорению Северо-Западного Кавказа в 1829-1834 гг. и закубанские укрепления // Голос минувшего. 2010, № 3-4. С. 43-55; Он же. Северо-Западный Кавказ во взглядах русского командования: 1830-1834 гг. // XIV Фелицынские чтения. Сборник материалов по истории Краснодарского края. Краснодар, 2012. С. 34-39; Он же. От Адрианополя до Крымской войны: периодизация боевых действий на Северо-западном Кавказе в 1830-1850 гг.; Он же. Геленджикская кордонная линия. К истории планирования и создания // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 62-78

³¹ Шаповалов С.Н. Планы русского командования в отношении гарнизонов укреплений Черноморской береговой линии в начале Крымской войны // Общество: философия, история, культура. Издательский дом ХОРС (Краснодар). 2019, № 9(65). С. 90-93; Он же. Состояние I отделения Черноморской береговой линии накануне Крымской (Восточной) войны // Общество: философия, история, культура. Издательский дом ХОРС (Краснодар). 2018, № 8(52). С. 78-82; Он же. Подготовка к снятию укреплений

целый ряд исторических работ, возможно, содержащих дополнительные сведения по теме исследования, оказался недоступным³².

Таким образом, при всей многочисленности перечисленных работ, непосредственно Геленджику посвящены, по большому счету, только две: «Страницы истории Геленджикского укрепления 1831-1854 гг.» Ю.В. Митрофаненко³³ и «Геленджикская кордонная линия. К истории планирования и создания» С.О. Жупанина, что представляется явно недостаточным, учитывая его важное место в реализации геополитических планов царского правительства на Кавказе.

отделений Черноморской береговой линии в период Крымской войны...// Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: материалы Международной науч.- практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 136-143

³² Шаповалов С.Н. Снятие гарнизонов 2-го отделения Черноморской береговой линии в оценках дореволюционной историографии // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал, 2020, №3. С.4-12; Шаповалов С.Н. К вопросу о создании Черноморской береговой линии // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал, 2020, №4. С. 4-13; Шаповалов С.Н. Черноморская береговая линия в первые месяцы Крымской (Восточной) войны // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации. Материалы Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы А.В. Баранов, В.В. Касьянов. 2018. С.91-97; Матвеев О.В. Черноморское побережье Кавказа в оценках и решениях командования Отдельным Кавказским корпусом в начале 1840-х гг. // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации. Материалы Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы А.В. Баранов, В.В. Касьянов. 2018. С. 74-78; Женетль Н.Х. Военные действия царской России на Северо-Западном Кавказе в 30-40-х года XIX в. Начало народно-освободительного движения адыгов // Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки // Материалы международной межвузовской весенней научно-практической конференции. 2020, Издательство: ФГБУ "Российское энергетическое агентство" Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ-филиал ФГБУ "РЭА" Минэнерго России (Краснодар). С. 176-181; Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII-XIX вв. / под ред. А.А. Кудрявцева. М.: Изд-во КАЛЛИГРАФ, 2015; Cameron J.P. Personal adventures and excursion ... 1845; Сохт А. Черноморская береговая линия: сущность и функции // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. - XIX в.). Майкоп, Меоты, 1995; Бураков А. Черноморская береговая линия // Рейтар, 2012, № 58 (4); Чирг А.Ю. Закрепление России на Черноморском побережье Кавказа, 1985; Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Деятельность иностранных эмиссаров на территории Черноморской береговой линии 1836-1854 гг. // EUROPEAN RESEARCHER, 2011, № 2 (4). С.143-146

³³ http://kubangenealogy.ucoz.ru/Statji/gelendzhikskoe_ukreplenie.docx

Глава 1. Оборонительные верки и артиллерийская часть

Когда войско в одном месте несколько времени принуждено стоять, и неприятель не подалеку от оною обретаецца, тогда оно не токмо по линиям в ордердебаталии ставитца, но и лагерь таким образом учреждается: и окапываетца, да бы оно от всех неприятельских нападений в безопасности быть могло.

Устав воинский. 1716 г. Глава 56, §1

Геленджикская бухта попала в орбиту повышенного внимания царского правительства сразу же после заключения в сентябре 1829 г. Адрианопольского мирного договора, согласно которому к Российской империи на вечные времена переходило все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая с крепостями Анапа, Суджук-кале и Поти. В предложениях, подготовленных временным Комитетом при МИД для рассуждения о мерах, нужных по будущему управлению закубанскими народами, прямо указывалось на необходимость возведения укреплений в Геленджике и других удобных местах Абазинского (далее – Восточного, Северо-Восточного, Черкесского) побережья³⁴, ибо, по мнению министра иностранных дел графа Нессельроде «приведение в действие сей важной меры будет едва ли не самым решительным средством водворить надежным образом Российское владычество на восточном берегу Черного моря ...»³⁵.

В представленных императору Николаю I в начале 1831 г. предложениях командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского «о способах покорения закубанских народов», разработанных в развитие решений названного комитета, предусматривалось устройство кратчайшей линии укреплений от Кубани до Геленджикской бухты³⁶. Однако при их рассмотрении в военно-сухопутном ведомстве выявились различные взгляды относительно практических методов выполнения этой задачи³⁷, что, соответственно, обусловило неопределенность в избрании главного опорного пункта на Черкесском побережье. Хотя, собственно говоря, выбор места

³⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. С. 887

³⁵ Там же. С. 894

³⁶ Подробнее см.: Жупанин С.О. Геленджикская кордонная линия. К истории планирования и создания // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 62-78

³⁷ См. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.5. В.1. 1889. С. 1-15; Жупанин С.О. Стратегические планы русского командования по покорению Северо-Западного Кавказа в 1829-1834 гг. и закубанские укрепления // Голос минувшего. 2010, № 3-4. С. 43-55; Он же. Северо-Западный Кавказ во взглядах русского командования: 1830-1834 гг. // XIV Фелицынские чтения. Сборник материалов по истории Краснодарского края. Краснодар, 2012. С. 34-39

для такового был небольшой – Геленджикская или Суджукская (впоследствии, Цемесская, Новороссийская) бухты, ибо ни Анапа, ни Сухум-кале в силу различных причин для этого не годились.

Активным и последовательным сторонником Геленджика являлся генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. В своем отношении Военному министру генерал-адъютанту графу Чернышеву от 9 ноября 1830 г.³⁸ он, в частности, писал: «Занятие Геленджика не только доставит нам удобную рейду, но и хороший для торговли порт, какого на всем берегу Черного моря от Анапы до Сухум-кале выгоднее не представляется. Сверх того с исполнением сего предположения Анапа значительно удалится от средоточия закубанских племен, с успехом и пользой заменится крепостью, которую надлежит устроить в Геленджике, в залив коего суда наши во всякое время могут находить пристанище и даже хорошую зимовку»³⁹.

Принимая во внимание авторитетное мнение «вождя, со славою окончившего три войны», преимущество Геленджику отдали и моряки – главный командир Черноморского флота и портов адмирал Грейг и начальник Морского штаба генерал-адъютант князь Меншиков, запрошенные Военным министерством для выяснения, какой из пунктов все же больше подходит в качестве основного на Черкесском побережье. Император, как известно, питавший неограниченное доверие к Паскевичу⁴⁰, одобрил в принципе его поддержанные обоими ведомствами предложения об устройстве кратчайшей линии от Кубани к Геленджикскому заливу и возведении в Геленджике крепости⁴¹. Несмотря на то, что начавшийся в ноябре 1830 г. мятеж в Царстве Польском не позволил осуществить задуманную первоначально на 1831 г. постройку на предполагаемой к устройству линии трех укреплений на 500 человек каждое и одного на 1000 человек⁴², построение мостового укрепления против Ольгинского редута и проведение десанта для занятия Геленджика в виду чрезвычайной важности было решено не откладывать.

Выполнение последней задачи приказанием командующего войсками на Кавказской линии, Черномории и Астрахани генерала от кавалерии Емануеля было возложено на начальника 20-й пехотной дивизии и одновременно командующего Правым флангом Кавказской линии генерал-майора Берхмана.

³⁸ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю

³⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 1 Д. 6242. Л. 3

⁴⁰ «Император Николай всю жизнь звал его своим «отцом-командиром» - и мнение «Ивана Федоровича» в его глазах являлось непогрешимым» (Керсновский А.А. История русской армии. Т.2. Голос. М., 1993. С. 50)

⁴¹ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1 Д. 1386. Л. 1об

⁴² РГВИА. Ф. 827. Оп. 1 Д. 1386. Л. 1

В инструкции, направленной ему 22 июня 1831 г. генералом от кавалерии Емануелем, в связи с этим предписывалось:

«1^е) Сдать все дела по командуемому Вами правым флангом Кавказской линии наказному атаману Войска Черноморского генерал-майору Завадовскому, отправиться к Тамани и, приняв войска, расположенные в сем округе в свое командование, направиться с оными немедленно к Анапе, где приняв в свое ведение все суда, прибывшие к оной, сделать десант к Геленджику ...

2^е) По занятии Геленджика Вы тотчас приступите к построению крепости при сем заливе, смотря по месту положению и по удобству, для чего при Вас будет находиться инженер-подполковник Данилов, которому по сему предмету дано от меня предписание⁴³ ...

3^е) Из 57^м вольных работников Вы отправите двадцать к Ольгинскому редуту, где строится будет мостовое укрепление под руководством генерал-майора Завадовского, всех остальных Вы возьмите с собою.

4^е) Все материалы, необходимые для крепости, закупленные штаб-капитаном Богдановичем и сложенные в крепости Анапе, как и инструменты и другие материалы в Екатеринодаре, Вы заберите с собою в нужном количестве по разчислению, которое должен сделать имеющий нахождение при Вас инженер-подполковник Данилов ...

5^е) ... Предполагая, что Вы не без затруднения вступите на берег при Геленджикском заливе, предлагаю Вам обратить особое внимание на меньшую потерю людей. В сем случае я не могу дать Вам инструкции для действий, ибо все зависит от местных обстоятельств, к тому же я вполне уверен, что Вы не упустите из виду исполнить даваемые мною Вам при сем поручения с успехом.

По занятии Геленджика и приведении всего вышеупомянутого в должное устройство, сдав команду для устройства крепости старшему по Вас, Вы возвратитесь в Черноморию и примите опять командование войсками правого фланга Кавказской линии»⁴⁴.

Войска, назначенные генерал-майором Берхманом для занятия Геленджикской бухты, 23 июля прибыли на судах Черноморского флота к месту предписанной высадки. Как отмечает Ф.А. Щербина⁴⁵, не имея четких представлений о топографических особенностях окружающей местности, десантный отряд в течение четырех дней, с 23 по 27 июля, безуспешно пытался найти подходящее место для основания крепости на мысах при входе в бухту с

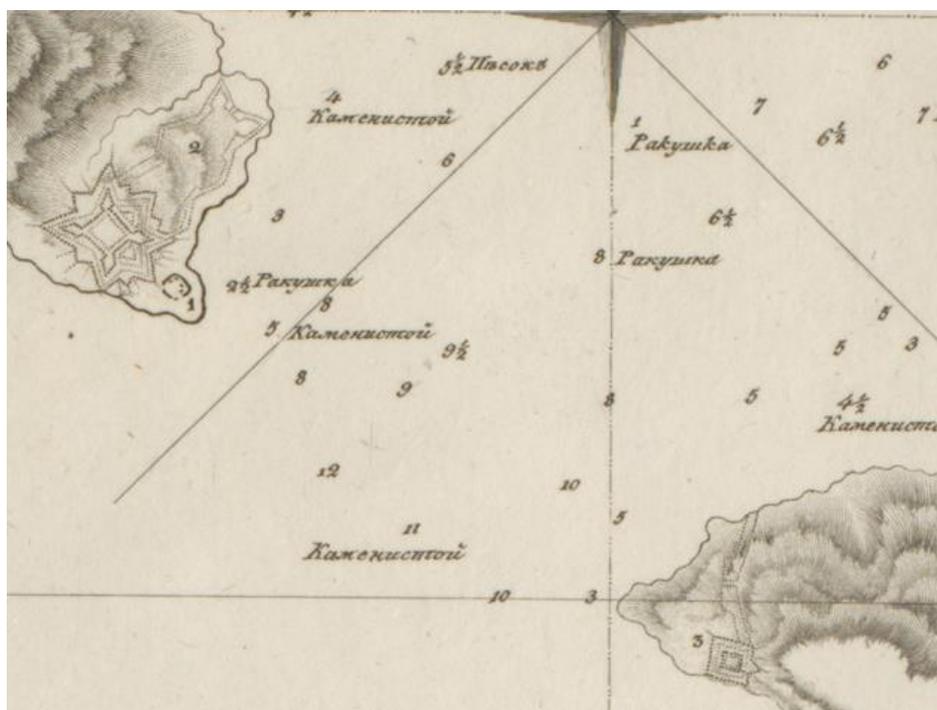
⁴³ Содержание предписания см.: Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия (оттиск из II тома «История Кубанского казачьего войска»). Типография Т-ва «Печатник». Екатеринодар. [1913 г.]. С. 10-11. Далее - Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия

⁴⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 83-84об

⁴⁵ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 11-12

тем, чтобы в соответствии с правилами фортификации обеспечить контроль над всей ее акваторией.

Действительно, если взглянуть на план Геленджикской бухты, составленный в 1784 г. французским военным инженером А.Ж. Лаффит-Клаве⁴⁶ в период его участия в миссии, посланной Людовиком XVI для оказания помощи Османской империи, можно убедиться, что в фортификационном отношении для устройства там укрепления более всего подходят высоты на обоих замыкающих ее мысах. Именно по этой причине он и спроектировал для постройки на одной из возвышенностей в районе Тонкого (северного) мыса внушительное укрепление, обозначенное на фрагменте его плана цифрой 2, а на другой стороне от входа в бухту на Толстом (южном) мысу – редут (3).

Те же возвышенности, примыкающие к мысам по обеим сторонам бухты, хорошо просматриваются и на виде Геленджика из Атласа Черного моря Е.П. Манганари 1841 г.⁴⁷

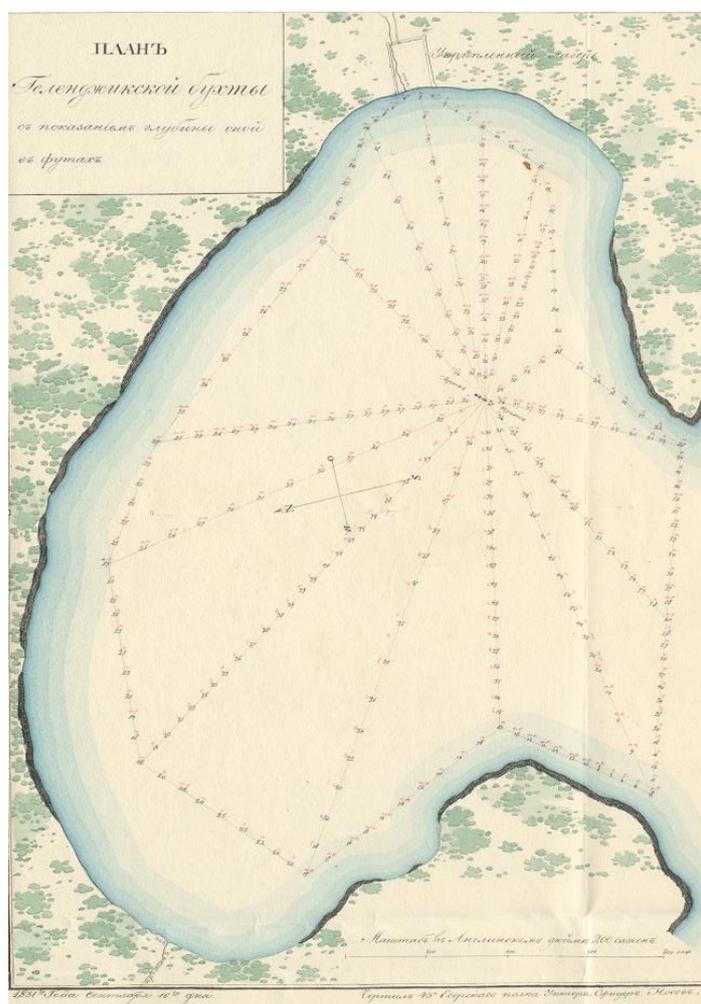
К сожалению, обе эти, казалось бы, выгодные позиции имели в то время один общий и притом неустранимый недостаток – отсутствие в достаточном количестве пресной воды, без чего невозможно было обеспечить жизнедеятельность более-менее крупного гарнизона. Видимо поэтому, а не только

⁴⁶ РГВИА. Ф.450. Оп. 1. Д. 194. Л. 8

⁴⁷ <https://geoportal.rgo.ru/iipview/11342>

из-за недостатка финансовых средств, турки в свое время не воспользовались проектом А.Ж. Лаффит-Клаве, а ограничились лишь небольшой батареей (1) на Тонком мысу, обслуживаемой двумя десятками солдат⁴⁸.

Наконец убедившись после нескольких рекогносцировок в непригодности возвышенностей на обоих мысах для устройства постоянного лагеря, высадившиеся с судов войска заняли участок берега на берегу речки, называемой Хан-Гиреем Ххульзжий, где «можно [было] легко добраться до воды, леса и причала, и здесь наилучшим образом все совпало...»⁴⁹, после чего сразу же приступили к строительству на месте высадки оборонительных сооружений в виде самых простых шанцев и засек. Место разбивки полевого лагеря в Геленджикской бухте было выбрано в ее юго-восточной части, но на плане, начерченном 16 сентября 1831 г. унтер-офицером 43-го егерского полка Носовым⁵⁰, он располагается в его верхней части, поскольку план ориентирован не как обычно на север, а на восток.

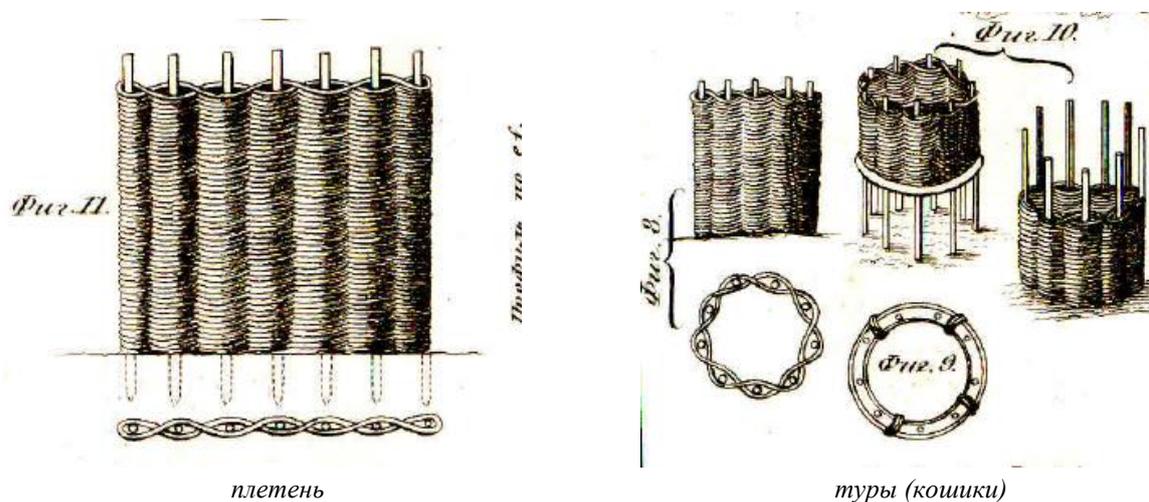
⁴⁸ http://kubangenealogy.ucoz.ru/Statji/groshev_a.v-gelendzhik-istorija_nazvanija-isp..pdf

⁴⁹ Frédéric Du Bois de Montpéreau. Voyage autour du Caucase. T.1.Paris, 1839. P. 23 (<https://archive.org/details/voyageautourdudc00unkngoog/page/n46/mode/2up>)

⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 67

По свидетельству документов, «засека первоначально была поставлена без всяких фортификационных правил и указания инженера, а потом через присыпку к ней небольшой земляной насыпи образовалось укрепление ...»⁵¹. Еще более яркую картину хаотичности производимого высадившимися частями самоокапывания рисует А.Ф. Щербина: «При занятии Геленджика в 1831 г. лагерь войск окружен был канавою, защищенною засеками, а потом дерновой стенкой в аршин шириною и два аршина высотой.... Каждый командир роты или фельдфебель возводил против расположения своей роты стенку по своему усмотрению»⁵².

Посетивший Геленджик в 1833 г. Ф. Дюбуа де Монпере описывает, видимо со слов непосредственных участников событий, это строительство так: «Они (солдаты – А.Г.) копали ров, который должен был окружать весь лагерь, из земли насыпали двухэтажный вал (из контекста всей главы следует, что автор подразумевал на самом деле двойной плетень – А.Г.), промежуток между которым они заполняли землей, они увенчали этот вал турами, также заполненными землей, служившими им вместо зубцов. Офицеры, руководившие работами, заставили их поднять с 4-х углов четыре полукруглые платформы для пушек. Правда, пространство было таким маленьким, что лафеты соприкасались друг с другом, а номера [орудийной прислуги] были так плохо натренированы, что даже нельзя было никого смести [огнем] вдали от вала; но они были очень рады, что обеспечены на первый случай»⁵³.

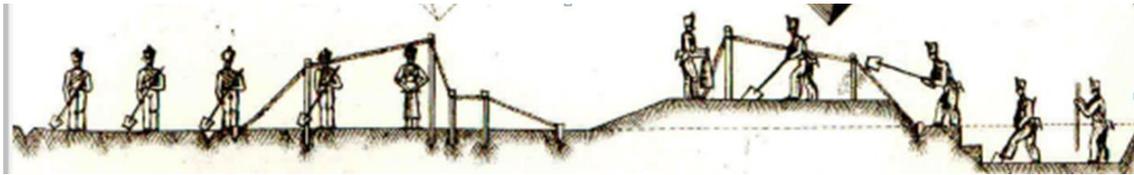
О том, как, вероятно, должен был происходить этот процесс можно судить по рисунку из учебного руководства А. Теляковского⁵⁴:

⁵¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 239. Л. 106

⁵² Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 26

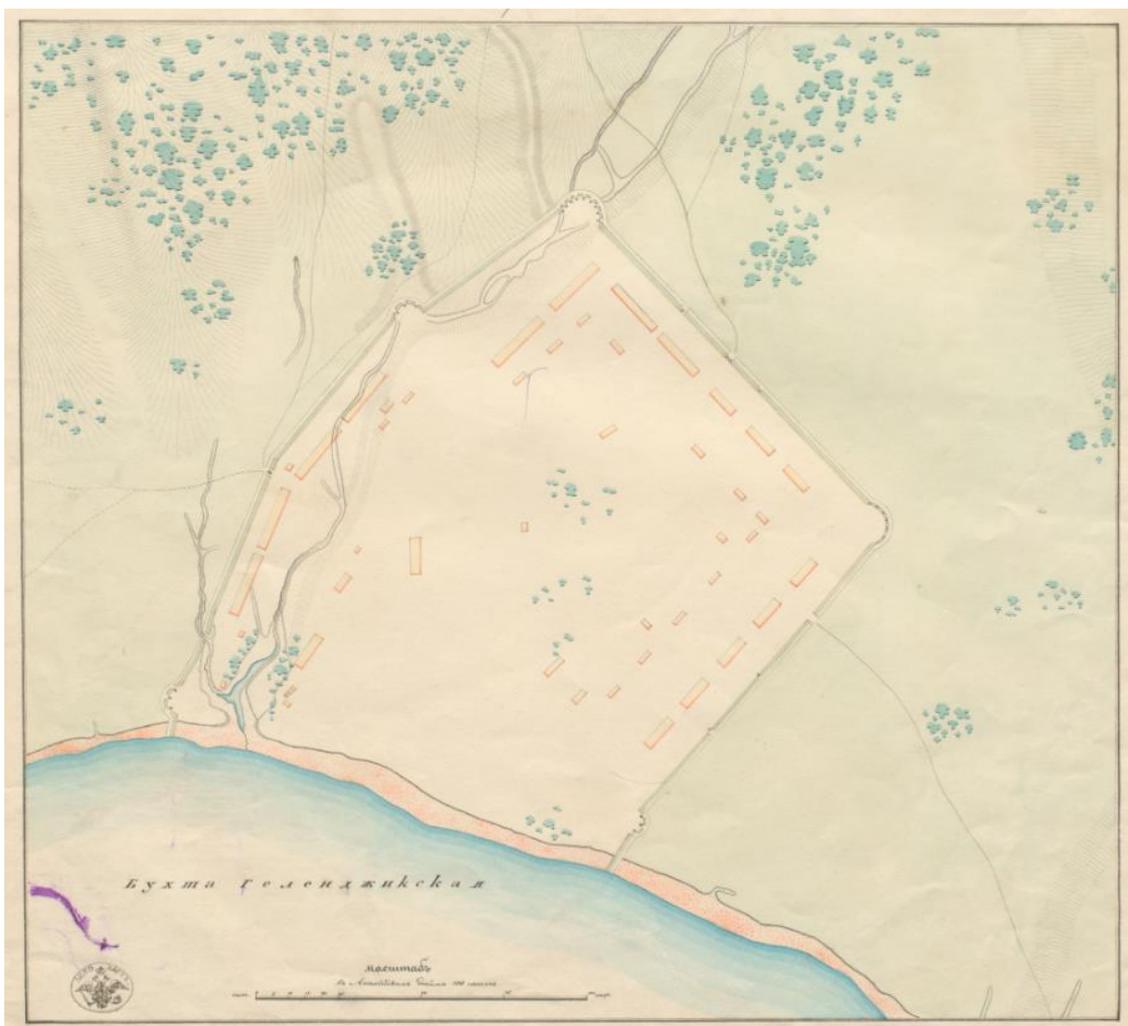
⁵³ Frédéric Du Bois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. T.1. Paris, 1839. P. 22 (<https://archive.org/details/voyageautourduc00unkngoog/page/n46/mode/2up>)

⁵⁴ Теляковский А. Фортификация. Ч.1. Полевая фортификация. СПб, 1848. Чертеж 16

Тогда же сразу были сооружены и подъемные мосты через ров при всех трех воротах укрепления. Правда, использовать для их изготовления пришлось местное сырое лиственное дерево, из-за чего уже через три года им потребовалась замена⁵⁵.

Вызванная угрозой вероятного нападения горцев торопливость в производстве фортификационных работ, позволила достаточно быстро возвести оборонительные верки, однако, как видно из плана, имеющего примечание: «При первоначальном занятии Геленджика таким образом расположен был укрепленный лагерь ...»⁵⁶, они не в полной мере соответствовали правилам фортификационной науки, прежде всего в части обеспечения фланкирования артиллерийским и ружейным огнем подступов к обороняемой огневой линии.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42 Л. 96

⁵⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21858

Одновременно с укреплением непосредственно периметра лагеря были приняты также необходимые меры к обеспечению безопасности его предполя. Для этого, в первую очередь, понадобилось разорить все натухайские аулы, расположенные на южной стороне бухты в непосредственной близости от места высадки войск, а заодно уничтожить и возделываемые местными жителями нивы. На увеличенном фрагменте плана ««Крепости, предполагаемой устроиться при Геленджикской бухте с окрестным местоположением, снятой во время экспедиции под командою генерал-майора Берхмана с 25 июля по 6 августа 1831 г.» ликвидированные поселения обозначены латинскими литерами: «А.» – старшины Ацоку Дермичана, «В.» – старшины Карджана, «С.» – дворянина Супако Комита, «D.» – старшины Мамера, «E.» – старшины Мамер Дербия, «F.» – старшины Ацока Алебия, «G.» – старшины Гатюкая⁵⁷.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 112

Следует признать, что при этом войска проявили, вероятно, излишнее рвение – еще и спустя 10 лет у обитающих в районе бухты горцев «не прошел ужас, посеянный разорением аулов войсками нашими по занятии Геленджика»⁵⁸.

Вслед за ликвидацией аулов тотчас же началась вырубка леса вокруг лагеря, что делалось согласно правилам фортификации, гласившими, что «местность вокруг крепости очищается по крайней мере на картечный выстрел (300 саж.), чтобы неприятель нигде не нашел закрытия. Все рытвины, канавы, ямы, необстреливаемые с крепости, заваливаются землей; сады и рощи вырубаются; дома, изгороди, заборы разрушаются»⁵⁹.

Производимые войсками работы по усилению обороны, однако же, не могли исправить принципиальный недостаток позиции, заключающийся, по замечанию Ф. Дюбуа де Монпере, в том, что выбранное место располагалось «в 2 или 3 сотнях шагов от плато, сделав откуда несколько залпов, можно было перевернуть всю крепость вверх тормашками»⁶⁰.

Предотвратить допущение подобных ошибок, по идеи, должен был прикомандированный к Геленджикскому отряду инженер-подполковник Данилов, получивший задание осмотреть местоположение Геленджика, составить проект крепости и тотчас же приступить к ее постройке. Ф.А.Щербина пишет, что через некоторое время по прибытии на место он заболел, что не позволило выполнить данное ему поручение⁶¹. Однако, в действительности, это не совсем так. По свидетельству документов, еще до прибытия в Геленджик, инженер-подполковник Данилов написал начальству рапорт об увольнении его от этого назначения, ссылаясь на слабость здоровья, частые болезненные припадки, слабое зрение, подверженность простуде от сырой погоды и преклонность лет, 30 из которых он провел на государственной службе⁶².

На беду, заменить его в тот момент времени было неким, почему, в конечном итоге, ему все же пришлось убыть в Геленджик и разработать там план крепости, без которого его откомандирование на какую-либо другую инженерную должность генералы Емануель и Берхман считали невозможным. Видимо, торопясь побыстрее отделаться от нежелательного дела, инженер-подполковник Данилов составил свой проект на скорую руку и так плохо, что, как докладывал Военному министру генерал-адъютанту графу Чернышеву сменивший генерала от кавалерии Емануеля на посту командующего войсками на Кавказской линии и

⁵⁸ Архив Раевских. Т. IV. СПб, 1910. С. 98, 101

⁵⁹ Теляковский А. Фортификация. Ч.2. Долговременная фортификация. СПб, 1855. С.274

⁶⁰ Frédéric Du Bois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase. T.1.Paris, 1839. P. 23

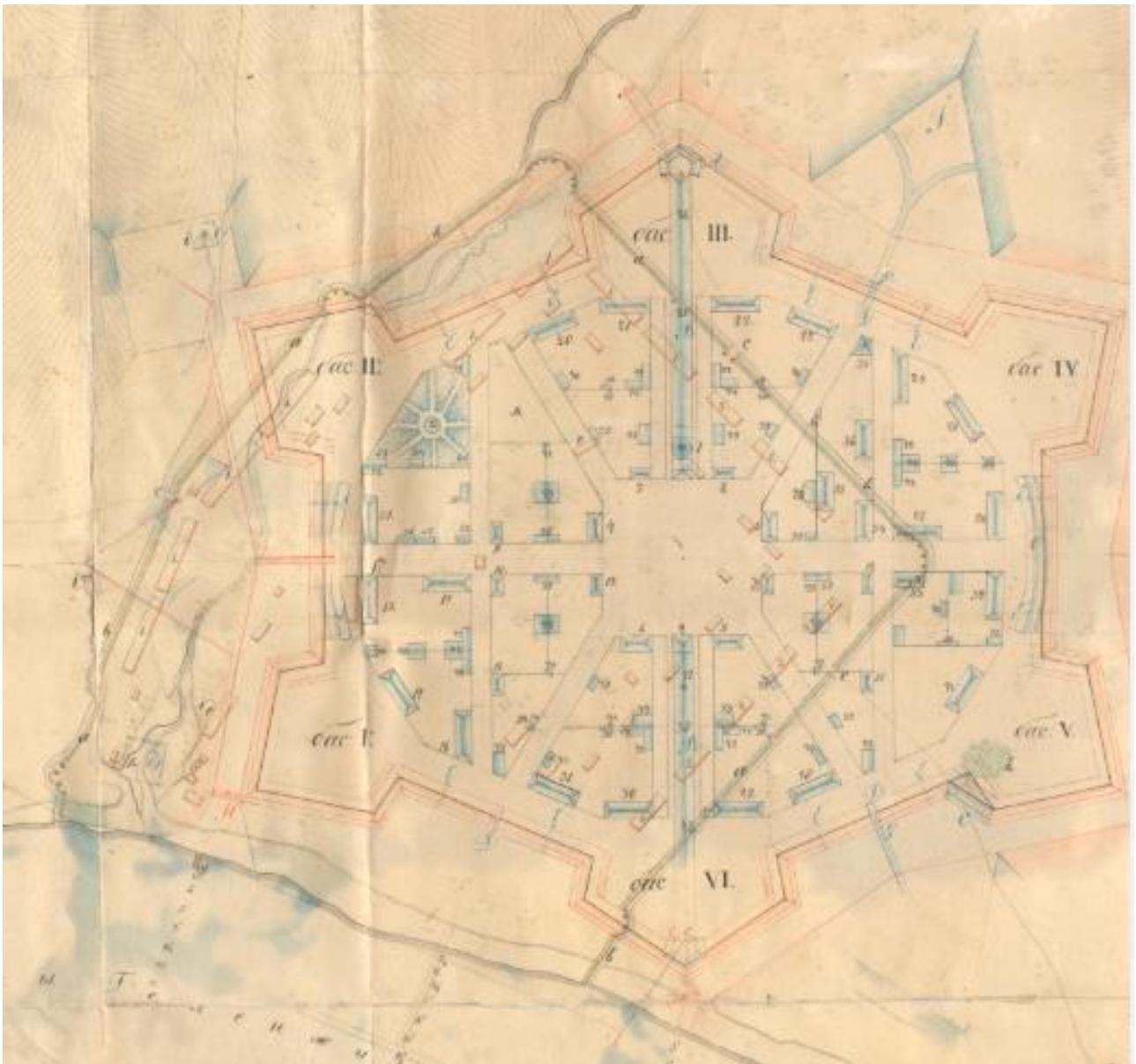
(<https://archive.org/details/voyageautourduc00unkngoog/page/n46/mode/2up>)

⁶¹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 13

⁶² РГВИА. Ф.13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 7

Черномории генерал-лейтенант Вельяминов, генерал-майор Берхман признал его неудовлетворительным. Каковы были конкретные причины отказа от реализации этого проекта сказать невозможно, поскольку ни самого плана, ни конкретных замечаний на него обнаружить в РГВИА не удалось.

Очевидно поняв, что от инженер-подполковника Данилова толку не будет, генерал-майор Берхман с согласия генерал-лейтенанта Вельяминова 18 сентября 1831 г. предписал командующему Геленджикским отрядом отправить инженер-подполковника Данилова в Ставрополь⁶³, поручив сделать другой проект Геленджикской крепости находящемуся при отряде «начальнику Анапской инженерной команды подполковнику Жданову, которым остался более доволен и по которому приказал приступить к начатию работ»⁶⁴.

⁶³ РГВИА. Ф.13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 76

⁶⁴ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 58

Этот, уже второй по счету, проект, датированный 11 сентября 1831 г., предполагал устройство крепости на шесть бастионов⁶⁵, «разбитая в натуре огневая линия» которых во многих местах вынужденно повторяла или пересекала уже сооруженное вокруг лагеря ограждение, поскольку, несмотря на все старания, лучшего места, чем уже занятое лагерем, полевому инженеру подполковнику Жданову найти не получилось.

Направляя свой проект крепости генерал-майору Берхману, подполковник Жданов одновременно уведомил его и о своем возвращении к месту постоянной службы в Анапу.

С этого момента, замечает Ф.А. Щербина, работы по возведению оборонительных верков в Геленджике шли в условиях отсутствия какой бы то ни было инженерной поддержки⁶⁶. Но, как свидетельствуют документы, это утверждение уважаемого историка не соответствует истине. Разумеется, Военное министерство не могло допустить, чтобы «построение Геленджикской крепости» шло самотеком и потому уже в феврале 1832 г. туда были направлены:

«полевой инженер капитан Николай Матвеев Кох – из Тифлиса;
гарнизонный прапорщик Илья Казьмин Яковлев – из Риги;
цейдинеры: Яков Овчинников и Дмитрий Белослуцев – оба из Риги;
кондукторы 2-го класса: Михайла Алексеев, Егор Глазунов и Матвей Плотников – все из Оренбурга;
вахтер: Николай Тапляшин – из Оренбурга»⁶⁷.

Другое дело, что добирались означенные чины Инженерного ведомства до места своего нового назначения довольно долго и что, как выяснилось, назначенный в Геленджик инженер Кох оказался настолько неподходящей кандидатурой на место руководителя строительства, что уже в ноябре 1832 г. заменивший Берхмана генерал-лейтенант Малиновский докладывал генерал-лейтенанту Вельяминову: «Не излишним считаю также присовокупить, что инженер-подполковник Кох не на своем месте и чиновник весьма ненадежный. Не умея вести себя прилично званию, он вовсе не занимается своею обязанностью, делает упущения. А потому дела его в беспорядке: не сделано до сего времени проекта и плана крепости, несмотря на то, что он имеет у себя хорошего помощника гарнизонного инженерного офицера.... Посему было бы полезно удалить господина Коха и назначить инженерного чиновника более надежного и полезного для службы»⁶⁸. Похоже, Ф.А. Щербина, ознакомившись с

⁶⁵ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 96

⁶⁶ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 14

⁶⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д.18. Л. 112

⁶⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 344

этим и рядом других документов, касающихся деятельности, а вернее бездеятельности, инженера Коха, умышленно, как и в случае с инженером Даниловым, не стал «выносить сор из избы».

Между тем в том же рапорте генерал-лейтенант Вельяминов сообщал о невозможности производства строительных работ в Геленджикской бухте после половины ноября (1831 г.) и о преимуществах бухты Суджук-кале по сравнению с Анапским рейдом и Геленджикской гаванью и, соответственно, предпочтительности устройства главного укрепления не в Геленджике, а в Суджукском заливе. К этому донесению он присовокупил заключение командовавшего обеспечивающими геленджикскую экспедицию морскими силами капитана 2-го ранга Немтинова, который отдавал предпочтение Суджукской бухты перед Геленджикской, как более обширной, глубокой и удобной для военных кораблей⁶⁹.

На это представление генерал-лейтенанта Вельяминова 22 сентября 1831 г. императором было высочайше разрешено прекратить до будущей весны производство работ в Геленджике и в то же время «предписано ему войти в подробное рассмотрение сего предмета, разлив во всех отношениях предположения свои, касательно устройства укреплений в Суджук-кале и Геленджике»⁷⁰.

Это хотя и притормозило, но не отменило ранее принятого решения о строительстве в Геленджике крепости, тем более что, помимо Паскевича, включившего окрестности Геленджикского залива в число 8-ми важнейших для горцев экономических районов, требующих первоочередного занятия войсками на правом фланге Кавказской линии⁷¹, его сторонником, как уже отмечалось выше, был адмирал Грейг, с которым были согласны также начальники обоих главных штабов (сухопутного и морского) – генерал-адъютанты Нейдгардт и Меншиков. Последний, между прочим, аргументировал свое мнение о предпочтительности Геленджикской бухты следующим образом:

«1^е. Чем более к Югу распространяется новая линия, тем более обеспечивает она за собою пространство и, следовательно, владея Геленджиком не трудно уже владеть и Суджук-кале.

2^е. Ежели некоторое пространство Геленджикской бухты более подвержено морским ветрам, то с другой стороны жестокие северо-восточные ветры, столь сильно свирепствующие в бухте Суджук-кале, в гораздо меньшей степени действуют в Геленджике.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 2-2об

⁷⁰ РГВИА. Ф.827. Оп. 1. Д.1386. Л. 2об-3

⁷¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. С. 903

3^е. Вход в Суджук-кале с моря затруднительнее нежели в Геленджик.

4^е. Что же касается до неудобства Геленджика по затруднительности сухопутного сообщения с оным, то таковые затруднения встретятся и далее в стране столь дикой, и сие не должно служить препятствием к обладанию тем краем и к выполнению мер для усмирения оного необходимых»⁷².

Соответственно в конце октября 1831 г. начальнику Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту барону Розену было приказано без промедления приступить к подготовке, а с начала весны следующего года – производству работ в Геленджике, во исполнение чего он уже 26 ноября донес о сделанных им распоряжениях к первоначальному заготовлению материалов и представил проект (полевого инженера подполковника Жданова) предполагаемой крепости в Геленджикском заливе.

Непонятно, правда, зачем этот проект был направлен в Санкт-Петербург, если с самого начала он получил отрицательную оценку генерал-лейтенанта Вельяминова, посчитавшего его по ряду причин непригодным к реализации, с чем был согласен и сам генерал-адъютант барон Розен⁷³. Помимо претензий, касающихся собственно вопросов фортификации, недовольство обоих старших воинских начальников вызвало также избранное генерал-майором Берхманом место для крепости «в глубине Геленджикской бухты, между тем, как известно, что можно было бы устроить укрепление при входе в залив, который таким образом обратился бы в укрепленную гавань...»⁷⁴.

Впрочем, и разработанные самим генерал-лейтенантом Вельяминовым⁷⁵ «окончательные предположения об устройстве крепостей при Геленджикской и Суджукской бухтах», предусматривающие сооружение в каждой из них крепостей, способных выдержать нападение морского десанта численностью 40-50 тыс. человек, а также их соединение с Анапой сухопутной дорогой, представленные 19 января 1832 г. на рассмотрение императора, были отклонены. «Генерал-адъютант барон Розен, представляя эти предложения ... при этом опроверг необходимость устройства при означенных пунктах столь крупных фортификационных сооружений, считая удобным учредить в Геленджике порт для небольших военных и купеческих судов, а для воспрепятствования иностранным судам приставать к бухте Суджукской устроить там небольшое укрепление»⁷⁶.

⁷² РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 3-3об

⁷³ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 5

⁷⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 83об

⁷⁵ Подробнее см. Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 14-15

⁷⁶ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 8об

Уже в начале февраля того же года по результатам всестороннего рассмотрения данного вопроса в Военном министерстве было принято решение согласиться с мнением генерал-адъютанта барона Розена устроить в Геленджике крепость только на два батальона, а в Сунджук-кале на один с соразмерным числом орудий. При этом их строительство, как и предлагал генерал-лейтенант Вельяминов, должно было производиться таким образом, чтобы возведение одной не могло начаться ранее того времени, как будут сооружены главный земляной вал и необходимые строения другой.

Вместе с тем, некоторые вопросы по-прежнему оставались открытыми и нуждались в дополнительной проработке. В частности, требовалось еще выяснить:

«1^е. Какие заведения и устройства по морской части предполагается иметь в Геленджике, дабы при составлении проекта принять оные в соображения.

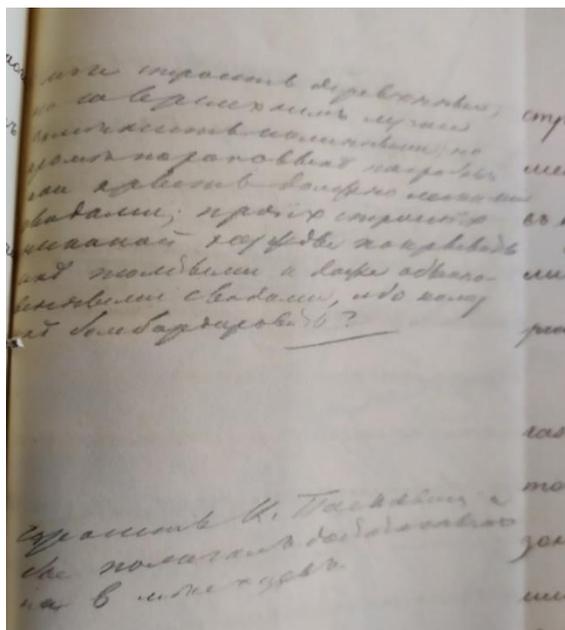
2^е. Казармы и все прочие строения должны ли быть каменные или деревянные, и в первом случае, строить ли оные со сводами (à l'épreuve de la bombe) или нет.

3^е. Провиантские магазейны должно ли быть достаточны собственно для гарнизона, примерно на один год, или же для большего числа войск, и на какое именно число и время»⁷⁷.

Любопытно, что вопросы, непосредственно касавшиеся фортификации, были решены лично самим императором Николаем I, как известно, хорошо в ней разбиравшимся. Так, по двум последним пунктам он сделал собственноручные пометки:

«кои строить деревянные, но со временем лучше заменить каменными; но кроме пороховых погребов, кои крыть должно легкими сводами; прочие строения никакой нужды покрывать их толстыми или даже обыкновенными сводами, ибо кому их бомбардировать?»;

«Спросить К.[нзя] Паскевича; я бы полагал достаточным на 6 месяцев»⁷⁸.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 11об-12

⁷⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 160

После окончательных согласований в Военном министерстве Николай I утвердил «построение главного по Восточному берегу Черного моря укрепления на два батальона при Геленджикской бухте» с включением его в число штатных крепостей 2-го класса⁷⁹. В целях исполнения его высочайшей воли Управляющим Главным штабом генерал-адъютантом Нейдгардтом 10 февраля 1832 г. в адрес командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта барона Розена было направлено предписание о представлении подробного проекта крепости в Геленджикской бухте и «штатов всем частям, гарнизон сей крепости составлять долженствующих: как по артиллерийскому, инженерному, комиссариатскому и провиантскому ведомствам, дабы вместе с утверждением сметы для построения крепости иметь уже в виду прочие расходы по Военному ведомству»⁸⁰, а также об определении примерных сроков завершения ее устройства. К предписанию прилагалась карта с визуализацией замысла верховного командования по устройству линии укреплений от Ольгинского тет-де-пона до Геленджика⁸¹.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1386. Л. 22

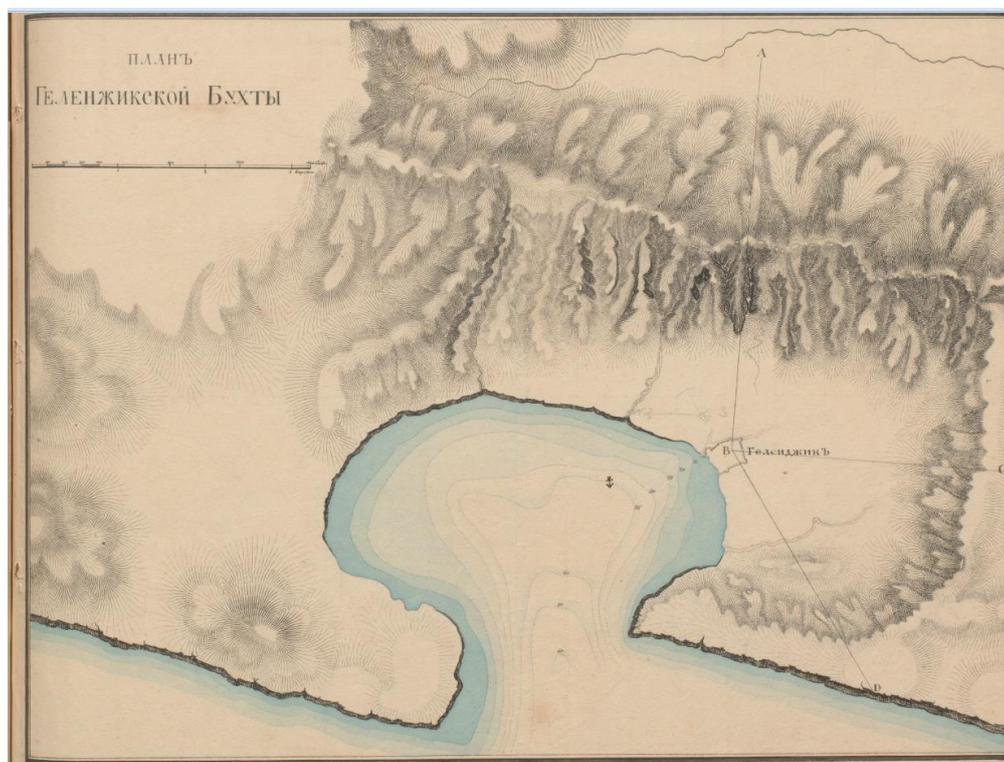
⁸⁰ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1386. Л. 12-12об

⁸¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 162

Между тем пока в высоких петербургских кабинетах решали: в каком месте и какого размера все же устраивать основную базу на Черкесском побережье, войска по приказанию местного, кавказского, начальства продолжали совершенствование первоначально возведенного в Геленджикской бухте лагеря, в результате чего он постепенно трансформировался из полевого в укрепленный.

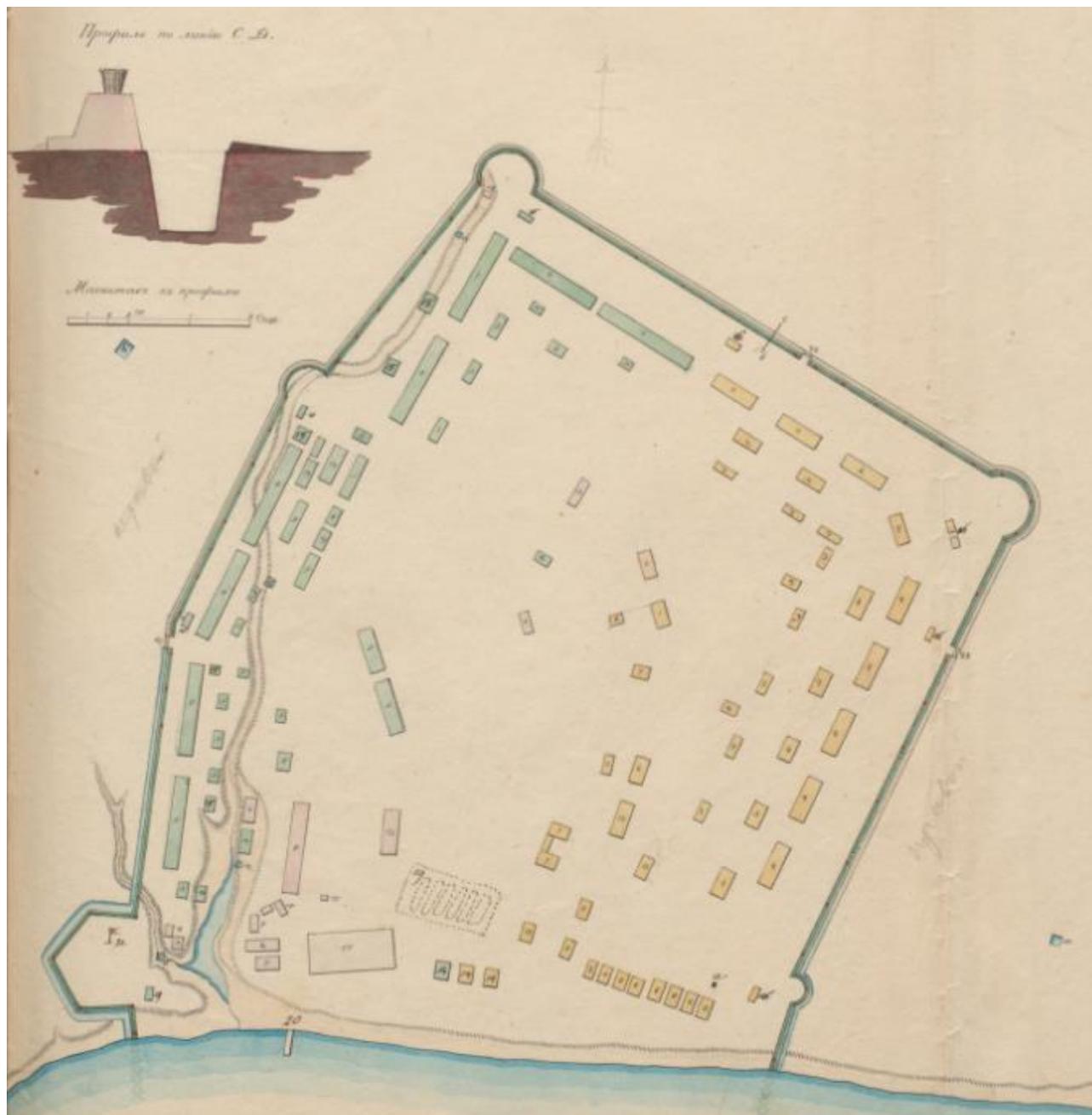
Как докладывал в ноябре 1832 г. командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Вельяминову генерал-лейтенант Малиновский по итогам личного посещения пунктов командуемой им линии: «...На северо-восточном полигоне укрепления (Геленджикского – А.Г.) сделан бастион правильный и обширный, и в оном устроен погреб для снарядов, довольно хороший. Ров кругом укрепления весь расширен и углублен, несмотря на грунт сплошного плитняка; бруствер расширен и возвышен так, что ныне профиль: ширина рва – 4, глубина – 3 аршина, эскарпа и контрэскарпа бока почти отвесны, высота бруствера и широта в основании с банкетом – 3 аршина, толстота самого бруствера – 2 аршина и кругом по краю бруствера установлены вплотную кошки в диаметре $\frac{3}{4}$ аршина, наполненные землей»⁸².

Ровно через год (в апреле 1833 г.) им же было составлено подробное «Описание побережья Черного моря от Анапы до Геленджикской бухты», в котором о Геленджике сказано следующее: «на южной стороне бухты на равнине от моря у берега, не более одной сажени возвышенной, построено укрепление. Фигура оного – неправильный четырехугольник, коего один бок составляет бухта.

⁸² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 31

Укрепление с одним правильным и четырьмя неправильными, то есть круглыми бастиями. Ров ширины и глубины в сажень, бруствер в основании такой же широты и с банкетов высоты. Сверх коего устроены кошики, наполненные землею для закрытия голов стреляющих. Сие укрепление довольно достаточное для обеспечения гарнизона противу горцев, окрест живущих...

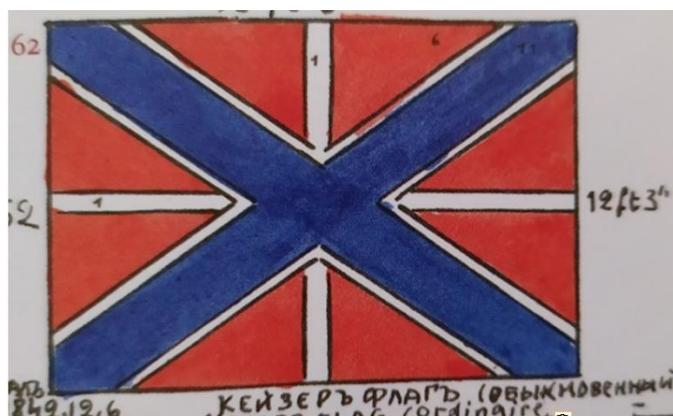
Равнина, на которой устроено укрепление от крепости на версту во все стороны неприметно возвышаются. И лес на такое же пространство и более вырублен, но противу правого фланга укрепления, на западе лежащего, есть рытвина, довольно углубленная и невыгодная для укрепления. Высоты, окрест лежащие, хотя на верстном расстоянии, но доминируют укреплением и большого калибра орудия могут чувствительный наносить вред.

Воды в укреплении и в близких вне оног колодцах для гарнизона достаточно и хороша – но для наливки морским судам мало, и для того они наливаются из родников и речек, в бухту стекающих»⁸³.

Тогда же, очевидно, оборонительные верки получили для удобства обозначения номера: от расположенного на южном фронте укрепления полубастиона, ставшего № 1, и до «правильного», самого мощного, бастиона на северо-восточной стороне, означенного № 5. На нем, судя по вышеприведенному плану от апреля 1833 г., был установлен и флаг укрепления (обозначен под № 21).

Этим флагом, видимо, являлся «обыкновенный кейзер-флаг», официальный рисунок которого был высочайше утвержден несколько позже, 12 июня 1842 г.⁸⁴. В связи с тем, что в Полном собрании законов Российской империи (собрание второе) помещен только его черно-белый рисунок, представляется целесообразным привести цветной вариант из известной работы В.В. Звегинцова⁸⁵.

⁸³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 97-102

⁸⁴ ПСЗРИ. Т. XVII, 1842, № 15742

⁸⁵ Звегинцов В.В. Знамена и штандарты Русской армии (XVI в. - 1914 г.) и морские флаги / Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». М., 2008. Л. 118

Относительную слабость лагерных укреплений отчасти должен был компенсировать довольно внушительный, по кавказским меркам, артиллерийский парк, ведь, как констатировал Ф. Дюбуа де Монпере, в отличие от ружейной стрельбы русской пехоты, орудийного огня горцы боялись больше всего и старались держаться от него на почтительном расстоянии⁸⁶. Очевидно с учетом этого, еще в сентябре 1831 г. в придачу к имеющимся в Геленджикском отряде полевым орудиям, единорогам и мортиркам, на пополнение артиллерийского парка укрепления с судов Черноморского флота были переданы 22 пушки с обслуживающей их орудийной прислугой, а также большое количество артиллерийских боеприпасов⁸⁷.

The image shows two pages of a handwritten document, likely an inventory or receipt. The text is in Russian, written in cursive. The left page is headed "Видность" (View) and lists various types of artillery equipment such as "24-фунтовые пушки" (24-pound cannons), "36-фунтовые пушки" (36-pound cannons), and "6-фунтовые пушки" (6-pound cannons). The right page is headed "Составление пушек" (Composition of cannons) and lists "24-фунтовые пушки" (24-pound cannons), "36-фунтовые пушки" (36-pound cannons), and "6-фунтовые пушки" (6-pound cannons). The document is signed at the bottom right by "Генерал-майор Берхман" (Major General Berkhman).

Таким образом, на вооружении укрепления согласно ведомости, подписанной генерал-майором Берхманом, в общей сложности насчитывалось

⁸⁶ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 111

⁸⁷ В частности, только с фрегата «Тенедос», помимо 4 двадцати четырех фунтовых пушек, было передано 425 чугунных ядер и 258 пудов пушечного пороха (РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2615. Л. 356об)

32 пушки и 2 мортирки⁸⁸, размещенных, как видно из фрагмента плана, главным образом, на его бастионах.

Помимо этого, до завершения строительства укрепления было признано необходимым иметь на Геленджикском рейде для дополнительного артиллерийского прикрытия некоторое число судов Черноморского флота. В этих целях, например, в марте 1833 г. там находились: 1 корвет, 1 бомбардирское судно, 1 катер и 1 транспорт⁸⁹.

Всего на строительство укрепления в Геленджикской бухте в 1831-1832 гг. из казны было выделено почти 49,72 тыс. рублей ассигнациями⁹⁰, а в 1833 г. - еще 40,0 тыс. рублей ассигнациями⁹¹. Таким образом, общая сумма затрат на эти цели в переводе на серебро по тогдашнему курсу (1:3,5) составила 25,634 тыс. рублей серебром. Для того чтобы судить много это или мало, можно сравнить эту цифру с общим бюджетом Военного министерства, составлявшего, к примеру, в 1826 г. 40 759,054 тыс. рублей серебром⁹².

По состоянию на август 1833 г. в «Ведомости крепостям, укреплениям и постам Черноморской и Кавказской линии, с показаниями в каких частях линии, частях кордона или участках они находятся и в каком году крепости и укрепления построены» Геленджик все еще значился как «укрепленный лагерь»⁹³.

⁸⁸ РГВИА. Ф.13454. Оп.3. Д. 18. Л. 90-90об (В тексте документа описка в отношении орудий, переданных с фрегата «Генедос»: не «тридцати четырех», а «двадцати четырех» фунтовых)

⁸⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 77об

⁹⁰ Шавров Н. Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания // Морской сборник. Т. LXII, № 9, 1862. С. 44

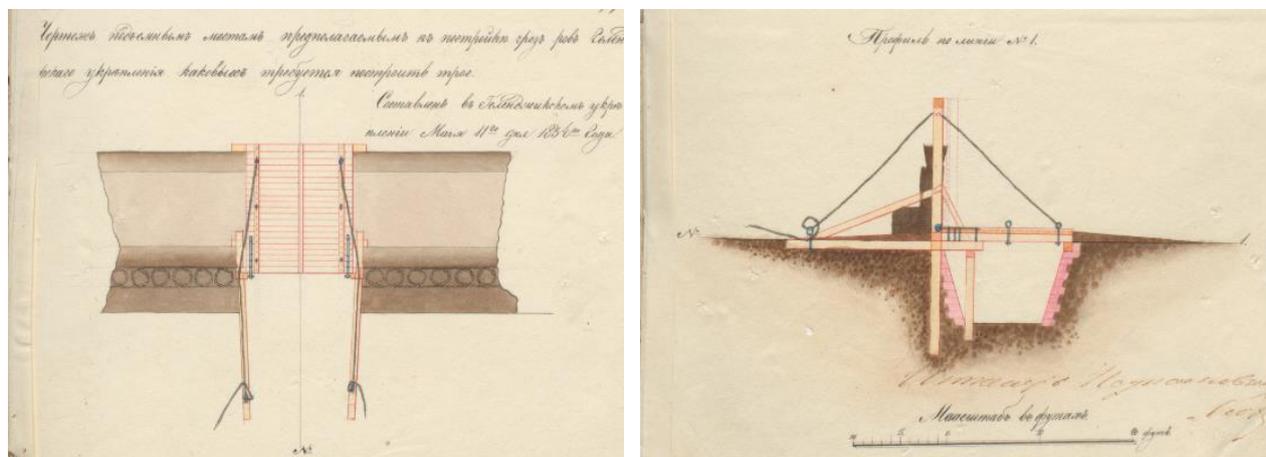
⁹¹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 18

⁹² Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896. С. 444

⁹³ РГВИА. Ф.13454. Оп.5. Д. 32. Л. 1

В целях превращения его в более-менее надежное укрепление в мае-сентябре 1834 г. в Геленджике была произведена перестройка к тому времени в значительной степени развалившихся полубастиона № 1, бастионов № 2 и № 4, а также плетневой куртины между полубастионом № 1, бастионами № 2, № 3 и № 4. Кроме того, отделан гласис вокруг всего укрепления, исправлен бассейн перед куртиною между бастионами № 4 и № 5, изготовлено 11 часовых будок, сооружены из терновника рогатки для продления фаса полубастиона № 1 в море на расстояние 7 саженей⁹⁴.

Отдельно следует отметить постройку подъемных мостов в северной и восточной воротах укрепления взамен прежних, установленных в 1831 г., не очень удобных и к тому же выработавших свой рабочий ресурс⁹⁵. Очевидно, именно их скрип упоминает Н.М.⁹⁶ в своих воспоминаниях.

В то же время, результаты работ, наверняка, были более ощутимыми, если бы не нерадивость полевого инженер-подполковника Коха, дошедшая до того, что комендант Геленджикского укрепления полковник Чайковский в одном из своих обращений на его имя предупреждал: «... я в последний раз предписываю вашему высокоблагородию: что если еще, во-первых, вы будете делать на должные от меня предписания возражения ..., во-вторых, не будете иметь должного надзора за правильностью производимых работ, в-третьих, по текущим делам, если я принужденным найду повторять вам мои предписания, и наконец, в-четвертых, если вы будете представлять месячные отчеты после 2-го числа, в таком разе я донесу обо всем высшему начальству»⁹⁷.

Аналогичным образом инженер-подполковник Кох отнесся и к главной задаче, поставленной перед собранной в Геленджике инженерной командой,

⁹⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3 Д. 42. Л. 125-126, 159-162об, 197-199

⁹⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3 Д. 42. Л. 96

⁹⁶ Н.М. Воспоминания о Кавказе в 1837 г.// Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 67. № 266. 1847. Гл. II (drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/N_M/text2.php)

⁹⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 149-150об

касающейся исполнения упомянутого ранее предписания генерал-адъютанта Нейдгардта от 10 февраля 1832 г. о составлении проекта тамошней крепости. Под различными предлогами: то ссылаясь на отсутствие необходимых геодезических и чертежных инструментов, то на невозможность проведения топографической съемки окрестностей Геленджикской бухты для отыскания наиболее подходящего места для устройства крепости без прикрытия отрядом численностью не менее 1000 человек, он всячески оттягивал начало этой работы.

В конце концов, в декабре 1833 г. в Геленджик был послан исполняющий должность начальника инженеров Отдельного Кавказского корпуса полковник Баумер, которому было поручено «подробное рассмотрение местности около тамошней бухты, с производством аккуратной съемки оной, и составление проекта предполагаемой крепости»⁹⁸. Результатом его командировки, довольно подробно описанной Ф.А. Щербиной⁹⁹, стали два проекта. Первый, локальный - «проект улучшения обороны Геленджикского укрепленного лагеря вместе с письменным мнением, произвести оное при самом исправлении частей укрепления, повредившихся от осенних и весенних дождей»¹⁰⁰, направленный коменданту полковнику Чайковскому, второй, фундаментальный - очередной проект Геленджикской крепости¹⁰¹.

Представляя в октябре 1835 г. данный проект Военному министру, сам командир Отдельного Кавказского корпуса барон Розен, находя предложения полковника Баумера основательными, тем не менее посчитал своим долгом высказать отрицательное отношение к проекту, мотивируя свою позицию отсутствием «возможности приступить в скором времени к постройке сей крепости, в чем ... не предстоит еще большой надобности, ибо существующие там ныне укрепление без всякого сомнения может выдержать нападение горцев в превосходных силах. Кроме сего, распространяющиеся завоевания наши на Восточном берегу со временем доставят возможность обойтись при постройке сей крепости местными средствами, без которых издержки будут весьма значительны»¹⁰².

С учетом этого, а также по ряду других причин практического характера¹⁰³ император тоже нашел проект инженер-полковника Баумера негодным и, как

⁹⁸ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 22-22об

⁹⁹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 19-20

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 5

¹⁰¹ См. РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 651,653-657 и РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386

¹⁰² РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 22об-23

¹⁰³ «Его Императорское Величество, рассмотрев оной [проект] изволил найти следующее: 1^е, Оборонительные башни на обоих оконечностях бухты бесполезны, потому что бухта не подвергается нападению неприятельского флота. 2^е, Избранное для новой крепости место командуемо окружающими высотами; 3^е, Наконец, главный источник воды больше чем на ружейный выстрел отдален от

следует из отношения Военного министра Генерал-инспектору по Инженерной части великому князю Михаилу Павловичу от 27 декабря 1835 г., повелел «сообразить на месте самым тщательнейшим образом не окажется ли возможным расположить постройку новой крепости на северо-западном мысе Геленджикской бухты, дабы таким образом с одной стороны учредить достаточную защиту входа в бухту без всяких дополнительных построек, а с другой - иметь крепость Геленджик в одной линии и общей связи с прочими укреплениями предположенными от сего пункта по морскому берегу до Анапы»¹⁰⁴.

До того же времени, следовало сохранить укрепление в имеющемся виде, поддерживая его починками по мере необходимости. Это было весьма важным, т.к. природные аномалии зачастую наносили довольно значительный урон веркам. Например, в декабре 1834 г. в результате непрекращающихся в течение нескольких дней подряд ливней «половина бруствера правого фаса и часть переднего обрушились в ров, батарея № 3 имеет большую часть бруствера до основания обвалившегося, остался только внутренний плетень, на прочих местах укрепления бруствер хотя еще держится, однако по некоторым местам близок к обрушению. Словом, повреждения сии столь велики, что вся возможная поправка не может упрочить старого, и потому канаву и бруствер необходимо нужно будет с предстоящей весны устроить вновь на другой черте»¹⁰⁵.

В реальности, несмотря на крайне ограниченные возможности, удалось сделать даже больше, чем можно было предположить. В частности, по распоряжению корпусного командира генерал-адъютанта барона Розена возведенные ранее круглые бастионы, малоспособные к фланковой обороне, были перестроены в классические, с фасадами. Так что замечание Г.И. Филипсона, побывавшего в Геленджике в 1837 г. в качестве участника экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова, о том, что «с 1831 г. Геленджик мало изменился»¹⁰⁶, видимо, следует отнести не к оборонительным веркам, а к его внутренним постройкам и сооружениям.

Что же касается переноса укрепления в другое место Геленджикской бухты, то последняя попытка этого была предпринята после посещения императором Геленджика в сентябре 1837 г., в ходе которой он, лично «обозрев местность при Геленджике, которую предположено оградить, изволил находить оную весьма

предполагаемой крепости и сообщение с ним, в случае нападения, может быть затруднительно.» ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 9

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1386. Л. 53об-54об

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 5

¹⁰⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 252

удобную для устройства самой простой оборонительной линии, дав ей в самом возвышенном месте редут»¹⁰⁷.

Первоначальный вариант задуманных к постройке фортификационных сооружений на 20 орудий, предложенный генерал-лейтенантом Вельяминовым, предполагал их устройство по линии «С» – «Н» – «J», пересекающей оконечность Толстого мыса южнее существующего укрепления¹⁰⁸.

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 200. Л. 56

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 652

Однако после случившейся в марте 1838 г. скоропостижной смерти генерал-лейтенанта Вельяминова проект претерпел ряд изменений, а именно, император признал достаточным разместить на новой линии лишь 8 орудий¹⁰⁹, а генерал-майор Раевский предложил несколько изменить ее направление, начав от исходящего угла ближайшего бастиона, по линии «L» – «Q» для обеспечения связи между существующими и вновь возводимыми верками и возможности ее усиления пятью орудиями, стоящими на южном фесе укрепления¹¹⁰, а также вместо одного редута устроить три («M», «O», «P»), каждый на 6 орудий, и еще один бастион («N»). Длина новой оборонительной линии в этом случае должна была составить почти три версты.

Свои предложения по устройству укрепления на южном мысе Геленджика генерал-майор Раевский, вместе с тем, сопровождал оговорками о невозможности его строительства в 1838 г. до завершения возведения укрепления на реке Шапсухо (Тенгинского) и расчистки первоначально местности для будущей линии. К другим препятствиям, не позволяющим в короткие сроки осуществить ее постройку, он отнес отсутствие в ближайших окрестностях глины и воды, требуемой для изготовления сырцового кирпича, каменистый грунт, крушение 30 мая пяти зафрактованных судов, из-за чего стало невозможным перевести в Геленджик необходимое число рабочих с прикрытием и обеспечить их продовольствием, соломой для кирпичей и всеми потребностями для намеченных строений. В конечном итоге под этими благовидными предлогами генерал-майор Раевский отказался от реализации проекта переноса укрепления в Геленджике, предпочтя вместо этого основание крепости в Суджукской бухте, имевшей, по его мнению, важные преимущества по сравнению с Геленджикской.

Таким образом, Геленджикское укрепление до самого момента его ликвидации так и оставалось на том же самом прибрежном участке, какой первоначально был выбран для разбивки полевого лагеря при высадке войск в 1831 г. В связи с этим представляется уместным установить его тогдашнее местоположение в непосредственной привязке к сегодняшнему городскому ландшафту, совместив в одном масштабе спутниковую карту Геленджика (Яндекс.Карты) и представленный выше «План окрестностей крепости Геленджик», составленный в начале 1838 г.¹¹¹:

¹⁰⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 9об

¹¹⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 10

¹¹¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 652

Как видно ниже на увеличенном фрагменте, укрепление располагалось на прибрежном участке, ограниченном ныне улицами Островского и Кирова, Южным переулком, и имело форму неправильной трапеции. Его периметр составлял 553 сажень. Зеленой полуокружностью, идущей от морского берега в районе сегодняшней Садовой улицы на севере до Новороссийской на востоке и опять примыкающей к морю у Курзальной на юге, отмечена граница сплошной вырубке деревьев и кустарника вокруг укрепления.

Произошедшие во исполнение именного указа Николая I от 5 апреля 1839 г.¹¹² изменения в устройстве Черноморской береговой линии имели для Геленджика двоякие последствия. С одной стороны, 5 ноября 1839 г. высочайшим повелением в крепости Геленджике было упразднено комендантское управление¹¹³, что на практике означало, согласно Военному энциклопедическому лексикону¹¹⁴, придание ему формального статуса укрепления. С другой, с назначением начальником Черноморской береговой линии генерал-майора Раевского, имевшего на первых порах поддержку императора, Геленджик начал выходить «понемногу из своей прежней грязи и апатии»¹¹⁵.

Как представляется, второе было гораздо важнее, так как в условиях отсутствия сколь-нибудь серьезных ассигнований на поддержание земляных верков Геленджикского укрепления, их состояние вследствие разрушений от природных явлений (ливней, паводковых вод) постепенно ухудшалось. В обозрении Восточного берега Черного моря, составленном генерал-майором Раевским в апреле 1839 г. при назначении на должность начальника Черноморской береговой линии, оно характеризовалось следующим образом: «Бруствер укрепления сделан из дурного дерна, малой профили и недостаточной толщины. Теперь он почти развалился, несмотря на то, что комендант употребляет все скудные средства свои, чтобы его поддержать ... Нет никакой возможности содержать это укрепление в порядке, который соблюдается в других по Восточному берегу.

На исправление этого укрепления нужно столько же работы, как и для постройки вновь. В таком случае лучше было бы построить небольшой форт на другом месте, саженьях в 150 от берега, так, чтобы стены старого укрепления образовали безопасное пространство для частных строений и огородов»¹¹⁶.

В целях исправления ситуации по приказанию начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирала Серебрякова с лета 1839 г. в Геленджикском укреплении было начато обкладывание кроны бруствера по всему протяжению огневой линии колючим кустарником, «чтобы придать ему хотя некоторую недоступность»¹¹⁷. Но, как он сам признается в рапорте генерал-лейтенанту Раевскому, «все эти меры так неудовлетворительны, что могут быть допущены только по крайней необходимости и на короткое время»¹¹⁸.

¹¹² ПСЗРИ. Т. XIV, 1839, № 12208

¹¹³ ПСЗРИ. Т. XIV, 1839, № 12849

¹¹⁴ Военный энциклопедический лексикон. СПб, 1853. Том IV. С. 159

¹¹⁵ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 317

¹¹⁶ ГАКК. Ф.260. Оп. 1. Д. 62. Л. 16об (опубликовано: Архив Раевских. Т. III. С. 62)

¹¹⁷ ГАКК. Ф.260. Оп. 1. Д. 58. Л. 7об

¹¹⁸ ГАКК. Ф.260. Оп. 1. Д. 58. Л. 7об

Одновременно с этим сократилось и число установленных в укреплении орудий, что было обусловлено либо их выходом строя по техническим причинам (дефектам стволов и негодностью лафетов), либо необходимостью передачи в другие артиллерийские гарнизоны Кавказского (Грузинского) округа. По состоянию на 11 марта 1837 г. в нем значилось уже только: крепостных – четыре 24-фунтовых, восемь 8-фунтовых, десять 6-фунтовых пушек, полевых – один $\frac{1}{4}$ -пудовый единорог, одна 6-фунтовая пушка, горных – два 3-фунтовых единорога, две 6-фунтовые медные мортирки¹¹⁹.

Зарядный ящик и полевая пушка второй четверти XIX в.¹²⁰

Согласно высочайше утвержденной 3 сентября 1837 г. ведомости о числе орудий и прочих вещей, полагающихся в резервных батареях 19-й и 20-й артиллерийских бригад, Кавказской гренадерской, а также 11-й гарнизонной артиллерийской бригады при №1-го роте, в Геленджикском укреплении необходимо было иметь к полевой 6-фунтовой пушке боевых зарядов (с ядрами и картечью) по числу гнезд в одном зарядном ящике, к $\frac{1}{4}$ -пудовому единорогу (с гранатами, картечью и брандскугелями) – по числу гнезд в одном зарядном ящике и передке¹²¹.

В общем, предусмотренное на 1840 г. выделение «в дополнение к суммам, назначенным по военной смете Кавказского корпуса, ... 90104 р.[ублей] с.[еребром] на исправление Геленджика и форта Вельяминовского, на улучшение зданий во вновь предполагаемых укреплениях и на усиление перевозочных способов морем»¹²² оказалось как нельзя своевременным.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д.60. Л. 3

¹²⁰ Введенский Г.Э. Армейских будней летописец. Художник А.И. Гебенс. СПб, 2006. С. 115,119

¹²¹ ПСЗРИ. Т. XII. № 10529

¹²² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.IX. С. 465

Более детальное распределение указанной суммы было доведено предписанием командира Отдельного Кавказского корпуса от 11 февраля 1840 г., согласно которому для предстоящих работ в Геленджике, рассчитанных на два года, предусматривалось:

на постройку нового форта – 133443 руб. 69³/₄ коп.,

на палисад с доставкой морем – 12000 руб.,

на два блокгауза – 10199 руб. 83¹/₂ коп.

Всего – 155643 руб. 53¹/₄ коп. ассигнациями или 44469 руб. 53¹/₄ коп. серебром.

Для производства этих работ в Геленджике и в форте Вельяминовском разрешалось использование двух пеших казачьих Черноморских полков¹²³.

Несмотря на то, что вследствие известных событий весны 1840 г. фактически в перестройке Геленджикского укрепления участвовал вместо двух казачьих полков лишь один, до наступления холодов общими силами квартирующими там и временно прикомандированных частей удалось выполнить большой объем фортификационных работ. По их итогам в первой половине 1840 г. согласно обзору Черноморской береговой линии командиром Отдельного Кавказского корпуса генералом от инфантерии Головиным, составленному по итогам его поездки по приморским укреплениям в мае-июне 1840 г., состояние Геленджика характеризовалось уже как вполне удовлетворительное: «профиль усилена и ров имеет достаточную глубину для полевого укрепления. Крона бруствера густо опущена колючим терновником по внешней крутости так, что в настоящем положении неприятель не может взойти на вал. Эта оборона представляется почти непреодолимое припятствие покуда терновник не высохнет»¹²⁴. Во второй половине года, по его мнению, работы по исправлению верков необходимо было продолжить, поскольку по-прежнему «укрепление трасировано дурно, фланговой обороны почти нет»¹²⁵.

В конце ноября 1840 г. по высочайшему повелению для составления подробного обзора укреплений Черноморской береговой линии на Кавказ был специально командирован инженер-подполковник Постельс¹²⁶. Ознакомившись на месте с состоянием дел, им была составлена подробная записка с предложениями по совершенствованию всей системы обороны Восточного берега. Эти предложения в отношении Геленджикского укрепления¹²⁷ вкпе с

¹²³ Архив Раевских. Т. III. С. 322

¹²⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп.6. Д. 259. Л. 60б

¹²⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп.6. Д. 259. Л. 60б

¹²⁶ Архив Раевских. Т. III. С. 568-569

¹²⁷ РГВИА. Ф. 312. Оп.1 Д. 1536. Л. 34об-35

результатами уже произведенных до его приезда работ нашли отражение в составленном им описании и чертеже с профилями оборонительных верков¹²⁸:

«По части фортификации.

Вид укрепления. Неправильный открытый со стороны моря четырехугольник, на трех сторонах коего расположены четыре бастионных фронта неправильного начертания.

Бруствер высотой от 7 до 8 футов, толстотою при бастионах 9 футов, а при куртине 4 фута.

Ров глубиною до 7 футов, среднее широтою до 2 футов.

Гласис увеличивает высоту контрэскарпа двумя футами.

Крутости имеют заложением около $\frac{2}{3}$ высоты. Эскарп бастионов одет дерном рядами, а внутренняя крутость бруствера облицована плетнем.

Земля, глинистая весьма дурным свойством. Для содержания в должной исправности крутостей требуются изнурительные для гарнизона работы, особенно

¹²⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп.1 Д.650

зимою. Верхний слой земли весьма способен для огородных заведений, но для плакировочных работ он совершенно не годен. Дерн имеется только в низменных местах; он весьма дурных свойств, а потому дерновые одежды не представляют надлежащей прочности.

Грунт надежен для построек. На глубине от 5 до 7 футов встречается глинистый сланец в слоях весьма различной толстоты и твердости. На Северной стороне укрепления слои эти находятся на меньшей глубине от поверхности земли.

Грунтовая вода держится зимою, осенью и весною на глубине от 2 до 3 футов под поверхностью земли; но летом она значительно понижается.

Палисад, сплошной из полубрусьев толстотою от 4 до 5 дюймов, поставленный для усиления профили по брустверу вдоль линии огня 2-го, 3-го, 4-го и 5-го бастионов, высотой $9\frac{1}{2}$ футов, в земле от $3\frac{1}{2}$ до 4 футов, служит вместе с тем средством к дефилированию укрепления от командующей местности. Поставленный же в горжах бастионов со рвом впереди, имеет предметом совершенное отделение бастионов от внутреннего пространства, которого длинные куртины не могут быть достаточно заняты малочисленным гарнизоном. Тот и другой скреплены в трех местах, снизу под землю, с наружной стороны и сверху с внутренней стороны, пажиллинами, прибитыми деревянными нагелями, а посередине вставными шипами. Сверх того все углы связаны полосным железом.

Бойницы расположены при поверхности бруствера в расстоянии от $3\frac{1}{2}$ до 4 футов средина от середины. В палисаде же, смыкающем горжи бастионов они находятся на $6\frac{1}{2}$ футов выше бермы. Высота отверстия 1 фут, широта 4 дюйма.

Барбетов имеется на 15 орудий. Сверх того, пять орудий на платформах отдельных блокгаузов.

Амбразуры, устроенные в палисаде, на 1 фут выше поверхности бруствера, снабжены ставнями для прикрытия артиллеристов.

Ворот имеется двое, а именно: в куртине ближайшего к морю Северного фронта и в куртине Южного фронта. Вместо полотнищ служат подъемные части мостов, закрывающие при подъеме воротные отверстия.

Мосты, подъемные на деревянных быках.

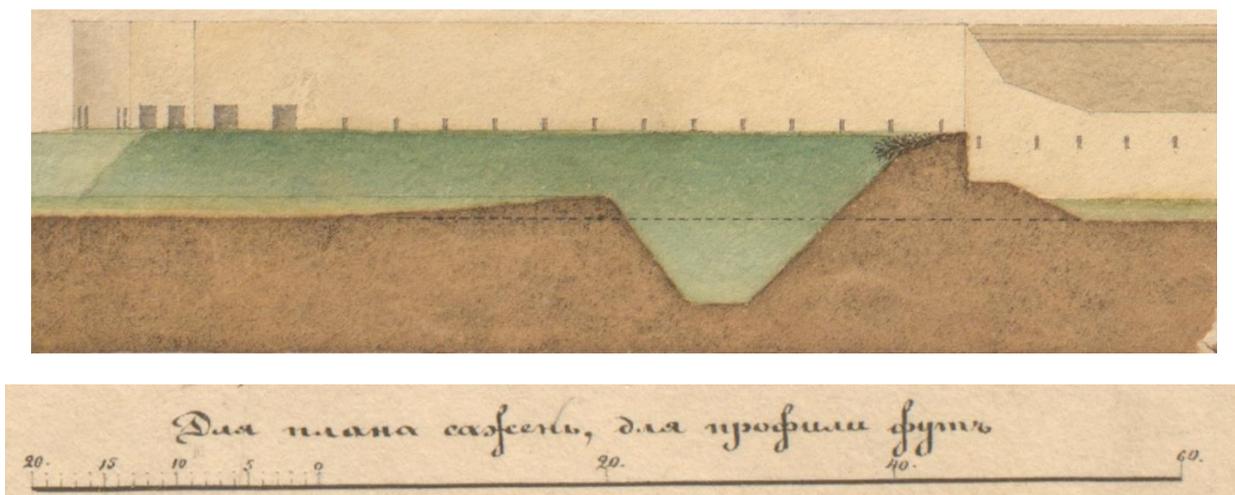
Пороховой погреб из полубрусьев под железною крышею расположен в 1-ом бастионе и одет дерном рядами. Кроме того, имеется погреб для артиллерийских снарядов, турлучный под крышею из плетня, обмазанного глиною и прикрытого малым слоем земли.

Отдельные блокгаузы, расположенные в числе пяти вокруг укрепления, в расстоянии от 70 до 90 сажень от линии огня, обеспечивают огороды, выгоны и

сенокосы и затрудняют перекрестным и затыльным огнями подступы к бастионам, коих рвы не имеют фланговой обороны. Подробное описание их устройства имеется при детальном чертеже отдельного блокгауза.

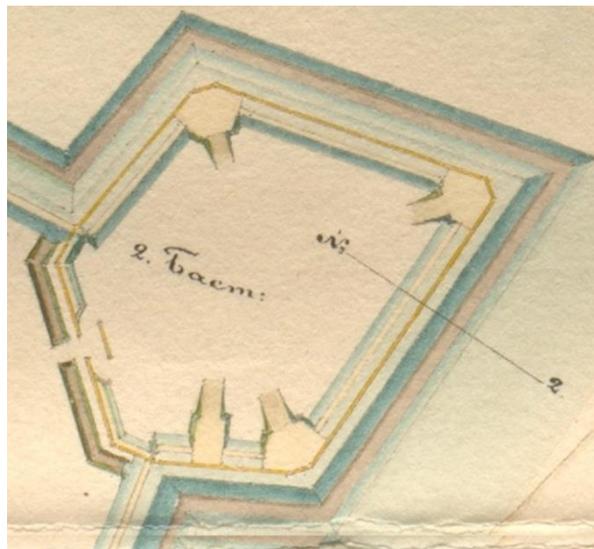
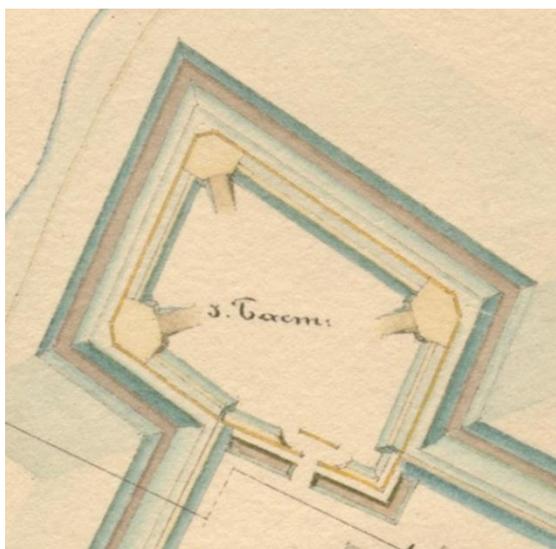
Вспомогательные средства. На подошве рва 1-го бастиона, который отделен от куртины рогатками, поставлен вдоль эскарпа палисад высотой от $8\frac{1}{2}$ футов, в земле от 3 до $3\frac{1}{2}$ футов. Сообщение вдоль берега при обоих прибрежных бастионах пересечено рогатками, на которых утверждён колючий терновник. По поверхности бруствера куртин утверждена засека из колючего кустарника, коего острые оконечности высунуты на несколько фут вне бруствера со стороны рва. Терновник этот растёт в большом количестве поблизости укрепления и доставляет отличную засеку, но длинные и многочисленные иглы его крайне затрудняют рубку, и притом он скоро засыхает и весьма быстро загорается. По поверхности же бруствера бастионов впереди амбразур набиты заостренные колья в шахматном порядке.

Строительные материалы. Камня, годного для построек вблизи укрепления, не имеется. Глинистый сланец, скоро выветривающийся на воздух, составляет единственную породу камня, встречаемую в ближайших возвышенностях. Песок с берега моря можно почесть годным к употреблению. Глина посредственных свойств для выделывания кирпича, находится местами на глубине от 2 до 3 футов под другими слоями. Строительного леса в ближайшей окрестности укрепления не имеется. Юго-восточные возвышенности и долина реки Мезип покрыты отчасти хорошим лесом, но для рубки были бы потребны значительные отряды и пожертвования людьми при неминуемых перестрелках с горцами»¹²⁹.

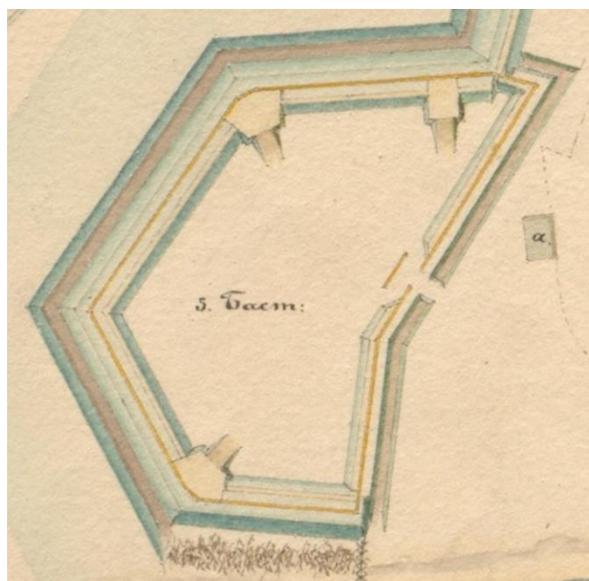
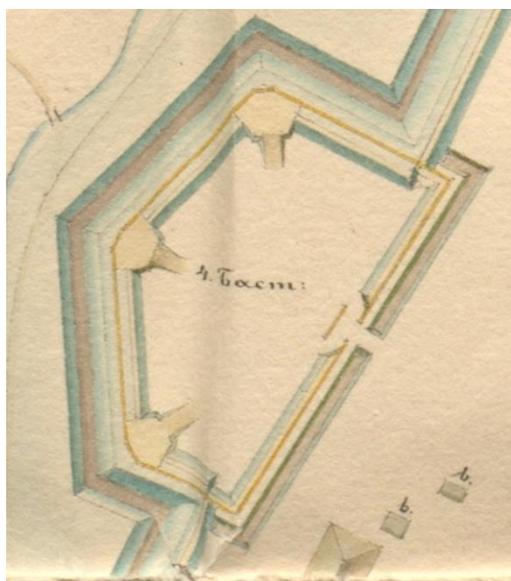

Профиль куртины

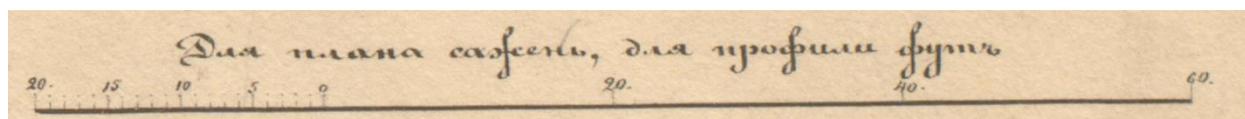
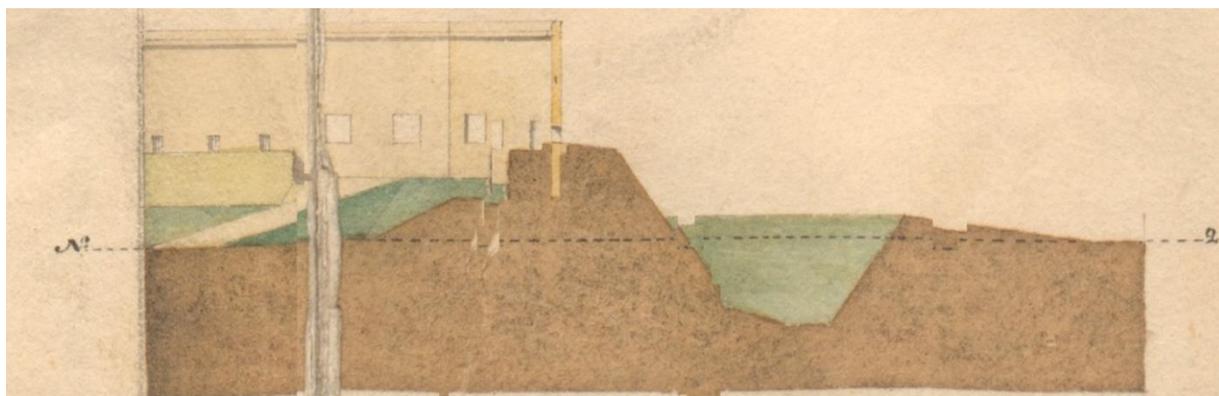
¹²⁹ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2322. Л. 58-60об

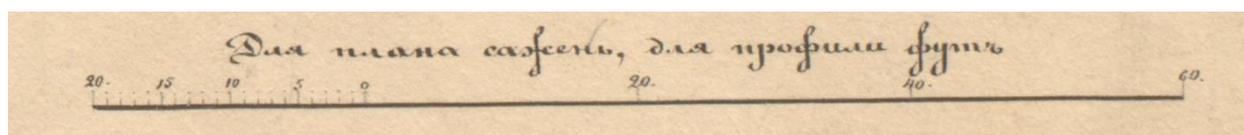
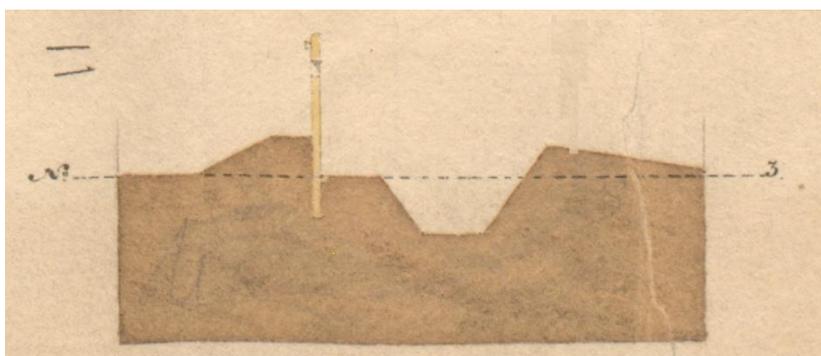
Планы бастионов №№ 3 и 2

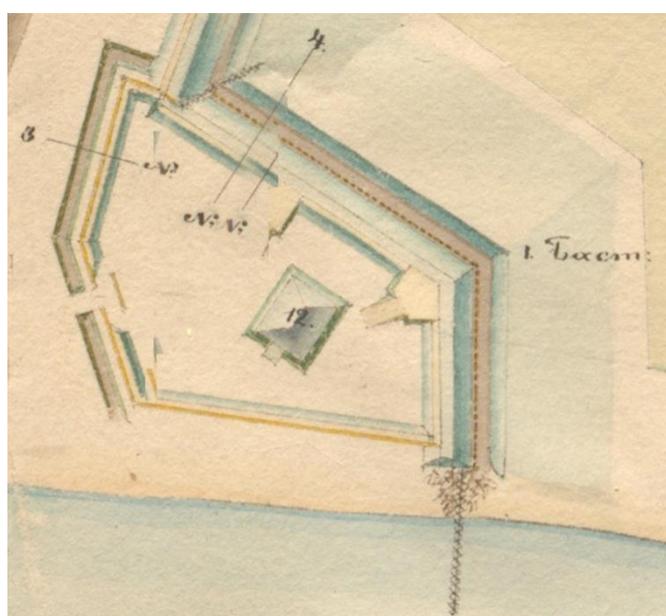
Планы бастионов №№ 4 и 5

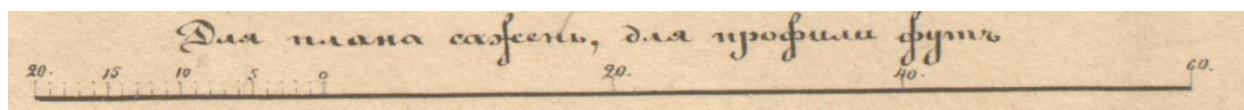
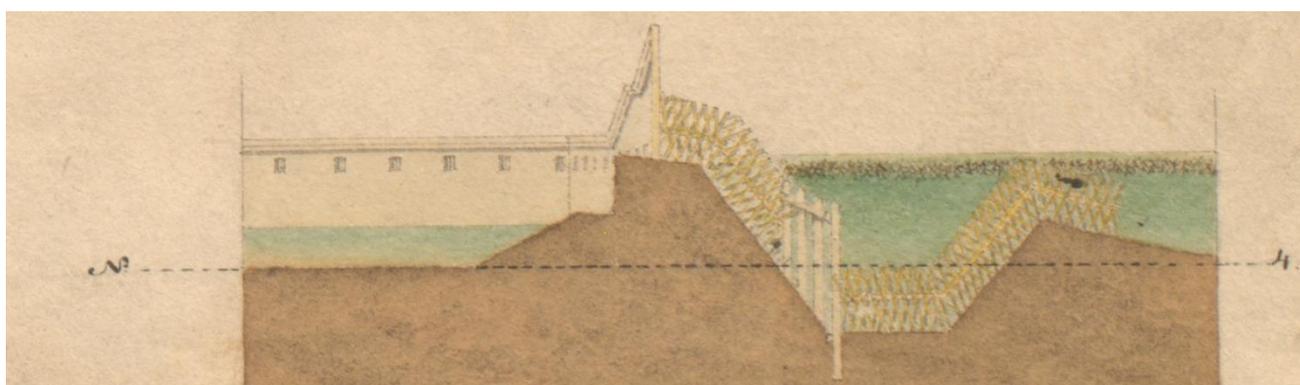
Профиль внешних фасадов бастионов №№ 2, 3, 4, 5

Профиль горжи (тыльной стороны) бастионов №№ 1-5

План бастиона № 1

Профиль внешних фасов бастиона № 1

Как следует из описания и плана, толщина парапета согласно расчетам¹³⁰ в минимальной, но достаточной, мере обеспечивала защиту от ружейного огня горцев, благо серьезной артиллерии они не имели¹³¹, а небольшой гласис, переходящий в окружающий ландшафт, повышал контрэскарп и служил для отвода дождевых и паводковых вод, заиливающих ров. Примыкающие к берегу фасы бастионов № 1 (с южной стороны) и № 5 (с северной) продолжались заграждениями из рогаток, уходящими в море на расстояние около 13 метров.

Расположенные вокруг укрепления отдельные блокгаузы, как и бастионы, имели номера, но с какой стороны начиналась их нумерация неизвестно. Скорее всего, она велась аналогично бастионам – с юга, против часовой стрелки. Построены блокгаузы были по типовому проекту и, согласно описанию инженер-подполковника Постельса, выглядели следующим образом:

«Вид блокгауза. Бревенчатая четырехугольная постройка, заключающая жилое помещение на 25 человек, с платформой для одного орудия над потолком, и обнесенная со всех четырех сторон галереей с бойницами, коей стены облицованы дерном рядами.

Жилое помещение, построенное из цельных обтесанных брусьев на бревенчатых стульях, имеет 4 фута с каждой стороны и 10 футов высоты, и оснащается двумя окнами. Пол из чистых досок настлан по балкам на один аршин выше горизонта местности с подсыпкою земли и забивкою промежутков между стульями камнями на глине. Нары на 25 человек расположены вдоль стен, а русская печь в одном из углов, с железной трубой, проведенной через сруб.

Платформа имеет восьмиугольный вид и обнесена на 3¹/₂ фута высоту бревенчатым срубом, на котором утверждены железными наугольниками стойки, поддерживающие крышу. Пространство между стойками забрано поверху толстыми досками и брусьями, к коим привешены на петлях ставни высотой 2 фута, шириною 2¹/₂ фута, отворяемые во время действия посредством веревок, прикрепленных снаружи....

Галерея состоит из брусчатого сруба с продольными бойницами, поставленного вокруг строения на горизонте местности в расстоянии 6 футов от стен.

Крыша покрыта железными листами, над платформою на восемь скатов, над четырьмя выступами углов жилого помещения – на два, а над галереей – на один скат. Она окружена водосточными жалобами трубами и окрашена масляной краской....

¹³⁰ Теляковский А. Указ. соч. С.11-12

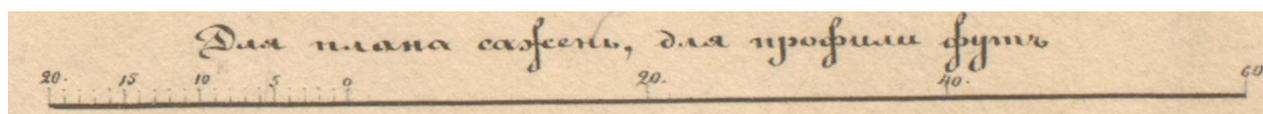
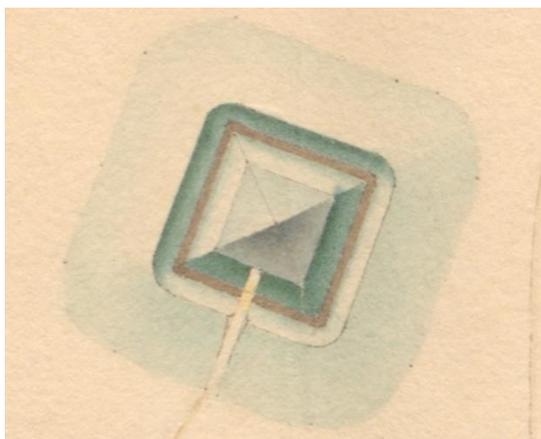
¹³¹ Подробнее см.: Остахов А.А. Артиллерия черкесов в Кавказской войне (1765–1864) // Археология и этнология Северного Кавказа. 2017, № 7. С. 146-157

Дверь расположена посередине одного из фасов строения. Из жилого помещения на платформу ведут две лестницы, приставленные к люкам, кои оббиты войлоками.

Ров имеет до 2 футов средней широты. Глубина его не везде одинакова, а в зависимости от грунта; но со включением гласиса, она имеет во всех фортах от 10 до 12 футов, а иногда и более. Крутости плакированы, где местные обстоятельства того позволяли. Эскарп отделан под углом 45 градусов и круче, а контрэскарп имеет заложение в $\frac{2}{3}$ высоты. Облицовка стен галереи сделана или из дерна, положенного рядами, или из плакированной земли, и срезана по продолжению отлогости контрэскарпа, оканчиваясь под бойницами.

Мост разборчатый на двух переводинах, коих поверхность нарублена гребнем. В ночное время настилочные доски хранятся в галерее.

Водоотводная труба, имеющее начало свое под подошвой рва, сложена по большей части из местного камня на глине с пластинным верхом, а в других местах, по недостатку камня, она сплавивалась из досок»¹³².

План одного из блокгаузов

Хотя каждый блокгауз был рассчитан на 25 человек, судя по ведомости о «ежедневном расходе нижним воинским чинам, выходящим на службу в укреплении Геленджик» от 16 июля 1842 г., по факту гарнизон каждого такого блокгауза составлял 11 человек днем и 13 - ночью¹³³.

В дальнейшем предполагалось также окружить блокгаузы и соединить их между собой и с морем засекой.

Интересно, что произошедшие изменения оценили по достоинству далеко не все: «Крепость Геленджик исправлена и изуродована (*sic!* – А.Г.) палисадом,

¹³² РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2322. Л. 39-40

¹³³ ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 98. Л.236

поставленным на кроне бруствера...»¹³⁴, записал в своем дневнике М.Ф. Федоров, вновь увидевший Геленджик через четыре года после первого его посещения в 1837 г.

В целом же, как рапортовал инженер-подполковник Постельс Генерал-инспектору по Инженерной части в январе 1841 г. по итогам своей поездки на Черноморскую береговую линию, «все высочайше утвержденные на сей (1840 – А.Г.) год предположения приведены ныне с точностью в исполнение и укрепления эти представляют во всех частях прочный и надежный оборонительный вид»¹³⁵.

После исправления оборонительных верков в 1840 г. стала очевидна избыточность имевшегося в Геленджикском укреплении артиллерийского вооружения, практическая ценность части которого к тому же была относительна. Орудия, как вспоминает Г.И. Филипсон, были «разных калибров и арсеналов, чугунные, служившие с 1813 года; а лафеты деревянные были до того гнилы, что рассыпались нередко после нескольких выстрелов»¹³⁶. Особенно неудобными являлись 24-фунтовые морские пушки, весившие 149 пудов¹³⁷. Поэтому постепенно орудия крупного калибра из Геленджика вывозились, оставляя в качестве основы его артиллерийского парка 18-, 12- и 6-фунтовые пушки, 2- и 1/2-пудовые единороги и мортиры.

Поскольку командировка инженер-подполковника Постельса носила довольно узкий, специализированный характер, император, обеспокоенный после драматических событий весны 1840 г. ситуацией на Черноморской береговой линии и к тому же получивший от флигель-адъютантов Крузенштерна и Боратынского информацию о якобы имевшихся там существенных недостатках, в декабре того же, 1840 г., направил на Кавказ флигель-адъютанта полковника Астафьева с особым предписанием выяснить истинное положение дел с состоянием и довольствием гарнизонов прибрежных укреплений, состоянием их оборонительных верков, артиллерии, жилых и хозяйственных зданий, обеспечением врачебными пособиями, исполнением обязанностей гарнизонов по охранению укреплений и берега, а также организацией меновой торговли с горцами¹³⁸.

В подробном рапорте на имя Военного министра графа Чернышева от 1 марта 1841 г. по итогам своей поездки полковник Астафьев в части

¹³⁴ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III. С.75

¹³⁵ РГВИА. Ф. 312. Оп. 1. Д. 1536. Л. 42-43 (Исключение составил лишь форт Навагинский, где из-за неблагоприятных погодных условий и плохого грунта не удалось довершить устройство блокаузов и исправить некоторые обрушения вала)

¹³⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 325

¹³⁷ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М, 1972. С. 571

¹³⁸ Архив Раевских. Т. III. С. 578-586

Геленджикского укрепления докладывал, что «оборонительные верки, орудия с принадлежностями и боевые снаряды содержатся в должной исправности, но от дождей и сильных береговых ветров дерновая окладка брустверов и эскарпов исходящих углов бастионов частью обвалилась; для исправления некоторых упущений я дал Воинскому начальнику инструкцию, заключающую в себе:

- 1) Сомкнуть палисадами горжи бастионов 1-го, 3-го, 4-го и 5-го;
- 2) Обвалившиеся дерновые крутости оплакировать черную землю, наблюдая, чтобы угол склонения эскарпа был бы отнюдь не более 15°; частью и этому недостатку приписываю я обвалы;
- 3) Во всех подъемных частях мостов прорезать по 3 бойницы для обстреливания входа, что прежде не было сделано;
- 4) Палисад, покривившийся в некоторых местах от отвесного направления, укрепить, вбив с наружной и внутренней стороны глубиною в землю до 8 фут, и соединить их горизонтальным лежнем, который должен находиться на 1 фут в земле; как сваи, так и лежни скрепить железными хомутами»¹³⁹.

Эти предложения были в дальнейшем дополнены инструкциями по устранению произошедших в течение зимы повреждений и улучшению оборонительных средств, составленными инженер-поручиком Натом, который был направлен инженер-подполковником Постельсом для оказания помощи воинским начальникам прибрежных укреплений в изыскании средств, хотя бы временных, к немедленному исправлению неисправностей оборонительных построек¹⁴⁰.

Помимо сделанных распоряжений по улучшению укреплений Черноморской береговой линии, еще одним важным результатом командировки инженер-подполковника Постельса стали разработанные им в 1842-1844 гг. согласно высочайшей воле императора, последовавшей вследствие представления генерал-лейтенанта Раевского, проекты построения крепостей в важнейших пунктах Черкесского берега – Геленджике, Новороссийске и Сухум-кале. Как видно из составленного им очередного плана крепости в Геленджике, ее строительство предполагалось на месте уже существовавшего укрепления¹⁴¹. Представляя свой проект в Инженерный департамент Военного министерства, инженер-подполковник Постельс отметил: «Местность, означенная на генеральном плане, позволяет дать укреплению правильный вид, а потому полагается образовать оное из трех фронтов, примыкающих одним крылом к редюиту или цитадели и замкнутых в горже.

¹³⁹ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д. 204 (опубликовано: Архив Раевских. Т. IV. СПб, 1912. С. 97-101)

¹⁴⁰ Архив Раевских. Т. IV. С. 125-127

¹⁴¹ РГВИА. Ф. 349. Оп.12. Д. 653

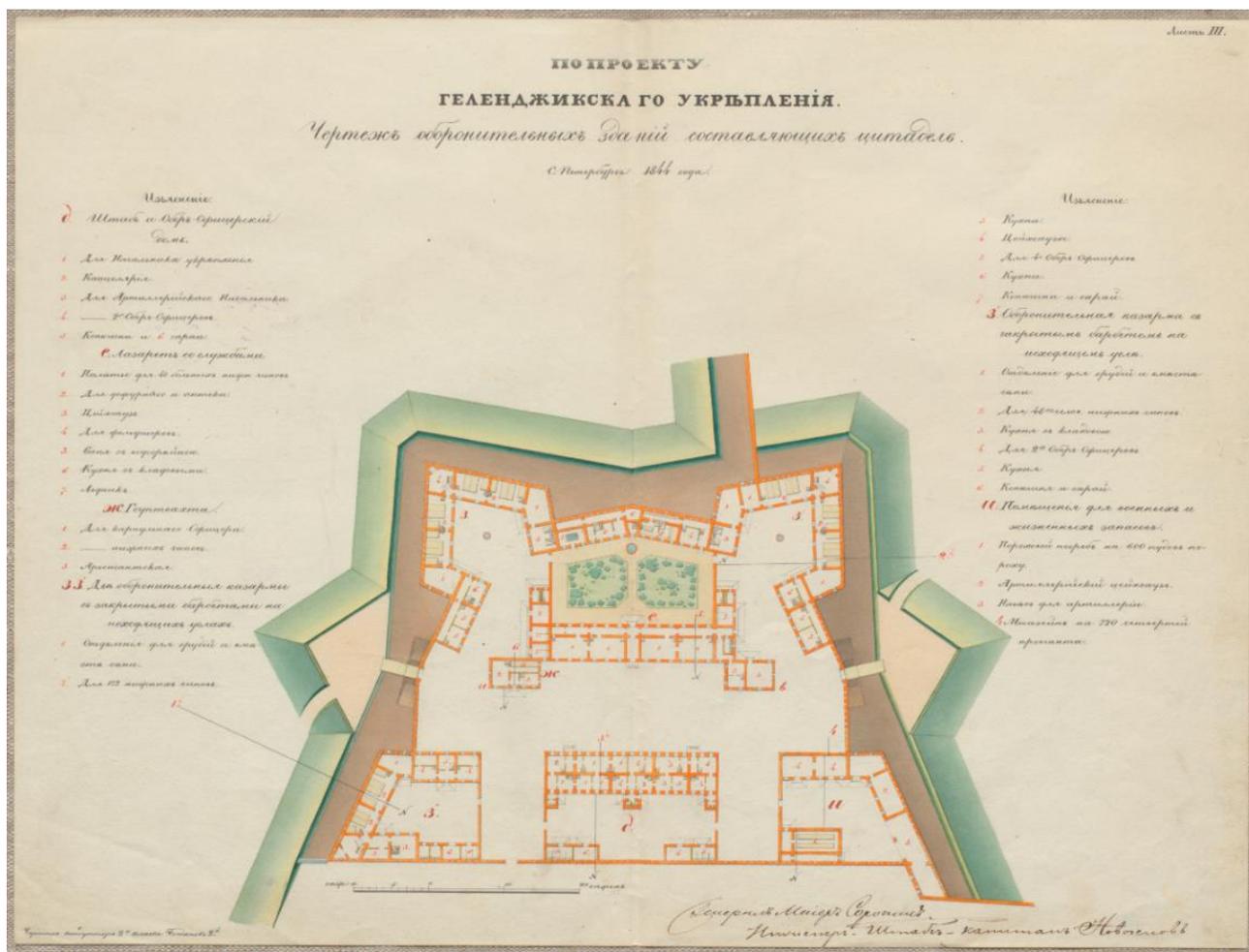
В середине каждого полигона расположены казармы, исполняющие назначение капониров, и также замкнутые с внутренней стороны на случай отдельной обороны. Внутренность укрепления разграничена на кварталы для потребностей гарнизона.

Цитадель, или редюит (Лит. Б), также состоит из трех фронтов бастионного расположения, сомкнутых в горже стеною. В нем сосредоточены все помещения для запасов жизненных и военных, лазарет и квартиры для начальства укрепления с достаточным числом гарнизона для обороны, как подробно показано в надписи на чертеже лист III¹⁴².

В предполагаемых казармах может поместиться 550 человек и в каждой из 4-х отдельных башен, показанных на плане, 25 человек. Относительно сих башен следует иметь в виду то же ограничение, как и при устройстве их около укрепления Новороссийска, т.е. пункты для них должны быть избраны сколь возможно более выгодные и открытые для обороны.

Для фланговой обороны укрепления и для обстреливания окружающей местности полагается орудий 22 и крепостных ружей 24.

¹⁴² РГВИА. Ф. 349. Оп.12. Д. 655

Впрочем, касательно предполагаемого укрепления Геленджика нельзя не обратить внимания на то, что пункт сей, находясь вблизи Новороссийска, укрепления довольно значительного и имеющего бухту более обширную, чем Геленджикская, быть может по местным соображениям не потребует такого усиления как Новороссийск, в таком случае достаточно будет построить при существующем укреплении только одну цитадель или редут, с пересыпкою некоторых частей земляного вала и усилением его профили, или же вместо земляного вала укрепить местность отдельными постройками»¹⁴³.

Наряду с очевидными фортификационными достоинствами проекта, долженствующего превратить Геленджикское укрепление в полноценную крепость, не меньшего внимания, безусловно, заслуживает и такая его неординарная для крепости деталь, как предусмотренный при лазарете небольшой водоем (бассейн или фонтан) с двумя зелеными сквериками.

По расчетам автора проекта, стоимость его реализации, включая «возведение оборонительных зданий Геленджикского укрепления, обнесения их

¹⁴³ РГВИА. Ф. 312. Оп.1. Д. 1730. Л. 9-10об

оградою с барбетами и на образование рва с гласисом», должна была составить 291490 рублей¹⁴⁴.

Увы, но и эта, казалось бы реальная, перспектива кардинальной перестройки Геленджика оказалась эфемерной. Хотя поступивший в Инженерный департамент проект крепости и не был там принципиально отклонен, а лишь получил ряд замечаний («уменьшить объем укрепления, не включая в него частных строений, а одне только потребности гарнизона; редюит расположить на берегу моря, соглашая возможные удобства расположения онаго со сбережением издержек»), 23 ноября 1844 г. Военный министр граф Чернышов проинформировал Генерал-инспектора по Инженерной части, что по его докладу об укреплении Новороссийска, Геленджика и Сухум-кале император собственноручно написал: «следует все покуда принять к сведению»¹⁴⁵, что фактически поставило крест на возможности практического воплощения разработанных инженер-подполковником Постельсом проектов.

С этого времени (1840 г.) каких-либо масштабных фортификационных работ в Геленджике, видимо, уже не производилось – вместо этого основные усилия и финансовые средства направлялись на строительство в нем капитальных служебных сооружений (казарм, складов, домов для офицерского состава и т.п.), дабы улучшить условия службы тамошнего гарнизона. Само же состояние оборонительных верков и артиллерийской части Геленджикского укрепления согласно обзорным отчетам о состоянии Черноморской береговой линии, например, генерала от инфантерии Нейдгардта от 8 июля 1843 г.¹⁴⁶ и генерал-майора Будберга¹⁴⁷ от 18 августа 1844 г., а также Военно-статистическому обзору Российской империи (1853 г.)¹⁴⁸ в целом почиталось в удовлетворительном положении¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Ф. 312. Оп.1. Д. 1730. Л. 12об

¹⁴⁵ Ф. 312. Оп.1. Д. 1730. Л. 19

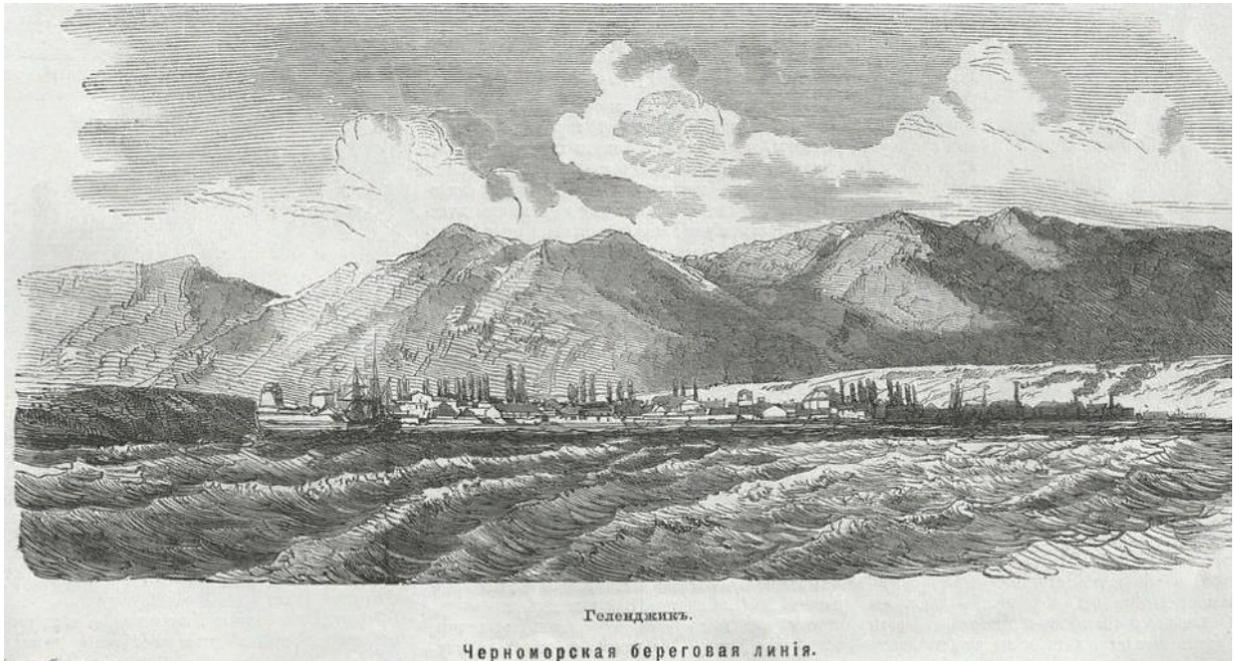
¹⁴⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.IX. С. 897-900

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2757. Л. 12об

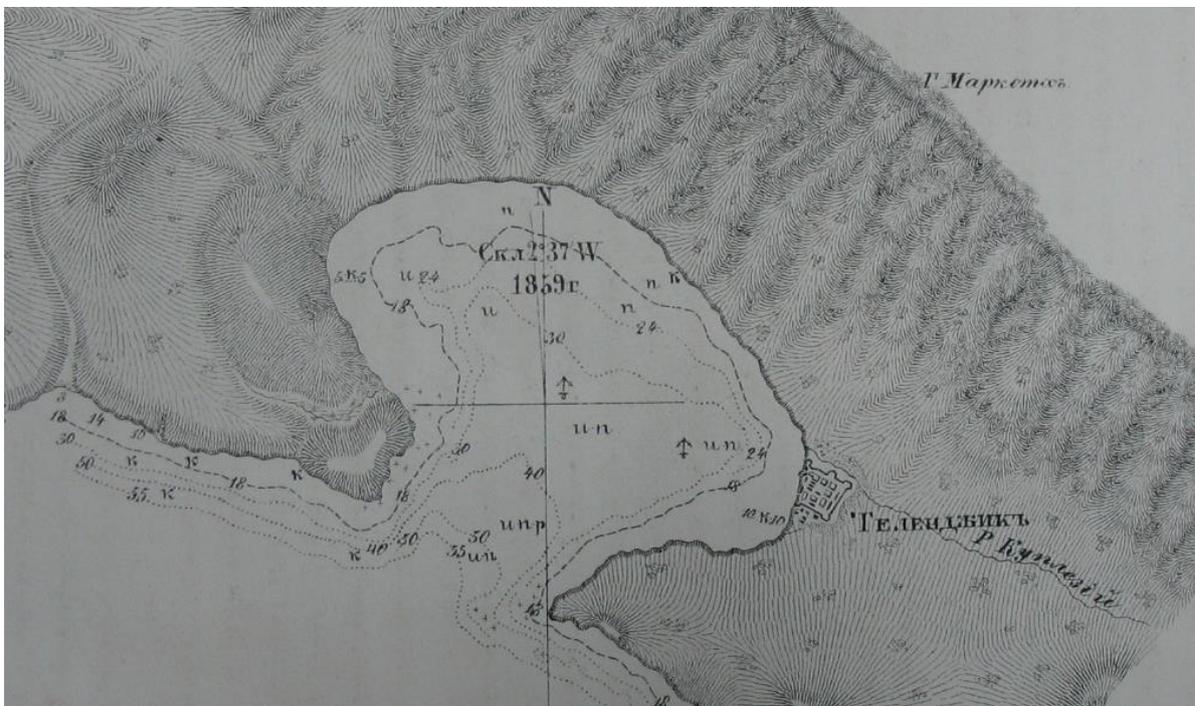
¹⁴⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI, часть 10 «Восточный берег Черного моря». СПб, 1853. С. 41-43

¹⁴⁹ Конечно, помимо этих отчетов, было бы желательно оценить состояние укрепления Геленджик, например, по его планам, составленным в 1844 г., 1846 г., 1849 г., 1850 г., 1851 г., числившихся согласно составленному Н.И. Воробьевым «Указателя сочинений о Черноморском побережье Кавказа (Анапа - турецкая граница)». (Вып. I. Петроград, 1915. С. 219), в Собрании карт и планов Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа и, возможно, в настоящее время хранящихся в фонде 1087 «The Military Historical Division of the Headquarters of the Caucasus Military District» Центрального исторического архива, являющегося составной частью Национального архива Грузии. Из выявленных же в РГВИА пяти планов Геленджикского укрепления за вторую половину 40-х – первую половину 50-х гг. XIX в. в удовлетворительном физическом состоянии сохранился лишь один. Физическое состояние еще трех планов (Ф. 15261. Оп.1. Д. 1811, 1814, 1815) не позволяет их каким-либо образом использовать, а местонахождение еще одного – не установлено.

Представление о Геленджике на начало 50-х годов XIX в. можно получить из вида укрепления, опубликованного в качестве приложения к статье «Черноморская береговая линия» в популярном в то время журнале «Всемирная иллюстрация»¹⁵⁰:

и из плана Геленджикской бухты, включенного в изданную в Николаеве в 1867 г. «Лоцию Черного моря»¹⁵¹:

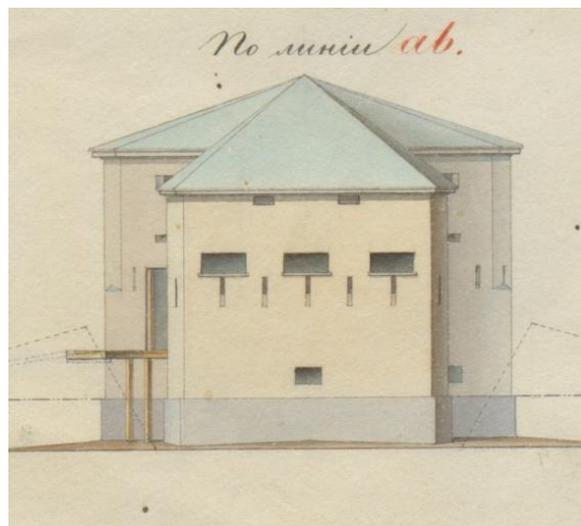
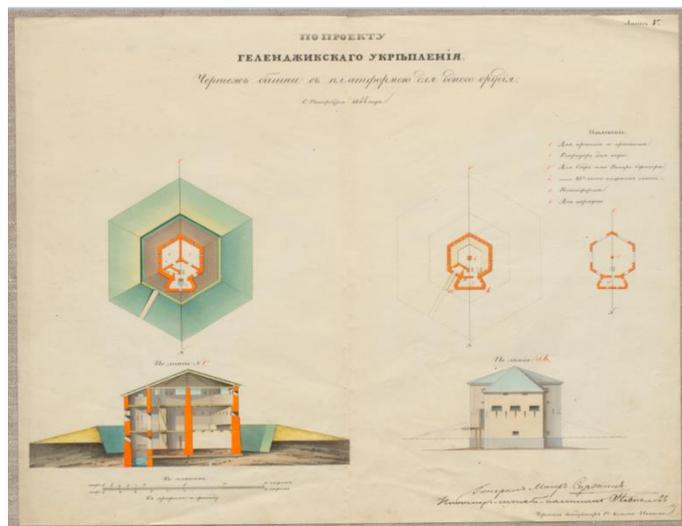
¹⁵⁰ Нисченков А. Черноморская береговая линия // Всемирная иллюстрация, № 35, т. II, 23 августа 1869 г.

¹⁵¹ Лоция Черного моря. Издание 2-е, исправленное и дополненное помощником начальника гидрографической части Николаевского порта лейтенантом Павловским. Николаев, 1867. Л. 156а

Последним капитальным фортификационным сооружением в Геленджике стала оборонительная башня, возведенная в 1853 г. вместо наиболее обветшавшего к этому времени блокгауза № 4, но на 50 саженьей далее от укрепления. О необходимости ее постройки писал еще инженер-подполковник Постельс: «... отдельная цепь малых возвышенностей, которая ограничивает место расположения укрепления на юге и востоке, представляет повсюду удобные подъемы и выгодные для наступающего неприятеля позиции. Для отвращения столь важного неудобства и для наблюдения за действиями горцев в долине реки Мезип, находящейся на противоположной стороне этой цепи, недостает еще при укреплении одной башни на 25 человек, которая сверх того дала бы возможность к размножению хозяйственных заведений»¹⁵².

Конструктивно повторяя популярные в фортификации первой половины XIX в. так называемые «башни мартелло», она была построена «из керченского камня под железной крышей с устройством в верхнем этаже 6-ти амбразур со ставнями для одного подвижного орудия на полевом лафете и в нижнем этаже 20-ти бойничных окон со стеклами и двойными дверьми, оббитыми железом, и для помещения 15 человек гарнизона сложена печь с топкою каменным углем»¹⁵³. Полная стоимость ее постройки составила 1772 рубля 86³/₄ копейки серебром¹⁵⁴.

К сожалению, ни чертежей, ни рисунков башни в деле о ее строительстве нет. Можно, впрочем, предположить, что в инженерном отношении она была во многом аналогична башне, предполагаемой к постройке по уже опоминавшемуся проекту 1844 г.¹⁵⁵, но меньшего масштаба.

¹⁵² РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2322. Л. 61

¹⁵³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1597. Л. 36

¹⁵⁴ Подсчитано по сметам работ (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1597. Л.46об-47, 51об-52)

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 657

Летом 1853 г. с началом Крымской (Восточной) войны Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом разрешил прикрыть открытые со стороны моря укрепления, включая Геленджик, земляными батареями¹⁵⁶. Для их оснащения орудиями предписывалось передать в распоряжение начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Серебрякова из Севастопольского артиллерийского гарнизона 7 18-фунтовых, 31 12-фунтовых, 2 6-ти фунтовых пушек, 6 2-х пудовых мортир (все со станками и зарядами) и из Херсона 4 12-ти фунтовых пушки¹⁵⁷. Из их числа непосредственно в Геленджик в июле 1853 г. на транспорте «Цемес» были доставлены 2 18-фунтовых и 4 12-фунтовых орудия¹⁵⁸. В результате по состоянию на март 1854 г., т.е. перед самым оставлением Геленджикского укрепления, его артиллерийский парк составлял¹⁵⁹:

Орудий:	
Неиспорченных Стрелковых	
Единороговъ Стрелковых 2-пудовых	2
Мортир 2-пудовых	1
2-пудовых	4
Батарея 18-фунтовых	1
3-фунтовой	1
Артиллерийских Стрелковых 18-фунтовых	2
18-фунтовых	11
6-фунтовых	10
Мортир Стрелковых 2-пудовых	2
Мортир 2-пудовых	1
	42
Подвижных:	
Артиллерийских Стрелковых 2-пудовых	1
Пушка 6-фунтовая	1
Батарея Единороговъ 18-фунтовых	1
6-фунтовых	5
	8

¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 220. Л. 10-10об

¹⁵⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1513. Л. 45

¹⁵⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1513. Л. 78-78об

¹⁵⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1840. Л. 68

К сожалению, ни в РГВИА, ни в ГАКК сведений о месте возведения в Геленджике дополнительной батареи и числе установленных на ней орудий выявить не удалось.

Дальнейшая судьба Геленджикского укрепления общеизвестна: во избежание захвата англо-французским флотом 30 марта 1854 г. его оборонительные верки, все жилые и хозяйственные постройки, за исключением церкви, были взорваны¹⁶⁰. Из хранившихся на тот момент в его пороховом погребе 443 пудов¹⁶¹ для этого было выделено «100 пудов пороху и все начиненные бомбы, гранаты, брандскутели и светлые (так в тексте, видимо, осветительные – А.Г.) ядра¹⁶², кои при скорой внезапной укладке в ящики во время сильного морского волнения на транспортах могли произвести взрывы»¹⁶³.

Подытоживая описание истории создания и эволюции фортификационных сооружений Геленджика, можно констатировать, что их история условно делится на два этапа: от основания в июле 1831 г. до конца 1840 г., в течение которого укрепление фактически оставалось не более чем укрепленным лагерем, и с 1841 г. по апрель 1854 г., когда оно в соответствии с пожеланиями императора Николая I было приведено «в состояние удовлетворительное, и во всех видах и отношениях соответствующее потребностям» гарнизона¹⁶⁴.

Весь период своего существования Геленджикское укрепление, хотя и было способно выдержать нападение горцев даже в превосходных силах, но, по большому счету, имело временный характер, а ее отнесение в период с 1832 г. по 1839 г. к штатным крепостям 2-го разряда было чисто формальным. При этом все попытки устроить в Геленджикской бухте полноценную крепость по различным причинам: объективным (отсутствие подходящего с точки зрения фортификации места, большие финансовые издержки на предполагаемое строительство) и субъективным (негативное отношение к реализации такого проекта со стороны местного, кавказского, командования, отдававшего предпочтение Суджукской (Новороссийской) бухте, неудачный выбор инженеров-проектировщиков) – оказались в конечном итоге безрезультатными.

В целом же, было бы одинаково неправильно считать Геленджикское укрепление либо долговременным оборонительным пунктом и, соответственно,

¹⁶⁰ Подробнее см. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2637. Л. 163об., 168 (опубликовано: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабичем» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>))

¹⁶¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1840. Л. 69об

¹⁶² На 20 марта 1854 г. в Геленджикском артиллерийском гарнизоне хранилось без малого 11,5 тыс. единиц такого рода боеприпасов (подсчитано по: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1840. Л. 68-69об)

¹⁶³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1840. Л. 20об

¹⁶⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.IX. С. 465

предъявлять к нему требования Правил для вооружения крепостей и укреплений, высочайше утвержденных 29 ноября 1844 г.¹⁶⁵, либо называть его вслед за турецким майором Осман-беем «маленьким, ничтожным»¹⁶⁶. Оно предназначалось для решения совершенно конкретного, довольно ограниченного, круга задач и, в качестве временного, практически полностью отвечало требованиям «Руководства по расположению и построению временных укреплений на Кавказе», а именно:

а) не подвергаться влиянию окружающей местности;

б) сопротивляться действию ружейного огня;

в) быть обеспеченными от нечаянных нападений и эскалады;

г) по величине своей, согласоваться с назначенным для обороны их гарнизоном; а на случай - когда бы гарнизон состоял в меньшем числе и потому не мог защищать равномерно всего укрепления – должны иметь *редюиты* которые бы при отступлении служили гарнизону убежищем для упорной обороны до истощения всех средств;

д) были бы снабжены в достаточном количестве военными запасами и жизненными потребностями;

е) постройкой своею, сообразною с местными средствами, соответствовали своему назначению и не стоили значительных издержек.

Сверх того, в ближайшей окрестности, при таких пунктах должны находиться обеспеченные места для хозяйственных потребностей гарнизона, как-то: огородов, пастбищ и сенокосов»¹⁶⁷.

К тому же вся многовековая история войн свидетельствует о том, что неприступность крепости определяется не одной только мощью ее оборонительных верков, но в неменьшей степени также стойкостью войск, составляющих ее гарнизон, и распорядительностью их воинских начальников. Пусть в «русском форте» в Геленджикской бухте, как пишет Дж. А. Лонгворт, «стена была из земли, и дома и магазины из дерева»¹⁶⁸, зато защищали его, по крайней мере на первых порах, «стальные» воины, заслужившие в июне 1829 г. в войне с турками одну из наиболее почетных коллективных наград российской императорской армии – Георгиевские знамена.

¹⁶⁵ ПСЗРИ. Т. XIX, 1844, № 18480

¹⁶⁶ Майор Осман-бей. Воспоминания 1855 г. // Кавказский сборник. Т. II. 1877. С. 213

¹⁶⁷ Сорокин А.Ф. Руководство по расположению и построению временных укреплений на Кавказе. СПб, 1844. С. 6

¹⁶⁸ Longworth J.A. A year among the Circassians. Vol. 1, 1840. P. 300
(<https://archive.org/details/ayearamongcirca02longgoog/page/n323/mode/2up>)

Глава 2. Гарнизонные части и старшие воинские начальники

Коликое число постов, такожде город [или крепость] великостию будет, потому и великой гварнизон содержать надлежит.

Устав воинский. 1716 г. Глава 59, §1.

Получив предписание генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского от 19 мая 1831 г. с изъявлением высочайшей воли об установлении контроля над Геленджикской бухтой, командующий войсками на Кавказской линии, Черномории и Астрахани генерал от кавалерии Емануель на следующий же день направил начальнику 20-й пехотной дивизии генерал-майору Берхману приказание о выделении необходимого для этого войск и направлении их в пункт погрузки на выделенные Черноморским флотом корабли¹⁶⁹.

Выдвижение войск к Анапской крепости, где была намечена амбаркация, осуществлялось в целях обеспечения скрытности под видом объявленного генералом от кавалерии Емануелем по всем состоящим под его командованием войскам приказом от 20 мая 1831 г. № 19¹⁷⁰ инспекторского смотра, продублированного приказом по 20-й пехотной дивизии от 4 июня 1831 г.¹⁷¹

Не имея равно никаких сведений ни о местности в районе предполагаемой высадки, ни о численности горцев, могущих воспрепятствовать выполнению поставленной перед ним задачи, генерал-майор Берхман назначил в десант составлявшие 2-ю бригаду его дивизии Нашебургский и Козловский пехотные полки¹⁷², Легкую № 2 роту 20-й артиллерийской бригады, а также команду резервной батареей № 5 роты 21-й артиллерийской бригады с 2 горными единорогами и 2 кегорновыми мортирками.

В своей работе Ф.А. Щербина¹⁷³ называет общую численность экспедиционного отряда из шестнадцати пехотных и одной артиллерийской роты, получившего, разумеется, название Геленджикского, в 4138 человек, в том числе 13 штаб-офицеров, 103 обер-офицеров, 413 унтер-офицеров, 142 музыканта, 3253 рядовых, 147 нестроевых и 67 денщиков. Однако эти цифры, взятые им, очевидно, из рапорта генерал-майора Берхмана, относятся ко всей численности

¹⁶⁹ Ф.Д. де Монпере пишет о 15 вымпелах (см. Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монперэ «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95), но это общее число кораблей, участвовавших в экспедиции. Непосредственно войска были посажены на 10 из них.

¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 6. Л. 51об-54об

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 15050. Оп. 1. Д. 1. Л. 80

¹⁷² Без 3-их (резервных) батальонов, которые вместе с такими же батальонами других полков 20-й пехотной дивизии были в это время по оперативным соображениям стянуты к центру Кавказской линии (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 39. Л. 22, Д. 84. Л. 454-455)

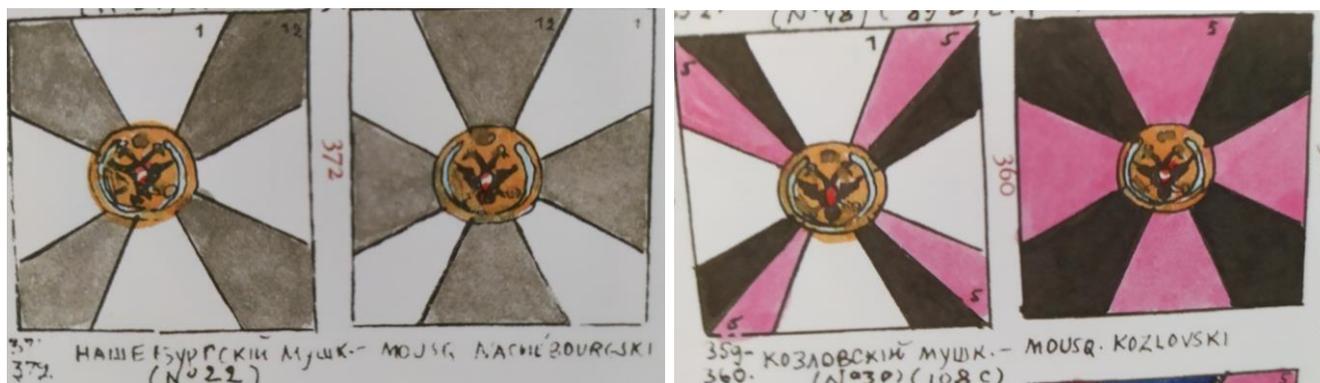
¹⁷³ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 10

2-й бригады 20 пехотной дивизии, а не к войскам, назначенным в экспедицию. В действительности же, согласно подробной «Ведомости о размещении на суда сухопутных войск 2^й бригады 20^й пехотной дивизии, следующей для занятия Геленджика»¹⁷⁴ от 4 сентября 1831 г., десантный отряд состоял из:

	генерал-майор	офицеры			музыканты	рядовые	нестроевые	назначенные денщиками и слугами	итого
		штаб	обер	унтер					
Всего:	1	10	64	244	104	1988	63	36	2509

Помимо них, на одном из судов экспедиции находились: Козловского пехотного полка 1 священник, при генерал-майоре 1 черкес и при полках маркитантов 3.

Можно предположить, что выбор вышеназванных частей был не случаен, а обусловлен их репутацией и местом расквартирования. Оба они имели к этому времени давнюю и славную историю, восходящую у первого к первой четверти XVIII в., у второго – к середине того же века¹⁷⁵, и известность стойких и надежных частей. В уже упоминавшийся в предыдущей главе книге В.В. Звегинцова¹⁷⁶, помещены изображения батальонных знамен¹⁷⁷ этих полков по состоянию на 1797 г., когда они еще были мушкетерскими:

Оба полка принимали участие в Отечественной войне 1812 г., причем Нашебургскому пехотному полку «за подвиги в войне с Францией 1812, 1813 и 1814 годов» были пожалованы серебряные трубы с надписью «Нашебургского пехотного, 1814 года Августа 30 дня, в воздаяние отличных подвигов против Французских войск».

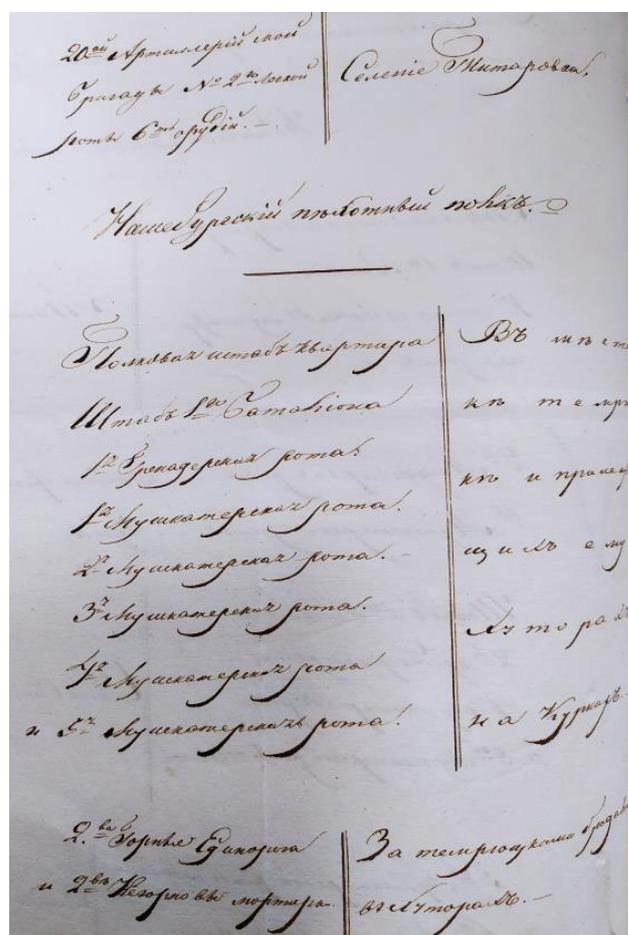
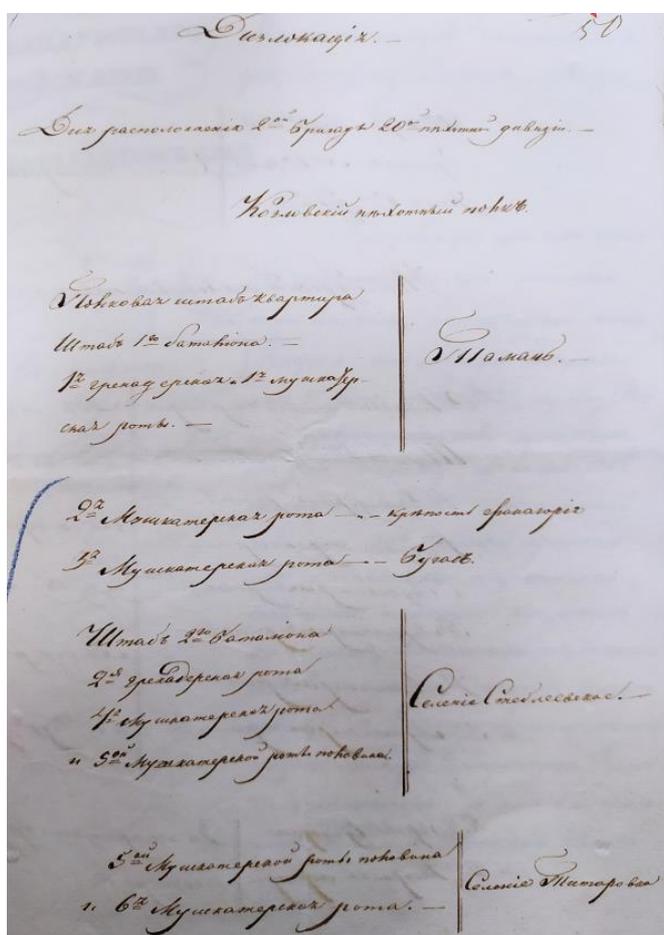
¹⁷⁴ РГАВМФ. Ф.243. Оп. 1. Д. 2615. Л. 304-304об

¹⁷⁵ См. Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 110, 115; Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 24, 165

¹⁷⁶ Звегинцов В.В. Знамена и штандарты Русской армии (XVI в.-1914 г.) и морские флаги / Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». М., 2008. Лист 59. Разумеется, до начала 30-х годов XIX в. они несколько раз менялись

¹⁷⁷ Как известно, полковые знамена было установлено жаловать только с 1883 г.

Согласно А.Л. Гизетти¹⁷⁸, полки прибыли на усиление Отдельного Кавказского корпуса в составе 20-й пехотной дивизии во второй половине 1826 г. в период войны с Персией (1826-1828 гг.) и особенно отличились в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. при отражении штурма крепости Баязета от многократно превосходящего по численности противника¹⁷⁹. За этот героический подвиг их батальонам были пожалованы коллективные знаки отличия - Георгиевские знамена с надписью «За оборону креп. Баязета 20 и 21го июня 1829 года»¹⁸⁰. Отряжая именно эти полки для участия в десантной операции, командование вполне резонно рассчитывало на то, что предполагаемый к занятию важный стратегический пункт будет затем надежно защищен. К тому же подразделения этих полков располагались недалеко от побережья, что ускорило исполнение высочайшей воли¹⁸¹:

О том, в каком обмундировании личный состав названных пехотных полков отправился в поход, можно судить по рисункам из фундаментального труда

¹⁷⁸ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч. 1. С. 67

¹⁷⁹ Подробнее см.: Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV. Вып. III. СПб, 1889. С. 483-500

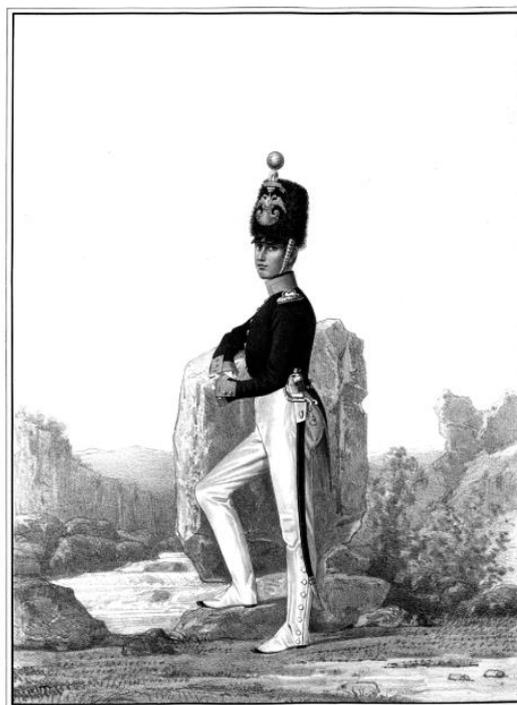
¹⁸⁰ Гизетти А.Л. Сборник о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Тифлис, 1901. Часть II. С.28

¹⁸¹ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. 140. Л. 27-27об

А.В. Висковатова¹⁸², имея ввиду лишь то, что с августа 1829 г. в пехотных полках Отдельного Кавказского корпуса и состоявшей при нем 20-й пехотной дивизии кивера были заменены черной овчинной шапкой со всем положенным киверу прибором (гербом, чешуей, репейкой, помпоном)¹⁸³ и кожаным козырьком, в каковой изображен обер-офицер на правом рисунке. Щитам киверных гербов чинам Козловского пехотного полка был присвоен № 79, Нашебургского пехотного – № 80.

РЯДОВОЙ
Пехотный полк.
1828-1830

ОБЕРЪ - ОФИЦЕРЪ
Пехотный полк Кавказского Корпуса?
1830-1834.

Впрочем, поскольку «тогда на Кавказе мало знали военную форму и нисколько ею не стеснялись, от старшего до младшего. О киверах и шляпах помину не было; ходили в фуражках или папахах ...»¹⁸⁴, можно с высокой степенью достоверности предположить, что в качестве головных уборов весь личный состав пехотных частей, назначенных в экспедицию, имел фуражные шапки в белом (солнцезащитном) чехле, оставив шапки в своих штаб-квартирах¹⁸⁵.

¹⁸² Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Часть девятнадцатая. СПб, 1861. С. 359-360, рисунки 84, 87

¹⁸³ Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801-1855: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1996. С. 161

¹⁸⁴ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 164

¹⁸⁵ Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. Ставропольский государственный университет. 2005. С. 178

(https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002752657/)

Произведя высадку в Геленджикской бухте и обустроив на ее берегу укрепленный лагерь, Нашебургский и Козловский пехотные полки продолжали до весны 1834 г. составлять Геленджикский отряд. Его командующим являлся полковник Боровский¹⁸⁶, а в его временное отсутствие в отпуске – полковник Свеховский¹⁸⁷.

С августа 1831 г. для обслуживания орудий, переданных с перевозивших десант кораблей, к Геленджикскому отряду было прикомандировано некоторое количество военных моряков, замененных в декабре 1832 г. 1 офицером и 38 нижними чинами Анапского артиллерийского гарнизона¹⁸⁸.

В апреле 1832 г. император, питая большие надежды на скорое устройство в Геленджикской бухте полноценной крепости, назначил в нее коменданта – полковника Чайковского, которому согласно одному из параграфов высочайше утвержденного 5 июня 1812 г. «Положения для крепостей, на базисе военных действий расположенных» надлежало «... помнить, что он поставлен охранителем одного из оплотов Империя, и что сдача оною днем ранее или позже учиненная, может не только для целой армии, но и для всего государства важнейшие иметь последствия»¹⁸⁹.

190

¹⁸⁶ Боровский Александр Федорович, командир Нашебургского пехотного полка с 22 июня 1826 г. (http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_b.html)

¹⁸⁷ Свеховский Иван Антонович, командир Козловского пехотного полка с 14 июня 1830 г. (http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_s.html)

¹⁸⁸ РГВИА Ф.13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 39,43

¹⁸⁹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXII. № 25.130. Частично повторены статьями 1143-1226 2-й книги части 1 Свода военных постановлений. В ноябре 1847 г. императором в их замен была утверждена Общая инструкция для комендантов (ПСЗРИ. Т. XXII. № 21671)

¹⁹⁰ Слева - фотография П.П. Чайковского, любезно предоставленная коллегами из РГВИА, относящаяся к 60-х гг. XIX в., справа - попытка с помощью компьютерного графического редактора воссоздать его образ в период службы в Геленджике в 30-х гг. того же века

Прибывший к месту службы на вновь учрежденный пост коменданта Геленджикской крепости 2 июля 1832 г.¹⁹¹, полковник Чайковский на основании 28-го параграфа названного Положения, ссылаясь на близость неприятеля, объявил ее на осадном положении и выдал находившимся там войскам соответствующую диспозицию. Однако эта инициатива вызвала серьезный конфликт с командующим Геленджикским отрядом полковником Боровским, на которого согласно предписанию начальника Черноморской линии генерал-лейтенанта Малиновского, заменившего на этом посту генерал-майора Берхмана, были возложены обязанности по обороне Геленджика¹⁹². Вопрос о старшинстве в конечном итоге был разрешен лишь в марте 1833 г., когда в ответ на рапорт полковника Чайковского от 26 октября 1832 г. на имя командующего войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта Вельяминова ему было разъяснено, что «Геленджик не принадлежит к числу крепостей, расположенных на базисе военных действий, ибо никто не угрожает ему осадой. До сих пор крепость еще не существует и едва положены начала к построению оной. Войска, в Геленджике находящиеся, составляют не гарнизон крепости, но целый отряд, который должен и работы производить, и отражать неприятеля в случае нападений и, в свою очередь, делать набег на неприятеля, когда представится к тому удобство. ... Когда крепость будет устроена и Вы останетесь в ней с одним гарнизоном оной, тогда ... будет принадлежать Вам вполне распорядительная в оном власть, которая, однако же, и в сем случае не могла бы распространяться на войска особенного отряда, который по обстоятельства мог бы действовать в окрестностях крепости»¹⁹³.

Впрочем, уже в апреле 1833 г. после отъезда из Геленджика командира Нашебургского пехотного полка полковника Боровского, назначенного командующим 2-й бригадой 14 пехотной дивизии, командующий Черноморской линией генерал-майор Малиновский предписал полковнику Чайковскому, как старшему штаб-офицеру, вступить в командование Геленджикским отрядом¹⁹⁴.

В феврале 1833 г. для производства работ в Геленджике, Ставрополе и при Кавказских минеральных водах были сформированы три арестантских роты. Предназначенная для размещения в Геленджике арестантская рота получила

¹⁹¹ Чайковский Петр Петрович, генерал-майор. Участник русско-турецкой войны 1806-1812 гг., войн с французами 1806-1807 гг., 1812-1814 гг., заграничного похода 1815 г., русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1814), св. Анны 2 ст. (1827), св. Георгия 4 ст. (1830), серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 г.», «За взятие Парижа», «За Турецкую войну 1828-1829 гг.» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 147. Д. 168, Ф. 14719. Оп. 5. Д. 100)

¹⁹² РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 36. Л. 36-37

¹⁹³ РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 36. Л. 38-39об

¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп.5. Д. 16. Л. 93

№ 43¹⁹⁵, а с ноября того же года, как следует из расписания арестантских рот по крепостям, приложенного к вышеназванному Положению от 11 ноября 1833 г., она была переименована в «№ 40».

Согласно Положению об арестантских ротах Инженерного ведомства, высочайше утвержденному 11 ноября 1833 г.¹⁹⁶, в них должны были поступать разного рода преступники, назначаемые по Высочайшим конфирмациям в крепостную работу, нижние чины, назначаемые по приговорам, для исправления в поведении, в крепостную работу, а также требуемые высшим инженерным начальством в какие-либо крепости, в случае надобности, по сношению с Министром внутренних дел, как бродяги, так и преступники Гражданского ведомства, по назначениям губернских присутственных мест. По штату, утвержденному 31 декабря 1826 г., в каждой такой роте полагалось иметь: офицеров – 4, фельдфебелей – 1, унтер-офицеров – 16, барабанщиков, писарей, цирюльников – по 1, арестантов – от 100 до 140.

Сразу же по занятию Геленджикской бухты десантный отряд стал заметно таить, но не от черкесских пуль или сабель, а от цинги, водянок и поносов, вызванных заражением личного состава злокачественными лихорадками. По мнению известного военного медика XIX в. Н.И. Торопова, главной причиной этого являлось, с одной стороны, расположение укреплений по берегу Черного моря «на низменностях до крайности зеленых и болотистых ...»¹⁹⁷, с другой, в том, что «хинина не отпускалось в волю, да и медики в то время еще не привыкли обращаться с ним и душили своих несчастных пациентов средствами разводящими и более всего каломелем, который считался кавказской панацеей»¹⁹⁸. К названным факторам следует также прибавить значительное изнурение личного состава Геленджикского отряда вследствие производства крепостных работ по обустройству оборонительных верков и вырубке леса вокруг укрепления. «... бравые нашебурцы и козловцы, которые заслужили Георгиевские знамена в кампаниях против Персии и в азиатской Турции, со стоном вяло падали как мухи, вместо того, чтобы со славою умереть под пулями»¹⁹⁹, - с горечью констатировал непосредственный очевидец этого бедствия Ф. Дюбуа де Монпере.

¹⁹⁵ ПСЗРИ. Т. VIII. № 5972

¹⁹⁶ ПСЗРИ. Т. VIII. № 6584

¹⁹⁷ Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающейся лихорадки. СПб, 1864. С.167

¹⁹⁸ Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающейся лихорадки. СПб, 1864. С.166

¹⁹⁹ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95

Представление о безвозвратных потерях Нашебургского и Козловского пехотных полков дают частично сохранившиеся метрические книги, согласно которым в первом из них в 1832 и 1833 гг. умерло, соответственно, 154 и 85 человек, а во втором в 1831 и 1833 гг. – 51 и 56²⁰⁰. Экстраполируя эти данные на годы, по которым полковых метрических книг не выявлено, можно предположить, что за неполные три года в них выбыло за смертью, по-видимому, около 500 человек или 20% от первоначальной численности. Такую смертность личного состава следует признать чрезмерной, ведь соотношение одного умершего к первоначальной общей численности Геленджикского отряда, например в 1833 г., составило примерно 1 к 15, что согласно «Историческому обзору военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год» практически в два раза превышало средний показатель по армии в царствование Николая I²⁰¹. Таким образом, часто цитируемое в исторической литературе утверждение генерал-лейтенанта Раевского о том, что «целая бригада в два года вымерла в Геленджике»²⁰², хотя и следует признать преувеличенным, но, вместе с тем, и отражающим реалии тамошней службы, ведь число заболевших было действительно весьма велико: по состоянию на 1-е марта 1834 г. в Геленджике в строю оставалось всего 1252 человека²⁰³.

В рамках реформирования пехоты Отдельного Кавказского корпуса 21 марта 1834 г. из 1-го батальона Нашебургского пехотного полка формируется Черноморский линейный батальон № 4-го, а из 2-го батальона того же полка – Черноморский линейный батальон № 3-го. Оба они получили одинаковый четырехротный состав и штатную численность, составляющую 1070 человек каждый.

Как и другим Черноморским линейным батальонам, в соответствии с высочайшим повелением, им полагались белые погоны с красным номером батальона и красной литерой «Ч». 8 апреля того же года обоим линейным батальонам пожалованы Георгиевские знамена²⁰⁴ и серебряные трубы соответствующих батальонов Нашебургского пехотного полка. С марта 1836 г. знаменные древки во всех линейных батальонах красились в белый цвет²⁰⁵.

²⁰⁰ РГВИА. Ф. 16290. Оп. 2. Д. 129. Л. 454, Д. 80. Л. 532, Д. 88. Л. 248, Д. 87. Л. 72

²⁰¹ Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896. С. 374

²⁰² Архив Раевских. Т. III. С. 605

²⁰³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 76

²⁰⁴ Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 165-169

²⁰⁵ ПСЗРИ. Т. XI. № 8983

На основании высочайшего указа от 25 июня 1838 г. при знаменах обоих батальонов имелись орденские Александровские ленты и скобы²⁰⁶. Можно предположить, что надпись на ленте была аналогична (за исключением, конечно, наименования и номера батальона) надписи на такой же ленте 3-го батальона Нашебургского пехотного полка, описание которой приведено в работе генерал-майора Л.В. Симонова: «На одной из двух полос этой ленты изображено: «1726 года, Ленкоранский пехотный полк, вензель Императрицы Екатерины I, корона над этим вензелем, 20 и 21 июня 1829 года за оборону крепости Баязета», а на другой полосе ленты – «Кавказский линейный № 7 батальон и государственный герб с короной над ним»²⁰⁷.

Согласно В.В. Звегинцову²⁰⁸, под навершием знамени из той же ленты образовывался бант, на котором был вышит год пожалования. Бант прикреплялся к самой ленте при помощи мундирной пуговицы. На медной позолоченной скобе шириной 1,5 вершка наносились те же надписи, что и на ленте.

27 октября 1834 г. 1-й и 2-й батальоны Козловского пехотного полка, присоединившись²⁰⁹ к возвращающемуся к Ольгинскому тет-де-пону экспедиционному отряду генерал-лейтенанта Вельяминова, впервые достигнувшему Геленджикского укрепления по суше, были на формирование,

²⁰⁶ Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 165-169

²⁰⁷ Генерал-майор Симонов Л.В. Один из потомков Нашебургского полка. Исторический очерк 1826-1875 г. Брест-Литовск, 1904. С. 5

²⁰⁸ Звегинцов В.В. Указ. соч. С. 56

²⁰⁹ Бестужев (Марлинский) А.А. Письмо из отряда, действующего за Кубанью // Русский архив, 1877, № 9. С. 109

соответственно, Кавказского линейного № 2-го батальона и 5-го батальона Тенгинского пехотного полка²¹⁰.

Вслед за Козловским пехотным полком, но только через полгода (в ноябре 1834 г.), пришла очередь убытия и для Легкой № 2 роты 20-й артиллерийской бригады, переданной в 5-ю артиллерийскую бригаду. При этом принадлежавшие ей орудия, лошади и обоз были оставлены на укомплектование гарнизонной артиллерии Отдельного Кавказского корпуса²¹¹.

Очевидно, в то же самое время и даже, возможно, на том же военном транспорте или пароходе, что и личный состав упомянутой артиллерийской роты, Геленджик покинул и его первый комендант полковник Чайковский, остававшийся старшим воинским начальником в тамошнем укреплении и после упразднения Геленджикского отряда.

20 октября 1834 г. полковник Чайковский был назначен старшим членом Строительной комиссии при Кавказских минеральных водах²¹². Его место занял полковник Воецкий, по высочайшему приказу назначенный комендантом крепости Геленджик 22 октября 1834 г. и прибывший на службу 29 декабря того же года²¹³, видимо, после окончательного расформирования Нашебургского пехотного полка, которым он командовал после перевода из лейб-гвардии Волынского полка.

214

²¹⁰ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч. 2. С. 110

²¹¹ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 80-81

²¹² Прибыл на эту должность 16 февраля 1835 г.

²¹³ Воецкий Петр Николаевич, полковник. Участвовал в боях против польских мятежников в 1831-1832 гг. и горцев в 1833-1836 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1831), св. Анны 2 ст. с императорскою короной (1832), польским знаком отличия за военное достоинство (Virtuti Militari) 4-й ст., серебряной медалью «За взятие Варшавы 25 и 26 августа 1831 года» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 27. Д. 345)

²¹⁴ Портрет из Кировоградского художественного музея (Украина) любезно предоставил главный художник Геленджикского историко-краеведческого музея, член Союза художников России А. Завалий. (опубликовано: Кибовский А.В. 500 неизвестных. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. С. 165 (№ 85))

Об его офицерских качествах красноречиво говорит характеристика из формулярного списка, подписанная генерал-лейтенантом Малиновским: «Слабым в отправлении обязанностей службы замечен не был и между подчиненными никаких беспорядков и неисправностей не допускал. В неприличном поведении оглашаем и изобличаем не был»²¹⁵. Однако, долго исполнять эту должность ему оказалось не суждено – уже 11 марта 1836 г. он был уволен по болезни.

Назначенный вместо него тем же высочайшим приказом от 11 марта 1836 г. следующий Геленджикский комендант – инженер-полковник Мокиевский²¹⁶ – прослужил в укреплении столь же недолго. Прибыв к месту службы 22 июня 1836 г., он уже 22 ноября 1837 г. был уволен, и тоже по болезни, правда, с присвоением звания генерал-майора. Можно только сожалеть, что его служба в Геленджике была столь непродолжительной, ибо у него имелся солидный опыт строительства фортификационных сооружений, приобретенный им за долгие годы службы, в том числе и в должности коменданта ряда прибрежных крепостей.

После создания в 1837 г. Черноморской береговой линии комендант Геленджикского укрепления вошел в подчиненность начальника ее 1-го отделения. При этом, однако, он продолжал оставаться там старшим воинским начальником, поскольку назначенный начальником 1-го отделения генерал-майор Раевский, постоянным местом пребывания которого было определено Геленджикское укрепление²¹⁷, как известно, под предлогом «отсутствия помещений на Восточном берегу» обустроил свою штаб-квартиру в гораздо более комфортабельных условиях Керчи. При переустройстве в апреле 1839 г. Черноморской береговой линии, разделенной на два отделения, местопребыванием начальника ее 1-го отделения назначался Новороссийск²¹⁸, что оставляло за комендантом Геленджикского укрепления все права по полному распоряжению в оном.

Очередным и, как потом оказалось последним, комендантом Геленджикского укрепления стал полковник Витковский²¹⁹, назначенный тем же

²¹⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 27. Д. 345. Л. 14

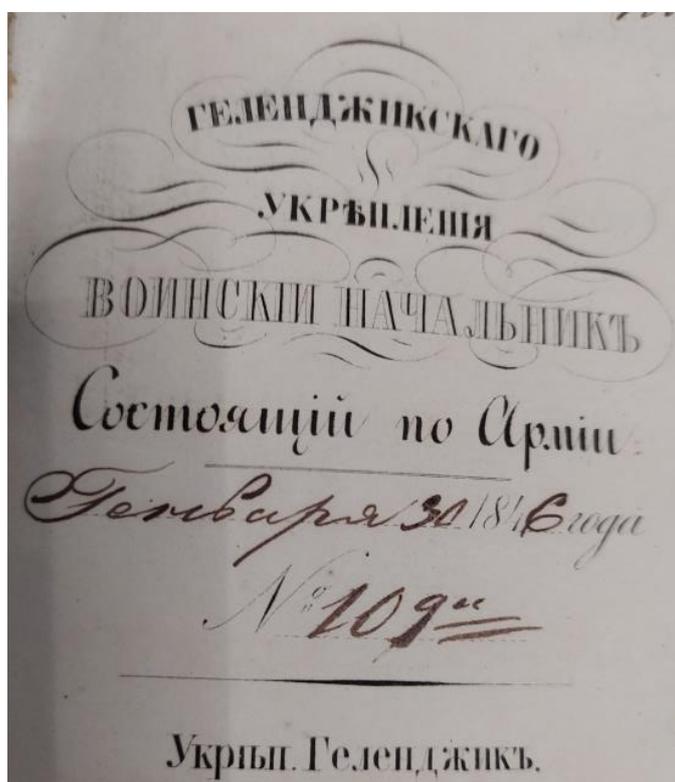
²¹⁶ Мокиевский Андрей Иванович, генерал-майор. Участник плаваний на Корфу, Бриндизи, Неаполь с ноября 1799 г., в марте-апреле 1801 г. на эскадре капитана 2-го ранга Войновича. Награжден орденами св. Георгия 4 ст. (1824), св. Владимира 4 ст. (1835) и знаком отличия «XXXV лет беспорочной службы» (1835) (РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 1248, Ф. 14719. Оп. 3. Д. 99)

²¹⁷ ПСЗРИ. Т. XII. № 10577

²¹⁸ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12208

²¹⁹ Витковский Франц Матвеевич, генерал-майор. Участник войн против французов в Пруссии в 1806-1807 гг., против турок в Молдавии в 1809-1811 гг., в Отечественной войне 1812 г. и походе 1813-1814 гг. Награжден орденами св. Анны 4 ст. (1809), св. Владимира 4 ст. (1827), св. Георгия 4 ст. (1832), св. Станислава 2 ст. (1839), знаком отличия «XXX лет беспорочной службы» (1838), серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 г.», «За взятие Парижа» (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 134. Л. 643-650; Акты КАК. Т. 10. С. XVI); характеристику см.: Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1884. Вып. 1-2. С. 353-354

высочайшим приказом от 22 ноября 1837 г., каким был уволен генерал-майор Мокиевский. Его служба в этой должности продолжалась до упразднения согласно высочайшему повелению от 5 ноября 1839 г. в крепости Геленджике комендантского управления²²⁰. Однако, несмотря на то, что уже 28 ноября того же года состоялось его назначение состоящим при Отдельном Кавказском корпусе, он еще довольно продолжительное время находился в Геленджике, видимо, для завершения, как это обычно водится, административно-хозяйственных и финансовых дел. Только начиная с марта 1840 г. всю документацию, относящуюся к укреплению, начал подписывать «воинский начальник» майор Дзвонкевич, с 10 мая 1839 г. командовавший дислоцирующимся в нем Черноморским линейным батальоном № 4-го.

Бланк управления

Оба сформированных в марте 1834 г. линейных батальона составляли гарнизон Геленджикского укрепления до середины 1837 г., получая по мере увеличения числа Черноморских линейных батальонов новые номера:

Старое наименование	Новое наименование	21.03.1834	17.01.1839	18.02.1840	08.08.1840	03.02.1842
2-й батальон Нашебургского пехотного полка	Черноморский линейный батальон	№ 3-го	№ 4-го	№ 5-го	№ 4-го	№ 5-го

²²⁰ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12849

1-й батальон Нашебургского пехотного полка	Черноморский линейный батальон	№ 4-го	№ 5-го	№ 6-го	№ 5-го	№ 6-го
--	--------------------------------------	--------	--------	--------	--------	--------

Со второй половины 1837 г., после устройства в результате сухопутной экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова и последовавших затем морских десантных операций новых прибрежных укреплений, батальоны оказались поротно «раздерганы» для образования в них гарнизонов. При этом дислокация подразделений в них постоянно менялась в зависимости, вероятно, от оперативной обстановки. На конец 1839 г. роты Черноморского линейного № 4-го (бывш. № 3-го) батальона занимали Геленджикское, Новотроицкое и Михайловское укрепления, роты линейного № 5-го (бывш. № 4-го) батальона – Тенгинское укрепление и форт Вельяминовский.

По этим же прибрежным укреплениям для обслуживания установленных в них орудий была рассредоточена и прибывшая в августе 1837 г. из упраздненной Фанагорийской крепости рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады Кавказского артиллерийского округа²²¹. Это было как нельзя кстати, потому что к февралю 1837 г. из поступивших в декабре 1832 г. в Геленджикское укрепление военнослужащих Анапского артиллерийского гарнизона в строю оставалось лишь 22 нижних чина²²².

В качестве некой компенсации за убывшие в новые укрепления роты из обоих Черноморских линейных батальонов гарнизон Геленджика с 1838 г. был временно усилен переброшенной туда 11-ой мушкетерской ротой Навагинского пехотного полка²²³, замененной по настоятельной просьбе его командира в конце 1839 г. 5-ой мушкетерской ротой Тенгинского пехотного полка²²⁴.

Эти меры, однако, не смогли предотвратить сокращение численности гарнизона Геленджикского укрепления, начавшее заметно прогрессировать в самом конце 30-х годов XIX в. Так, если в январе 1839 г. в нем насчитывалось 625 здоровых людей²²⁵, то в январе 1840 г. - уже только 523 (не считая арестантов)²²⁶, а по состоянию на 11 марта 1840 г. всего лишь 480²²⁷, в то время как, по мнению начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Серебрякова, в нем необходимо было иметь не менее 1600 человек²²⁸.

²²¹ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 83

²²² РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 60. Л. 3

²²³ ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д.1. Л. 61-62

²²⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 336. Л. 6-6об

²²⁵ ГАКК. Ф. 260. О. 1. Д. 62. Л. 17 (опубликовано: Архив Раевских. Т. III. С. 62)

²²⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 58. Л. 3

²²⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 58. Л. 3-3об

²²⁸ Архив Раевских. Т. III. С. 423

Понятно, что основными причинами выбытия личного состава были высокие смертность, составлявшая, судя по данным сохранившихся метрических книг²²⁹ Геленджикского укрепления за 1837 г. и 1839 г., около 5% от общей численности гарнизона, и заболеваемость, вследствие чего около 13% офицеров и нижних чинов одновременно находилось на излечении в различных госпиталях за пределами Черноморской береговой линии. К ним следует присовокупить еще тех немногих счастливицков из числа нижних чинов, прослуживших более 6 лет в Черноморских линейных батальонах, которые согласно именному указу от 12 июля 1836 г. переводились в другие части Отдельного Кавказского корпуса, «расположенные там, где климат более благоприятствует здоровью людей»²³⁰, а также, некоторое число дезертиров из дислоцировавшихся в Геленджике частей²³¹.

Произошедший весной 1840 г. захват горцами четырех укреплений на южной стороне Кавказских гор заметно ускорил решение проблемы обеспеченности личным составом Геленджикского, а равно и других укреплений Черноморской береговой линии. Как только позволили погодные условия, а именно в начале апреля 1840 г., не на шутку напуганное верховное командование перебросило судами Черноморского флота на поддержку ослабленных гарнизонов прибрежных укреплений значительные силы – 5 полков и 1 батарею из 5-го пехотного корпуса, 1270 старослужащих нижних чинов 13-й и 15-й пехотных дивизий того же корпуса²³², 150 сапер, 123 артиллериста и 1 гарнизонную артиллерийскую роту из Севастополя, 200 нижних чинов из резервных батарей 5-го пехотного корпуса. Кроме того, на месте были сформированы еще один Черноморский линейный батальон (№ 3-го) и 2 роты из личного состава Харьковского и Полтавского гарнизонных батальонов вместо рот, погибших в форте Лазарев²³³. При этом, правда, как отмечал чуть позже генерал-лейтенант Раевский, нижние чины 5-го пехотного корпуса, «зараженные цынгой и одержимые лихорадками, наполнили госпитали больными», а прибывшие из Херсонского исправительного батальона «начали бегать целыми десятками»²³⁴.

²²⁹ За 1834-1836 гг., 1838 г. и 1840 г. метрических книг не выявлено

²³⁰ ПСЗРИ. Т. XI. № 9380

²³¹ В 1839 г., например, таковых было 8 человек (см. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 203. Л. 70). К сожалению, тема дезертирства из частей Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны до настоящего времени практически не изучена. Авторы, затрагивающие этот сюжет, как правило, опираются на мемуарные источники, дающие самые противоречивые сведения о численности военнослужащих, находящихся в бегах

²³² Подробнее о них см. ПСЗРИ. Т. XV. № 13174

²³³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. С. 257-258

²³⁴ Архив Раевских. Т. IV. С. 69

Часть прибывшего подкрепления досталась, разумеется, и Геленджику, так что уже в мае 1840 г. в нем дислоцировались: «Черноморских линейных батальонов № 4-го и № 5-го первые линейные роты, Тенгизского пехотного полка 5-я мушкетерская рота, 3-й батальон Виленского егерского полка, команды людей 5-го пехотного корпуса из назначенных на укомплектование и Херсонского исправительного батальона, еще не зачисленных в линейные батальоны, всего под ружьем: унтер-офицеров – 137 ч., рядовых – 1267 ч.»²³⁵.

Впрочем, прислуги при артиллерии по-прежнему было «недостаточно: на 24 орудия, за исключением 8 больных, [приходилось] с 9 фейерверкерами 70 артиллеристов»²³⁶. Для исправления такой ситуации, бывшей типичной во всем Отдельном Кавказском корпусе, начиная с марта 1839 г. имевшийся их некомплект надлежало заполнять из специально отобранных нижних чинов линейных батальонов, которых император повелел обучать обязанностям номеров, полагая на батарейное 19, а на легкое орудие 15 «молодых, крепкого сложения и расторопных» людей», дабы, в случае надобности, они могли успешно действовать из орудий²³⁷. В 1847 г., как отмечалось в одном из приказов по 2-ому отделению Черноморской береговой линии, из 1854 нижних чинов гарнизона Геленджика действиям при орудиях было обучено 390 человек²³⁸.

После возвращения согласно предписанию Военного министра до конца августа 1840 г. всех войск 5-го пехотного корпуса, в том числе и 3-го батальона Виленского егерского полка, к постоянному месту дислокации в Крым, а затем убытия в форт Лазарев роты Тенгинского пехотного полка²³⁹, в период летней навигации 1841 г. в Геленджик перебрасывается Резервный Черноморский линейный батальон № 13-го со штатной численностью 1071 человек, сформированный в ноябре 1840 г. в Феодосии из нижних чинов, набранных из гарнизонных батальонов: Могилевского, Минского, Гродненского, Житомирского, Киевского, Черниговского, Полтавского и Харьковского²⁴⁰. В отличие от Черноморского линейного батальона № 5-го, имевшего пожалованное знамя от полка-предшественника (Нашебургского пехотного), Резервный Черноморский линейный батальон № 13-го собственного знамени не получил²⁴¹.

²³⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259. Л. 6об-7

²³⁶ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д. 204 (опубликовано: Архив Раевских. Т. IV. СПб, 1912. С. 97-101)

²³⁷ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12124

²³⁸ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д. 744. Л. 6

²³⁹ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С. 257

²⁴⁰ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 87

²⁴¹ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Ключков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 361

Эта замена, безусловно, была неравноценна, поскольку, как писал в рапорте от 4 апреля 1841 г. назначенный вместо генерал-лейтенанта Раевского начальником Черноморской береговой линии генерал-майор Анреп о личном составе вновь сформированных № 13-го и № 14-го батальонов: «Эти люди неопытные в военном деле, под начальством офицеров, столь чуждых здешнему образу войны, не скоро могут прийти в такое положение, чтобы соответствовать своему назначению»²⁴².

К тому же вновь прибывший батальон, с 3 февраля 1842 г. переименованный в Черноморский линейный батальон № 14-го, а с 31 августа того же года – в № 15-го²⁴³, нельзя считать в полном смысле вошедшим в состав гарнизона Геленджикского укрепления, поскольку он, как и другие резервные батальоны, являлся подвижным и не составляющим необходимой принадлежности того гарнизона где дислоцировался, давая «возможность сосредоточивать довольно значительные силы в каждом пункте Береговой линии ...»²⁴⁴.

30 декабря 1841 г. император повелел во всех Черноморских линейных батальонах присвоить первым ротам наименование гренадерских, а прочим трем - первых, вторых и третьих линейных²⁴⁵.

Со времени очередного разделения Черноморской береговой линии в сентябре 1840 г. и до ликвидации Геленджикского укрепления старшим воинским начальником в нем становится начальник ее 2-го отделения, которому было предписано пребывать в Геленджике.

²⁴² Цит. по: Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С. 255-256

²⁴³ Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 182

²⁴⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. Восточный берег Черного моря. СПб, 1853. С.37

²⁴⁵ ПСЗРИ. Т. XVI. № 15167, Т. XVII. № 15458

В соответствии с существующей практикой, в последствии официально оформленной статьей 103²⁴⁶ Общей инструкции для комендантов, ему переходили все предоставленные права коменданта крепости и вся возложенная на него ответственность по исполнению его обязанностей. 11 сентября 1840 г.²⁴⁷ высочайшим приказом на эту должность был назначен генерал-майор Опперман 1-й²⁴⁸, сын известного фортификатора, генерал-инженера графа К.И. Оппермана, одного из наставников будущего императора Николая в военной и фортификационной науках.

После упразднения в апреле 1841 г. арестантской роты № 40²⁴⁹, в Геленджике располагались штаб и три роты Черноморского линейного батальона № 5-го (еще одна рота занимала Новотроицкое укрепление), в полном составе Резервный Черноморский линейный батальон № 15-го и частично рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады. Помимо этих частей, там же в качестве прикомандированных находились: команда военно-рабочей № 18 роты, основная часть которой дислоцировалась в Анапе²⁵⁰, и одна из сформированных для крейсерства у восточных берегов Черного моря команд Азовского казачьего войска в составе: 1 хорунжего, 1 урядника и 18 казаков. О последних Н.В. Симановский в своем дневнике за 24 августа 1837 г. оставил следующую запись: «Оружие их состоит из короткого ружья со штыком через плечо, сабли и пистолета при левом боку, а одежда: синие шаровары и малиновая куртка с синими рукавами, шапка, как у донских казаков, с малиновым верхом»²⁵¹.

С марта 1836 г. император повелел во всех линейных батальонах иметь фуражные шапки по одному образцу – темнозеленые, с красным околышем и одной выпушкой вверху из красного же сукна; а для различия рот – высечку литер на околыше делать из желтого сукна, по цвету высечки на мундирных погонах²⁵².

²⁴⁶ ПСЗРИ. Т. XXII. № 21671

²⁴⁷ ПСЗРИ. Т. XV. № 13785

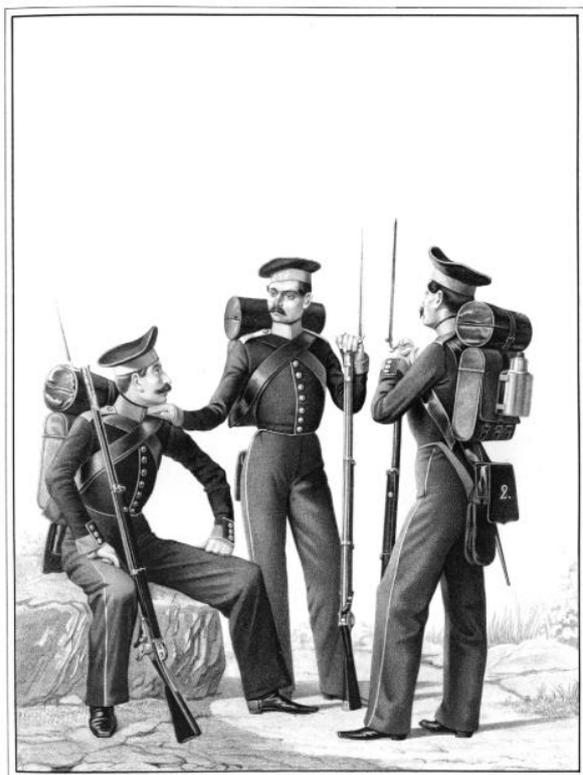
²⁴⁸ Опперман 1-й Александр Карлович, генерал-майор. Участник войн против персов и турок в 1827-1829 гг., горцев в 1830 г., польских мятежников в 1831 г., горцев в 1835 г., 1837 г. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1827), персидским Орденом Льва и Солнца 2 ст. (1828), св. Анны 2 ст. (1829, императорская корона к ордену пожалована в 1831 г.), св. Георгия 4-й ст. (1839), св. Станислава 1 ст. (1841), Золотой шпагой «За храбрость» (1828). 22 февраля 1847 г. по высочайшему повелению назначен командиром 2-й бригады 9-й пехотной дивизии (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 134. ЛЛ. 209-224; Акты КАК. Т. 9. С. XXV)

²⁴⁹ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть девятнадцатая. СПб, 1861. С. 234

²⁵⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237-239

²⁵¹ Симановский Н.В. Дневник. 2 апреля - 3 октября 1837 г., Кавказ // «Звезда», 1999, № 9. (<http://militera.lib.ru/db/simanovsky/index.html>)

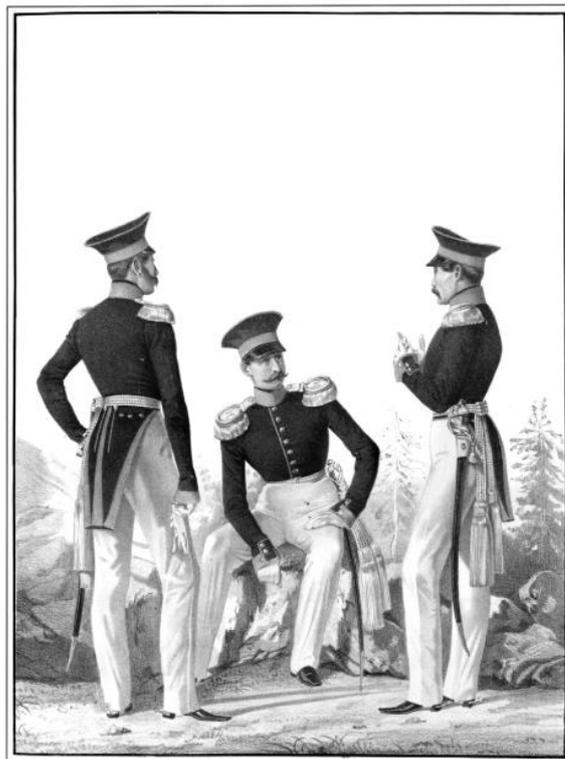
²⁵² ПСЗРИ. Т. XI. № 8983

Imp. Lemoine, Paris

РЯДОВЫЕ

*Линейные батальоны Отдельного Кавказского Корпуса
1842-1848.*

Imp. Lemoine, Paris

ПЛАТЬ-ОФИЦЕРЫ

*Линейные батальоны Отдельного Кавказского Корпуса
1842-1848.*

С ноября 1842 г. в линейных батальонах (Грузинских, Черноморских, Кавказских) Отдельного Кавказского корпуса²⁵³ официально были отменены обременительные барашковые шапки и до установления новой формы позволено всем чинам носить только фуражные шапки тёмно-зелёного цвета с околышем и выпушкой из красного сукна и с буквой «Р» и номером роты на околыше из желтого сукна, образец которых был установлен в марте 1836 г.²⁵⁴

Номера батальонов с точкой, изготовленные из желтой меди размером 1 (1¹/₂) / 8 вершков, надлежало размещать посередине крышки сумы нижних чинов²⁵⁵:

Предпринятые меры по усилению гарнизонов прибрежных укреплений, безусловно, стабилизировали ситуацию, но не решали проблему их укомплектования кадрами системно²⁵⁶.

²⁵³ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 38, рисунки 524,525

²⁵⁴ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 36

²⁵⁵ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Ключков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 124, 249

Особенно тяжело обстояло дело с обер- и штаб-офицерами, многие из которых определялись на службу в Отдельный Кавказский корпус из отставки на основании предъявляемых ими аттестатов о прежнем их служении и свидетельств о хорошем поведении во время отставки от гражданских губернаторов и губернских предводителей дворянства, что привело к значительному проценту офицеров, прежде отставленных от службы «по дурным их качествам». Данное в июне 1836 г. императором право командиру Отдельного Кавказского корпуса самостоятельно высылать таковых во внутренние губернии²⁵⁷ не сильно улучшило положение.

Сохраняющийся некомплект офицерского состава, восполнить который было гораздо сложнее чем нехватку нижних чинов, заставил царское правительство прибегнуть к экстраординарным мерам. Именным указом, объявленным приказом Военного министра от 20 декабря 1839 г., назначаемым или переводимым в укрепления Черноморской береговой линии офицерам были предоставлены беспрецедентные преимущества, а именно выдача прогонных денег на всякое расстояние до места назначения, выдача единовременного пособия в размере годового оклада жалованья или двухгодового в случае переезда туда с семейством²⁵⁸.

В своих мемуарах Г.И. Филипсон назвал эту меру «ошибочной, вредной»²⁵⁹, поскольку многие офицеры, согласившиеся на службу в прибрежных фортах в расчете на получение «значительного денежного вспоможения», оказались к ней непригодными. На это указывал и командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин: «Благонадежные и достойные офицеры редко остаются в Черноморских батальонах. Теперь желающих много, но мало таких, которые могут быть там полезны. Большею частию туда убегают люди ненадежного поведения, неимеющие приюта в других местах, привлекаемые приманкою выдачи денег на подъем»²⁶⁰.

Это вскоре поняло и Военное министерство, инициировавшее в апреле 1841 г. именной указ, объявленный командиру Отдельного Кавказского корпуса, гласивший: «Государь император, вследствие доходящих сведений, что с представлением особых преимуществ офицерам, желающим служить в Черноморских линейных батальонах, в батальоны сие поступает много офицеров из отставки таких, которые по поведению своему и нерадивому служению не

²⁵⁶ Подробнее см.: Каратаев В.Б., Островская А.А., Кокуйцева Т.В., Семенов А.С. Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг. // Былые годы, 2016. Т. 41. Вып. 3. С. 655

²⁵⁷ ПСЗРИ. Т. XI. № 9379

²⁵⁸ ПСЗРИ. Т. XIV. № 13010

²⁵⁹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 349

²⁶⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259. Л. 37

только не полезны, но даже там весьма вредны, Высочайше повелеть изволил: в Черноморские батальоны офицеров из отставки впредь не определять, а самые вакансии пополнять переводом надежных офицеров из других войск Кавказского корпуса со всеми теми преимуществами, которые установлены на сей случай Высочайшим повелением, объявленным в приказе от 20 декабря 1839 года»²⁶¹.

Несмотря на неоднозначные последствия, все же следует признать, что предпринятые шаги в целом заметно улучшили ситуацию с офицерскими кадрами и даже позволили с января 1841 г. «в Черноморских линейных батальонах вместо положенных по штату 14 обер-офицеров иметь таковых ... 18 обер-офицеров в батальоне, в том числе: капитана – 1, штабс-капитанов – 3, поручиков – 4, подпоручиков – 6 (из них адъютант – 1 и квартирмейстер – 1), прапорщиков – 4»²⁶².

С августа 1840 г. на предусмотренные приказом Военного министра от 20 декабря 1839 г. льготы могли рассчитывать также назначаемые в укрепления Черноморской береговой линии цейхвахтеры и унтер-цейхвахтеры артиллерийского ведомства²⁶³, с июля 1842 г. – медицинские чиновники военного ведомства²⁶⁴, с мая 1843 г. – офицеры, переводимые из резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса, поступившие в нее для производства в офицеры из подпрапорщиков, юнкеров и унтер-офицеров Черноморских линейных батальонов²⁶⁵, с февраля 1844 г. – медицинские чиновники морского ведомства²⁶⁶, с марта 1844 г. – все прочие чиновники с той лишь разницей, что назначаемые в укрепления: Новотроицкое, Вельяминовское, Лазаревское, Головинское, Навагинское и Св. Духа до открытия с этими пунктами сухопутного сообщения должны были получать их в полном объеме, а назначаемые в прочие укрепления – в ополовиненном²⁶⁷. Помимо этого, в мае 1842 г. было высочайше разрешено офицерам войск Черноморской береговой линии при отправлении их в лазареты и госпитали, находящиеся вне округа военных действий, или в местах, где войска получают довольствие по внутреннему положению, сохранять жалованье в случае продолжительной болезни по усиленному окладу в течение шести месяцев, «в том внимании, что болезни, коим они подвергаются, происходя от свойственных климату причин, бывают часто весьма упорны и продолжительны»²⁶⁸. Наконец, в сентябре 1846 г. было установлено, что всем чинам военного ведомства, следующим на службу в войска, расположенные на Черноморской береговой

²⁶¹ ПСЗРИ. Т. XVI. № 14489

²⁶² ПСЗРИ. Т. XVI. № 14216

²⁶³ ПСЗРИ. Т. XV. № 13749

²⁶⁴ ПСЗРИ. Т. XVII. № 15820

²⁶⁵ ПСЗРИ. Т. XVIII. № 16813

²⁶⁶ ПСЗРИ. Т. XX. Отделение 2. № 17588а

²⁶⁷ ПСЗРИ. Т. XIX. № 17758

²⁶⁸ ПСЗРИ. Т. XVII. № 15648

линии, по переводе из других частей и по определении при отставке, а также возвращающимся из отпусков, время прибытия их на действительную службу считать со дня их прибытия в Керчь, удовлетворяя их жалованье по усиленным окладам²⁶⁹.

Все перечисленные преимущества вышеназванным категориям офицеров и чиновников продолжали действовать, по всей видимости, до конца существования Черноморской береговой линии, за исключением случаев перехода туда офицеров не по надобностям службы, а по собственному желанию, о чем было объявлено главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом именным указом от 28 ноября 1851 г.²⁷⁰, но так и не смогли в полной мере, по признанию одного из современников, решить проблему офицерских кадров: «едва ли порядочный человек решится долго служить здесь, несмотря на двойное жалованье: болезни и скука выгонят отсюда всякого, кто имеет средства жить и не зависеть от службы»²⁷¹.

Что же касается нижних чинов, то в 30-х годах XIX в. пополнение ими Черноморских линейных батальонов велось, судя по документам, за счет:

рекрут из числа набранных по очередным наборам в европейских губерниях России и Царстве Польском;

рекрут Царства Польского, поступающих в зачет наборов за укрывательство, бродяжничество или после тюремного заключения, по приговорам судебных мест²⁷²;

чинов и военнопленных Польской армии, расформированной после мятежа 1830-1831 гг.²⁷³;

контингента, поступающего из учрежденного²⁷⁴ в апреле 1837 г. при резервной дивизии 5-го пехотного корпуса в г. Херсоне исправительного батальона²⁷⁵.

Судя по тому, что прибывшие весной 1840 г. в качестве усиления 1270 старослужащих нижних чинов 13-й и 15-й пехотных дивизий были направлены взамен рекрутов, можно с высокой степенью достоверности предположить, что примерно столько людей поступало ежегодно по наборам на пополнение войск Черноморской береговой линии.

²⁶⁹ ПСЗРИ. Т. XXI. № 20479

²⁷⁰ ПСЗРИ. Т. XXVI. № 25782

²⁷¹ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 5

²⁷² ПСЗРИ. Т. XV. № 13667

²⁷³ Более подробно о них см.: Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-50-е годы XIX века // Славяноведение, 2009, № 6. С. 64-75

²⁷⁴ ПСЗРИ. Т. XII. № 10155

²⁷⁵ См. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2, 96

Однако, как показало время, существовавший порядок комплектования оказался неудовлетворительным, и численность поступающего пополнения - недостаточной. Во-первых, он не обеспечивал достаточного притока рядового и унтер-офицерского состава взамен умерших и эвакуированных в госпиталя по болезни, вследствие чего, по воспоминаниям Г.И. Филипсона, «... роты доходили до половины своего состава и даже менее»²⁷⁶. Во-вторых, это привело к тому, что контр-адмирал Серебряков был вынужден констатировать, пусть и с определенным драматическим преувеличением: Черноморские линейные батальоны «за исключением малого числа старых солдат, оставшихся еще от расформированных (в 1834 г. – А.Г.) полков, состоят почти из одних бродяг, штрафованных и порочных...»²⁷⁷.

В целях исправления такой неблагополучной ситуации в августе 1840 г. «для скорейшего и удобнейшего комплектования Черноморских линейных батальонов» при Таврическом внутреннем гарнизонном батальоне был учрежден особый (Таврический) резерв численностью 1600 человек, содержащихся в Симферополе и Феодосии²⁷⁸. Таким образом, с этого времени рекруты, назначаемые к службе в Черноморские линейные батальоны, для предварительного обучения и адаптации к непривычному им климату поступали сначала либо в Таврический резерв, либо в сформированный тогда же в Анапе резервный Черноморский линейный батальон (№ 11-го).

Именным указом от 1 марта 1844 г., объявленным командиру Отдельного Кавказского корпуса, устанавливался порядок ежегодного отправления рекрут: в Таврический резерв – морем в три срока (мае, июле и октябре), в резервный Черноморский линейный батальон в Анапу – сухим путем через Черноморию в июне²⁷⁹. Еще одним указом, объявленным в приказе Военного министра от 29 января 1846 г., уточнялось, что рекруты, назначаемые на комплектование Черноморских линейных батальонов в Таврический резерв, впредь должны отправляться с места набора поровну в Таврический и Херсонский гарнизонные батальоны. При этом отправление рекрут уже непосредственно в укрепления Черноморской береговой линии, вне зависимости от того, где они обучались, следовало проводить через Таврический резерв²⁸⁰.

Существовавшая же ранее практика комплектования Черноморских линейных батальонов из исправительных батальонов постепенно уходила в прошлое. Так, в частности, в марте 1840 г. был упразднен Херсонский

²⁷⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 327

²⁷⁷ Архив Раевских. Т. 3. С. 417

²⁷⁸ ПСЗРИ. Т. XV. № 13713

²⁷⁹ ПСЗРИ. Т. XIX. № 17684

²⁸⁰ ПСЗРИ. Т. XXI. № 19667

исправительный батальон²⁸¹, а в декабре 1845 г. и в июне 1846 г., соответственно, сформированные в его замен исправительные отделения Таврического²⁸² и Херсонского²⁸³ гарнизонных батальонов.

В апреле 1852 г. Николай I повелел довести численность назначаемых при ежегодном наборе в резервы Черноморских линейных батальонов рекрут до 3200 человек, из которых 1600 должны были по-прежнему направляться в Таврический и Херсонские гарнизонные батальоны, 900 – в Черноморский резервный батальон, а прибавляемые 700 человек – размещаться в Екатеринославской губернии или, при отсутствии такой возможности, частично в Керчи²⁸⁴. Если исходить из этих цифр, в 1841-1854 гг. на укомплектование частей, занимающих укрепления Черноморской береговой линии, должно было бы поступить не менее 33,9 тысяч человек. В действительности же, как следует из справочника М.Б. Оленева²⁸⁵, численность рекрут, ежегодно направляемых в Черноморские линейные батальоны, была значительно меньше. Так, например, с 1846 г. по 1854 г.²⁸⁶ их общее число составило лишь 7955 человека, причем в 1847 г., 1851 г., 1852 г. никакого пополнения вообще не поступало:

губерния	Резерв при Таврическом ВГБ	Резерв при Херсонском и Таврическом ВГБ	11-я и 13-я гарнизонные арт. бригады	Черноморские линейные батальоны	Черноморский резервный линейный батальон
Воронежская	1220 (1846 г.) 550 (1848 г.)				
Саратовская		646 (1848 г.)			
Тамбовская		500 (1848 г.) 702 (1849 г.)			
Пензенская		994 (1849 г.)			
Витебская			60 (1849 г.)		
Волынская		1296 (1850 г.)			
Екатеринославская		400 (1850 г.)			
Самарская				338 (1853 г.)	

²⁸¹ ПСЗРИ. Т. XV. № 13267

²⁸² ПСЗРИ. Т. XX. № 19526

²⁸³ ПСЗРИ. Т. XXI. № 20175

²⁸⁴ ПСЗРИ. Т. XXVII. № 26167

²⁸⁵ Составлено по: Оленев М.Б. Комплектование армии нижними чинами при императоре Николае I. М.: Старая Басманная, 2016. С. 56, 112, 118, 120, 126, 133, 157, 159, 169, 170, 176

²⁸⁶ За более ранний период сведения в работе М.Б. Оленева отсутствуют

Подольская					849 (1854 г.)
Орловская					400 (1854 г.)

Во многом это можно объяснить тем, что рекруты, как и старослужащие, зачастую заболевали еще на стадии обучения. В рапорте от 13 октября 1845 г. начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант Будберг сетовал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом графу генерал-адъютанту Воронцову: «В особом резерве рекрут, приготовляемых Таврическим внутренним гарнизонным батальоном в Симферополе и Феодосии, бывают другой уже год сряду глазные болезни, особенно в Феодосии Из числа состоящих теперь налицо при этом батальоне рекрут набора 1844 года 1926 и набора 1845 года 1696, а всего 3622^х человек, не может быть отправлено 999 человек совершенно здоровых и обученных, а потому можно судить о состоянии этого резерва»²⁸⁷. Тем не менее из сохранившихся приказов по 2-му отделению Черноморской береговой линии за 1848-1850 гг. явствует, что в этот период на укомплектование дислоцировавшихся в Геленджике Черноморских линейных батальонов поступило: в мае 1848 г. – 200 рекрут, апреле 1849 г. – 175²⁸⁸.

Поступающие в качестве пополнения рекруты вместе с возвращающимися из госпиталей военнослужащими должны были компенсировать убыль личного состава гарнизона Геленджика, ибо, несмотря на происходящие с начала 40-х годов XIX в. позитивные перемены в условиях их расквартирования, продовольственного снабжения и медицинского обслуживания, число безвозвратно выбывающих продолжало оставаться на довольно высоком уровне. Согласно метрическим книгам Геленджикского укрепления там в последние годы существования умерло: 1841 г. – 114, 1842 г. – 169, 1843 г. – 145, 1844 г. – 133, 1845 г. – 131, 1846 г. – 218, 1847 г. – 135, 1848 г. – 121, 1849 г. – 82, 1850 г. – 87, 1851 г. – 150, 1852 г. – 79, 1853 г. – 139, а всего – 1703 человека²⁸⁹. К тому же, замена требовалась не только умершим, но и временно выбывавшим по болезни, число которых, очевидно, было как и прежде весьма велико, ведь в царствование императора Николая I соотношение между умершими и заболевшими в армии в этот период варьировалось от максимального 1 к 9 в 1829 г. до минимального 1 к 22 в 1843 г.²⁹⁰

²⁸⁷ РГВИА. Ф.14719. Оп. 3. Д. 328. Л. 151

²⁸⁸ В 1850 г. пополнение не поступало. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 744. ЛЛ. 22об, 38

²⁸⁹ Подсчитано без учета умерших женщин и лиц обоего пола моложе 20 лет по: РГВИА. Ф. 16290. Оп. 1. Д. 90, 108, 116, 158, 169, 186, 203, 217, 218, Оп. 2. Д. 80, 87, 88, 129, 131, 150, 162; РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 1122, 1143, 1247, 1261

²⁹⁰ Столетие военного министерства. VII Отделение. Ч.II. Исторический очерк развития и деятельности военно-санитарного ведомства в царствование императора Николая I. С. 227

В 1845 г. в целях поддержания оборонительных верков Геленджикского укрепления в удовлетворительном состоянии из нижних чинов Черноморских линейных батальонов и военно-рабочих подразделений была сформирована военно-рабочая рота № 19²⁹¹, что позволило вернуть находящуюся с 1841 г. в Геленджике команду из военно-рабочей № 18 роты к постоянному месту службы в Анапе. Ежегодное пополнение вновь созданной части производилось, как свидетельствуют приказы по 2-му отделению Черноморской береговой линии, из нижних чинов Черноморских линейных батальонов № 5-го и № 15-го.

Согласно именному указу от 29 июня 1846 г. в крепости Геленджике с 1 января 1847 г. в управлении воинского начальника, обязанности которого возложены на командира квартирующего там Черноморского линейного батальона № 5-го, было предписано иметь плац-адъютанта и двух писарей²⁹².

24 февраля 1847 г. высочайшим приказом начальником 2-го отделения Черноморской береговой линии был назначен известный кавказский командир генерал-майор Альбрандт (Альбранд, Албранд)²⁹³.

²⁹¹ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 295-296. В ГАКК хранятся ее фонд (№ 328), включающий 84 ед. хранения за 1845-1856 гг.

²⁹² ПСЗРИ. Т. XXI. № 20179

²⁹³ Альбрандт Лев Львович, генерал-майор. Участвовал в войне против турок в 1828-1829 гг. в Валахии, против горцев в 1832, 1834, 1836, 1837, 1839, 1841, 1845, 1846 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1835), св. Станислава 2 ст. (1845), знаком отличия «XX лет беспорочной службы» (1845), орденами св. Анны 2 ст. (1845), св. Владимира 3 ст. (1845), св. Станислава 1 ст. (1848), персидским Орденом Льва и Солнца 2 ст. (1839), серебряной медалью «За Турецкую войну 1828-1829 гг.». (РГВИА. Ф. 395. Оп.156. Д. 347. ЛЛ. 26-39; Акты КАК. Т. 10. С. XII)

Г.И. Филипсон пишет о нем следующее: «Это был человек лет под 40, хорошо образованный, любимый всеми товарищами, очень храбрый и решительный, но, может быть, слишком восторженный. В сражении под Ахульго он потерял руку. Ему отрезали выше локтя, но так дурно, что операцию пришлось возобновить. Он выдержал эту муку с необыкновенной твердостью, но впоследствии часто страдал»²⁹⁴.

Характеризуя его в этой должности, исполнение которой фактически началось с 7 мая 1847 г., генерал-адъютант Будберг особо отмечал, что генерал-майор Альбрандт «не щадя в продолжение службы ни жизни, ни здоровья, ни телесных сил, в управлении 2-м отделением береговой линии, с отличающею его деятельностью, во всякое время года, зимою и осенью, в бурные и ненастные дни, часто в болезненном состоянии, везде появлялся в своем отделении для личных распоряжений и сношений с горцами, переплывая для сего на Азовских баркасах, при тяжелых ранах; он выдержал лихорадку и холеру и совершенно расстроил свое здоровье. Испытав величайшие труды и жертвуя остатком сил, он не жалел своего достояния»²⁹⁵. Такую же высокую оценку генерал-майору Альбрандту дал и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант Воронцов: «Плоды его усилий очевидны: населения, ближайšie к некоторым укреплениям, начали доставлять сено, порционный скот для гарнизона и камни для постройки валов. Что же касается до солдат, то они любят генерала Альбранта, как отца своего; каждый приезд его есть для них отрада; никто не имеет более искреннего попечения о их нуждах; никто не может лучше внушить доброй нравственности и пламенного усердия к службе Царской»²⁹⁶.

Заметным событием в период его непродолжительного пребывания в Геленджике стало присвоение в августе 1848 г., линейным батальонам Отдельного Кавказского корпуса нового обмундирования и снаряжения, в большей степени соответствующих характеру ведшихся на Кавказе боевых действий²⁹⁷.

²⁹⁴ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1884. Вып. 1-2. С. 353

²⁹⁵ Подробная статья с его жизнеописанием см.: «Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». СПб, 1858. Вып. №№ 15-16, 17-18

²⁹⁶ Цит. по: «Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». СПб, 1858. Вып. № 17-18. Л. 42

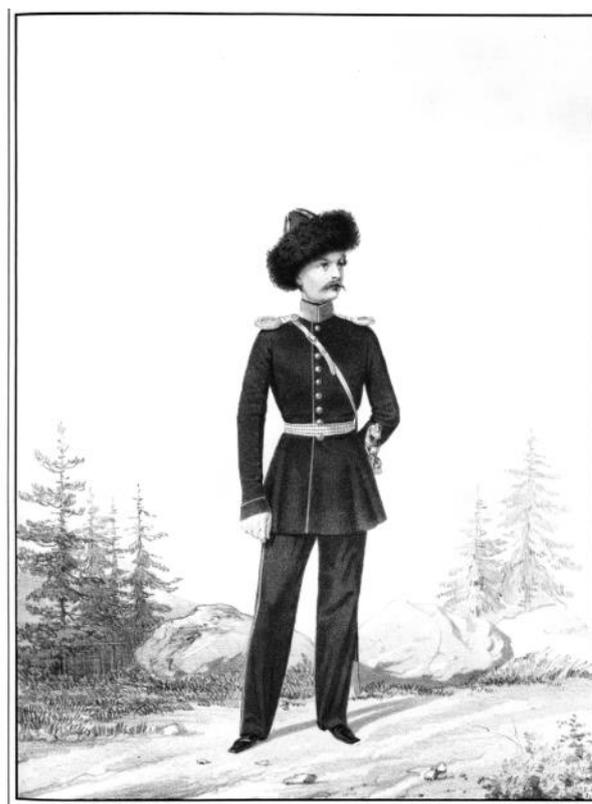
²⁹⁷ ПСЗРИ. Т. XXIII. №№ 22345, 22758, Т. XXIV. № 23641; Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 40, рисунки 529, 530

Dep. L'armement Paris

РЯДОВЫЕ

*Грузинских и Черноморских Линейных батальонов,
1848-1855.*

Dep. L'armement Paris

ОВЕРЬ-ОФИЦЕРЪ

*Кавказских Линейных батальонов,
1848-1855.*

Введение новой формы, однако, не отменило неизбежной традиции кавказских войск пренебрегать правилами ее ношения. В одном из приказов по 2-му отделению Черноморской береговой линии в связи с этим обращалось внимание на то, что «подпрапорщики, унтер-офицеры и рядовые из дворян и из вольно-определяющихся носят не форменное обмундирование, а из тонкого сукна, а также фуражки с козырьком» и строго указывалось, что «нижние чины из дворян и других почетных сословий, готовясь быть офицерами, должны отличаться от солдат податного состояния не одеянием, тонким сукном, или козырьком, но не укоризненным поведением, особым прилежанием к исполнению службы, расторопностью, опрятностью, мужеством и, наконец, знанием фронтальной и гарнизонной службы до самой тончайшей степени пользы для них ... Кажется не нужно присовокупить, что это относится до всех прочих чинов. Солдат должен гордиться своим званием, следовательно, и своей одеждою и вещами к ней относящихся и не употреблять вещей к ней не относящихся. Например, шапки, безобразный вид имеющие, обшитые длинным мехом. Если холодно – то у солдата есть наушники, которые он должен надевать. Позволяется только одно отступление в форме в здешнем крае для сбережения здоровья людей, т.е. в зимнее время надевать полушубки, и то под шинелью, когда солдат

на работе, в походе, в наряде для прикрытия скота и в секретах. Все прочие отступления заставляют его только забывать то почетное звание, которое он имеет честь носить, и разрушают дисциплину»²⁹⁸. При всей справедливости этих слов, трудно представить, однако, что они возымели хоть какое-либо действие на войска, имевшие «очень своеобразное и отчасти смутное понятие о форме»²⁹⁹.

Цитируемый приказ был подписан уже генерал-майором Вагнером 2-м³⁰⁰, заместившим в конце 1848 г. генерал-майора Альбрандта, убывшего на лечение в Петербург. Официальные назначения: первого – на должность начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии, а второго – комендантом Шлиссельбургской крепости, состоялось 30 апреля 1849 г.

Согласно «Ведомости о численном состоянии Черноморских линейных батальонов по сведениям за август месяц 1852 года» укомплектованность обоих дислоцировавшихся в Геленджике линейных батальонов на тот момент была почти полная³⁰²:

²⁹⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 744. Л. 51-51об

²⁹⁹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 187

³⁰⁰ Вагнер 2-й Яков Богданович, генерал-лейтенант (1855 г.). Участвовал в сражениях против французов в 1815 г., польских мятежников в 1831 г., горцев в 1849-1853 гг., турок, англичан, французов в 1854-1856 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1830), св. Анны 2-й ст. (1831, императорская корона к ордену пожалована в 1844 г.), польским знаком отличия за военное достоинство (Virtuti Militari) 4-й ст. (1832), орденами св. Станислава 2-й степени (1833), св. Георгия 4-й ст. (1846), знаком отличия «XX лет беспорочной службы», орденами св. Владимира 3-й ст. (1846), св. Станислава 1-й степени (1851), св. Анны 1-й ст. (1852, императорская корона к ордену пожалована в 1854 г.), св. Владимира 2-й ст. (1859) (РГВИА, Ф. 395. Оп. 169. Д. 444; Акты КАК. Т. 10. С. XVI)

³⁰¹ ГПИБ. Портреты лиц, участвовавших в событиях войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. - Б. м., Б. г. (shpl.ru)

³⁰² РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 199. Л. 13-13об

Черноморский линейный батальон	состоит по списку			недостает до комплекта		
	штаб и обер- офицеров	нижних чинов		штаб и обер- офицеров	нижних чинов	
		строевых	нестроевых		строевых	нестроевых
№ 5-го	18	1032	37	2	12	1
№ 15-го	15	1036	36	5	16	1

В марте 1854 г. под руководством генерал-майора Вагнера войска геленджикского гарнизона («весь Черноморский линейный № 5 батальон – 729, весь Черноморский линейный № 15 батальон – 823, военно-учебная команда Черноморских линейных батальонов – 130, военно-рабочая № 19 рота – 148, команда № 4 Азовского казачьего войска – 28, артиллерии подвижной: 2 полевых и два горных орудия. Всего: 1858 человек»³⁰³) навсегда покинули его дымящиеся развалины, чтобы продолжить свою ратную службу уже в качестве полевых войск.

Во время Крымской (Восточной) войны генерал-майор Вагнер сначала возглавлял резерв Закубанского отряда, затем командовал Феодосийским, Геничевским и Гурийским отрядами. Оба Черноморских линейных батальона по окончании боевых действий в апреле 1856 г. обращены на формирование соответственно: № 5-го – Крымского пехотного полка, № 15-го – Севастопольского пехотного полка³⁰⁴. Рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады в 1858 г. переименована в Кавказскую гарнизонную артиллерийскую № 10 роту (с 1859 г. – Кавказская крепостная артиллерийская № 10 рота)³⁰⁵.

В заключение рассказа о воинских частях, в разное время составлявших живую силу Геленджикского укрепления, целесообразно сделать некоторые выводы в отношении их количественных и качественных характеристик.

Так сложилось исторически, что огневая линия его оборонительных верков де-факто полностью повторяла фронт первоначально возведенных шанцев укрепленного лагеря Геленджикского отряда, насчитывающего четыре батальона пехоты и одну артиллерийскую роту. Вследствие этого она имела протяженность 553 сажени и по расчетам командира Отдельного Кавказского корпуса должна быть защищаема 3318 человеками или, в крайнем случае, 750, т.е. тремя полными ротами³⁰⁶.

³⁰³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832. Л. 344-344-об., РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 220. Л. 40об (опубликовано: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабичем» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>))

³⁰⁴ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 115

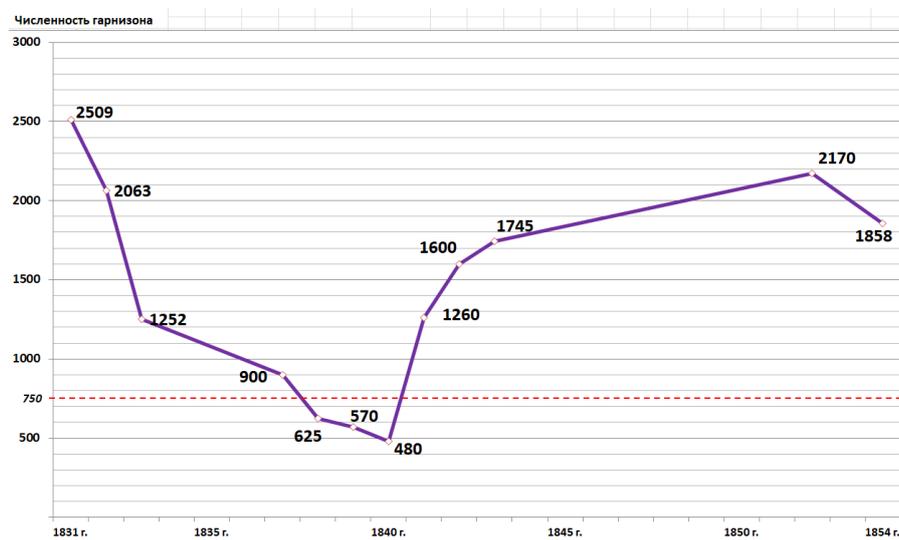
³⁰⁵ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 233

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259

Потребность в такой численности обороняющихся определялась им на основании действующих в то время руководств по фортификации, предусматривающих от 1 шага ($2\frac{1}{3}$ погонных фута) в сомкнутом строю до $1\frac{1}{2}$ шагов (4 погонных фута) в разомкнутом строю на каждого пехотинца, стоящего вдоль бруствера, и от 14 до 18 футов на артиллерийское орудие с артиллеристами. Другим вариантом расчета служили формулы: $6 \times A / 13$ при построении в одну шеренгу, $3 \times A / 4$ при двух шереножном строе и $4 \times A / 3$ при трех шереножном, где A - длина прикрываемой линии в футах³⁰⁷.

Вполне отдавая себе отчет в том, что «укомплектование войск в таком краю, где от болезней и смертности быстро редеют ряды, где непрерывные построения требуют множества рук и где посреди совершенного спокойствия должно быть каждый день готовым к войне, составляет весьма важный предмет»³⁰⁸, армейское командование в условиях постоянной нехватки кадров старалось обеспечить достаточным количеством войск по крайней мере ключевые точки Черноморской береговой линии – Анапу, Новороссийск, Геленджик и Сухум-кале.

На представленной ниже диаграмме, безусловно, достаточно условной, т.к. для точного установления динамики изменения гарнизона Геленджика необходимо проведение целенаправленного исследования, отображена его численность за все время существования укрепления по выявленным в документах за разные годы сведениям:

³⁰⁷ Войтяховский Ефим. Полная наука военного укрепления, или фортификация, содержащая в себе начальные основания, с приобщением расположений укрепления знатнейших европейских инженеров, в пользу употребления юношества и упражняющихся. СПб, 1814. С. 46-47; Баженов, подполковник. Полевая фортификация для употребления в школах Инженерного корпуса по образцу французского автора Ги де Вернона. СПб, 1815. С. 95-96; Тванев, подполковник. Общее введение в фортификацию. Для руководства в изложении походных записок. СПб, 1845. С. 33; Теляковский Аркадий. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. Учебное руководство для военно-учебных заведений. СПб, 1848. С. 37

³⁰⁸ РГВИА. Ф.14719. Оп. 3. Д. 328. Л. 151

Как видно из нее, в нормативном количестве их практически никогда не было, но и меньше минимально допустимого значения опускалось лишь в конце 1837 г. - начале 1840 г., когда один из дислоцировавшихся там Черноморских линейных батальонов (№ 4-го) в полном составе, а другой (№ 5-го) частично убыли для несения гарнизонной службы во вновь основанные укрепления Черноморской береговой линии. Таким образом, только в этот достаточно короткий промежуток времени существовала реальная опасность захвата Геленджика горцами в случае, если бы они на это решились, чего, как известно, так и не произошло даже в период их наибольшей активности в феврале-мае 1840 г.

Образование в августе 1840 г. специального резерва для Черноморских линейных батальонов в целом решило проблему нехватки в них нижних чинов. Некомплект же унтер-офицерского состава восполнялся за счет выпускников сформированной в Геленджике, видимо, во второй половине 40-х годов XIX в. учебной команды Черноморских линейных батальонов, а офицерского, помимо обычных назначений из военно-учебных заведений³⁰⁹, также путем производства в офицеры подпрапорщиков, юнкеров и унтер-офицеров Черноморских линейных батальонов после прохождения ими определенного срока службы в резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса. Правда, ради справедливости, следует признать, что имеющихся войск было достаточно лишь на случай нападения горского ополчения, но никак не против отражения десанта регулярных войск, поддержанного корабельным огнем, вероятность высадки которого союзным англо-французским флотом, собственно говоря, и послужила одной из основных причин оставления Геленджикского укрепления в Крымскую (Восточную) войну.

Что же касается качества личного состава квартировавших в Геленджикском укреплении войск, то, безусловно, боеспособность находившихся там с 1831 г. по 1834 г. Нашебургского и Козловского пехотных полков была весьма высока. Поэтому можно только сожалеть об их расформировании в рамках происходившей в 1833-1834 гг. армейской реформы. Увы, «старыми полками у нас тогда еще дорожили так же мало, как и в царствование Екатерины»³¹⁰.

Еще какое-то время, примерно до 1837 г., когда в сформированных в Геленджике Черноморских линейных батальонах еще преобладали ветераны Нашебургского пехотного полка, кадровая ситуация была терпима, но постепенно, вследствие естественной убыли старослужащих солдат либо за смертью, либо в отставку по выслуге лет или болезни, они замещались слабо подготовленными рекрутами, политически неблагонадежными (участниками

³⁰⁹ ПСЗРИ. Т. XVI. № 14520

³¹⁰ Керсновский А.А. История русской армии. Издательство «Голос». Москва, 1993. Т. 2. С. 43

польского мятежа и восстания декабристов), членами религиозных сект (прежде всего, старообрядцами) и различным асоциальным элементом (бродягами и преступниками, отдаваемыми в солдаты), что, безусловно, снижало боевую ценность дислоцировавшихся в нем войск.

Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением некоторых авторов работ, посвященных кадровому составу Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны, о том, что в Черноморских линейных батальонах он был наименее качественным по сравнению с другими входившими в корпус частями, а процент преступников или «буйных» в них был выше, чем у других³¹¹. Если обратиться к сенатскому указу от 17 апреля 1837 г. об отправлении бродяг и преступников, которые поступают в рекруты, в особо учреждаемые исправительные батальоны и батальоны гарнизонные и линейные, то не трудно убедиться, что этот контингент распределялся по войскам, расположенным в самых разных частях Российской империи, но Черноморские линейные батальоны, в отличие от Кавказских, Грузинских, Оренбургских и Сибирских линейных батальонов, среди них не значатся³¹². То есть, если они и попадали на Черноморскую береговую линию, то не напрямую, а только через Херсонский исправительный батальон, возможно, уже после отбытия там наказания или получения положительной характеристики, да и практика такого пополнения дислоцировавшихся в прибрежных укреплениях частей прекратилась к середине 40-х годов XIX в. Таким образом, о плохом кадровом составе Черноморских линейных батальонов можно говорить лишь в отношении офицеров.

Разумеется, трудно отрицать факт того, что боевой потенциал линейных батальонов Отдельного Кавказского корпуса был заметно ниже, чем у входивших в его состав прославленных полков 19-й, 20-й и 21-й пехотных дивизий, но это можно объяснить не столько качеством нижних чинов (он во всех частях корпуса был приблизительно одинаков), сколько большей опытностью, лучшей выучкой, высоким моральным духом, сплоченностью, наличием старых боевых традиций и, как правило, кадровым офицерским составом у последних³¹³. Тем не менее Черноморские линейные батальоны были далеко не из худших, подтверждением чему служит произошедшее, соответственно, в 1851 г. и 1852 г. пожалование знамен двум из них: № 4-го – «за усердную и верную службу, доказанную

³¹¹ Каратаев В.Б., Островская А.А., Кокуйцева Т.В., Семенов А.С. Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг. // Былые годы, 2016. Т. 41. Вып. 3. С. 652; Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Психологический портрет комбатанта на территории Черноморской береговой линии: нижние чины // European researcher. 2010, № 1. С. 27-30

³¹² ПСЗРИ. Т. XII. № 10155; Т. XII. Отделение второе. С. 27

³¹³ См., например, Савельев А.Е. «Кавказские» и «русские» полки в начале XIX в. на Кавказе // Вопросы истории. 2010. № 2. С.150-154

постоянным отличием и храбростью против Горцев», № 14-го – «за усердную и верную службу, ознаменованную подвигами мужества и храбрости в неоднократных делах против Горцев»³¹⁴.

Это заслуживает тем большего уважения, что чины Черноморских линейных батальонов после тяжких ратных трудов, по словам генерал-лейтенанта Раевского, не имели «другого отдохновения как то, которое их ожидает в тесных крепостях, где они заключены, где они преданы вечному одиночеству, невыразимой скуке и повальным болезням»³¹⁵.

³¹⁴ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 360-361

³¹⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д.220. Л. 51-51об

Глава 3. Квартирование войск и обеспечение провиантом

Рефрешир называется тогда, когда по многим имевшим трудам, или все войско, или несколько полков, на квартиры для отдыха, или пропитания, под кровлю поставлены бываю на время. А особливо ежели великий недостаток в провианте и фураже есть, или неприятное мокрое и холодное есенное время того требовать будет.

Устав воинский. 1716 г. Глава 46, § 1.

Высадившиеся на берегу Геленджикской бухты войска параллельно с сооружением шанцев и организацией их обороны должны были озаботиться также обеспечением своих главнейших жизненных потребностей – кровом, водой и пищей.

Первоначально десантный отряд расположился на берегу ручья в «тени старых деревьев, которые восхищали еще Тэбу де Мариньи в 1818 году»³¹⁶, в «лагере» - комплектах стандартных полотняных палаток, имевшихся в Нашебургском и Козловском пехотных полках еще со времен их участия в войнах с Персией и Турцией. Согласно статье 844 части IV книги III Свода военных постановлений по одной палатке полагалась каждому штаб-офицеру, каждым двум обер-офицерам, каждым пятнадцати нижним чинам, а также денщикам полкового командира, денщикам двух штаб-офицеров, денщикам четырех обер-офицеров. Таким образом, полк двух-батальонного состава³¹⁷ имел 26 офицерских палаток (1 – для полкового командира, 2 – батальонных командиров, 1 – полкового адъютанта, 1 – батальонных адъютантов, 1 – квартирмейстеров и казначеев, 1 – лекарей, 1 – чиновников, обучающих музыке, и аудиторов, 1 – священников, 1 – командиров нестроевых рот, 16 – строевых обер-офицеров) и 151 палатку для нижних чинов (128 – для строевых, 3 – унтер-штабов, 1 – канцелярии и писарей, 5 – нестроевой роты, 14 – офицерской прислуги)³¹⁸. Всего, следовательно, учитывая наличие в Геленджикском отряде еще и артиллерии, на берегу бухты было разбито около 400 палаток, общий вид которых, вероятно, напоминал картину из известной с начала XIX в. солдатской песни:

³¹⁶ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 97

³¹⁷ Хотя оба полка были трех-батальонного состава, но в Геленджикскую экспедицию они убыли, как было отмечено во 2-й главе, без своих третьих батальонов

³¹⁸ Свод военных постановлений. Ч. IV. Кн. III. Ст. 846. Прил. XXXV. Табель, какое количество определяется иметь в войсках палаток, пикетов и ружейных пирамидных дрёвков

«Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Там бел-город полотняный,
Морем улицы шумят,
Позолотою румяной
Медны маковки горят...».

Северный фас лагеря и половину восточного занимали палатки Нашебургского пехотного полка, вторую половину восточного фаса и южный – Козловского. Очевидно, среди рядов стандартных армейских палаток выделялись особо большими габаритами шатры полковых церквей, об одном из которых, прилаженном к древнему дубу, упоминает Ф. Дюбуа де Монпере³¹⁹.

Поскольку ручей, на берегу которого расположился лагерь, мог удовлетворить только самые минимальные потребности в пресной воде столь большого числа войск, в пределах и вблизи лагеря было вырыто несколько колодцев. Хватило их, однако, ненадолго. Уже в апреле 1833 г. геленджикский комендант полковник Чайковский докладывал командующему Черноморской линией генерал-лейтенанту Малиновскому о том, что воды в колодцах «стал сказываться значительный ущерб и недостаток для всех потребностей от того, что от продолжавшейся чрез все зимнее время засухи и частых сильных ветров земля иссохла и источники в колодцах стали иссякать»³²⁰. В связи с этим он распорядился вырыть еще два колодца внутри укрепления, а также резервуар с внешней стороны близ его левого фаса. Это водохранилище предназначалось не только для гарнизона, но и на «случай, если бы какая из эскадр, находящихся ныне в море, была завлечена сюда (в Геленджик – А.Г.) бурей или противными ветрами и не дошла бы до крайности от недостатка воды».

Осмотрев в мае 1833 г. Геленджикский укрепленный лагерь, генерал-лейтенант Малиновский констатировал: «Вода хороша как в укреплении, так и в ближайших колодцах [и] для гарнизона достаточно, но мало для наливки морских судов»³²¹. Видимо с учетом этого, число водных резервуаров к 1841 г., как явствует из плана инженер-подполковника Постельса, было увеличено до трех, что в совокупности с колодцами оказалось вполне достаточным для удовлетворения нужд в пресной воде и гарнизона укрепления, и экипажей заходивших в Геленджик судов.

В тех же случаях, когда от проливных дождей или во время летней засухи вода становилась мутной или даже грязной, предписывалось согласно приказу

³¹⁹ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 97. Все же, скорее, это был не просто тент, а шатер

³²⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 74об-75

³²¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 103

Главногокомандующего Отдельным Кавказским корпусом от 5 мая 1845 г. № 23 «в отвращение дурных последствий от употребления нижними чинами дурного качества воды» непременно очищать ее посредством мешков, наполненных песком и угольями³²².

В отличие от водных ресурсов, имевшихся в достатке непосредственно на месте, строительные материалы и провизию необходимо было доставлять из расположенных в Приазовье и Крыму казенных магазинов морскими судами, поскольку со стороны суши все пути подвоза были заблокированы горами. Но наладить сразу надежные логистические связи между ними и Геленджиком оказалось непросто. Причинами тому был не противник, ведь до Крымской (Восточной) войны на Черном море полностью доминировал российский военно-морской флот, а традиционная межведомственная разобщенность³²³ и неблагоприятные условия черноморской навигации в осенне-зимний период.

По замыслу командования, доставку в Геленджик леса, сосновых досок, гвоздей и кирпича для возведения капитальных строений (дома начальника отряда, 8 штаб-офицерских домиков, 16 солдатских казарм и лазарета) предполагалось осуществить морским путем до конца летней навигации 1831 г.³²⁴ Но, как оказалось, на военные транспорты строевой лес не помещается, вольнонаемных судов для доставки строительных материалов в Анапе не имеется, а камыш, которым следовало покрыть крыши будущих строений, в Геленджике и его окрестностях в необходимом количестве не произрастает³²⁵. Вследствие этого, как пишет Ф. Дюбуа де Монпере, «войскам пришлось самим строить зимние жилища. Без быков и лошадей пришлось людям на своей спине таскать из окрестных лесов бревна ...»³²⁶.

7 ноября 1831 г. командующий войсками на Кавказской линии, Черномории и Астрахани генерал-лейтенант Вельяминов предупредил генерал-майора Берхмана: «Войска должны зимовать в укрепленном лагере, в коем имеются балаганы. Дрова, необходимые для печения хлеба, варения пищи и обогрева людей, можно иметь из произрастающих в изобилии в окрестности Геленджикской крепости лесов»³²⁷. Под «балаганами», в которых должен был зимовать Геленджикский отряд, в первой половине XIX в. понимались лагерные постройки – бараки и землянки – строящиеся, если позиция занималась на

³²² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 744. Л. 53

³²³ См., например, Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 18-19

³²⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 68

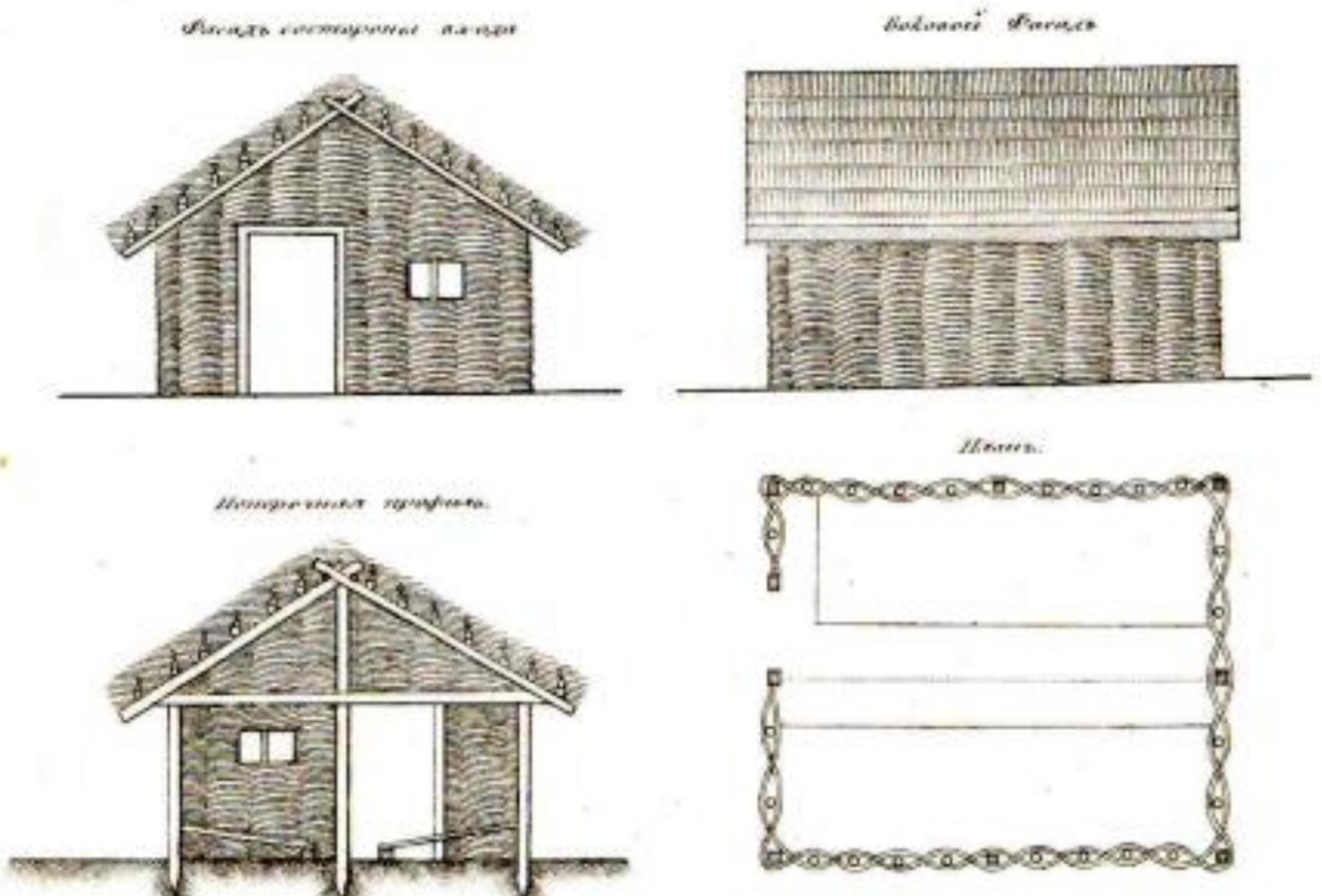
³²⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 52-52об

³²⁶ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95

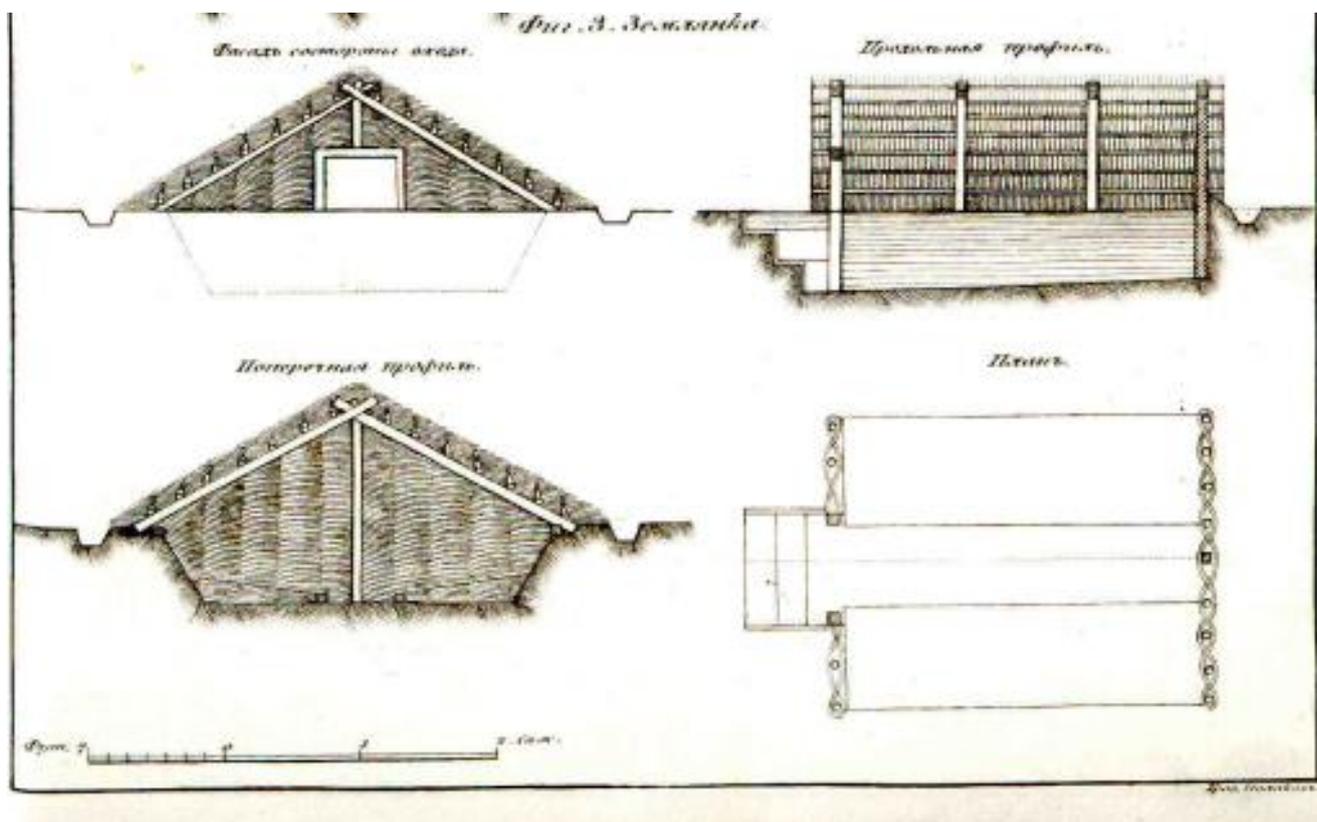
³²⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 27

довольно долгое время. Их типовые описания и чертежи помещены инженер-полковником А. Теляковским в 1-й части составленного им учебного руководства по полевой фортификации³²⁸: «Бараки строятся из досок или плетня, с соломенною, досчатою или камышевою крышею; в стенах проделываются окна и двери. Ширина барака не превосходит 2¹/₂ сажень; длина же зависит от числа людей, какое желают поместить в барак»; «землянки вырываются в полроста человека, накрываются соломенною, камышевою или из хвороста крышею, которая засыпается землею; две противулежащая треугольные стенки делаются под крышу из плетня, в одной из них проделывается дверь, к которой ведет с горизонта земли спуск или ступени».

Фиг. 2. Барак.

³²⁸ Теляковский А. Фортификация. Ч.1. Полевая фортификация. СПб, 1848. С. 129, чертеж 41

Ф. Дюбуа де Монпере описывает строительство этих сооружений в Геленджике следующим образом: «Каждый устраивался как мог, на земле и под землей. Стены, возведенные из плетня, были обмазаны глиной; земляные крыши были устланы сверху густыми ветвями, а выкопанные в земле подвалы должны были служить первыми убежищами от суровостей природы. Печи сделали на скорую руку и как смогли. Солдаты замешивали и обжигали кирпичи; солдаты выкладывали печи; солдаты рубили бревна в лесу. Таскали и устанавливали их; они были архитекторами, каменщиками, плотниками, слесарями; из нескольких кусков стекла, взятого на корабле, они сделали себе окна ...»³²⁹.

Уже к 24 ноября 1831 г., согласно рапорту генерал-майора Берхмана, «работы в Геленджике, относящие к укреплению лагеря, равно штаб-, обер-офицерские и солдатские казармы и прочие жилища»³³⁰ были завершены. Понятно, что все они были сделаны на скорую руку, поэтому неудивительно, что, по словам А.Ф. Щербины, в начале своего существования Геленджик представлял по внешнему виду довольно невзрачное поселение, где солдаты жили в землянках, а жилища офицеров были немногим лучше³³¹. Условия размещения в

³²⁹ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 97

³³⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 108

³³¹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 20

таких постройках, «душных в жар, грязных в дождь, сырых и темных во всякое время»³³² были, безусловно, далеки от нормальных.

Сохраняющаяся в течение почти всего XIX в. неизменность технологии возведения подобных строений позволяет на примере периода Крымской (Восточной) войны, близкого к рассматриваемому, представить их внутреннее устройство: «Землянка капитана Б. была вырыта в землю и огорожена плетнем до половины ее высоты (в рост человека) и состояла из двух отделений: одно при входе, теплый «присенок», в то же время кухня и спальня для денщика капитанского; за ней – другое, около сажени в ширину и сажени полторы в длину – комната самого капитана. Верхняя половина стен состояла из трех-четырех венцов букового леса ... порядочно обтесанного с внутренней стороны ... с прокладкою даже мелким горным сеном за неимением мха. Потолок был сложен из того же бука, смазан глиною и покрыт землею на два ската. Маленькое окошко в одно стекло ... достаточно освещало эту комнатку, а нагревалось она тою же самою печкою из глины и булыжника, в которой готовилось кушанье»³³³. Сооружения для нижних чинов были аналогичными по конструкции, но, конечно, гораздо проще: «Солдатские землянки были построены в ряд, каждая на пятнадцать или двадцать человек; углублены они в землю были несколько более капитанской, поверх земли в них не было бревенчатого сруба, и вместо потолка они просто-напросто покрыты двускатными крышами из колосьев и хвороста, смазанными сверху глиной и засыпанными землей. Дверь из плетня на хворостяных петлях заменяла в то же время и окно для всей землянки. Вдоль обеих продольных стен устроены были нары из мелкого дровяного леса, а в противоположном от двери конце землянки врезана в откос земли скорodelьная маленькая печь из глины и камней, которая, разумеется, скорее могла служить бы камином, нежели в самом деле печью»³³⁴.

Единственным исключением из такого рода временных построек стал возведенный на каменном фундаменте дом для коменданта укрепления полковника Чайковского, о котором он стал хлопотать сразу же по назначению на эту должность в июне 1832 г., мотивируя свою просьбу наличием тяжелого ранения, а также обремененностью семьей³³⁵ (вместе с ним в Геленджик приехали

³³² Бестужев-Марлинский А.А. - Полевым К.А. и Н.А. 13 апреля 1836 г. (<http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters.htm>)

³³³ Леновской П. Очерк из быта войск в военное время // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Автор-составитель С.В. Карпушенко. М.: Воениздат, 1999. С. 204

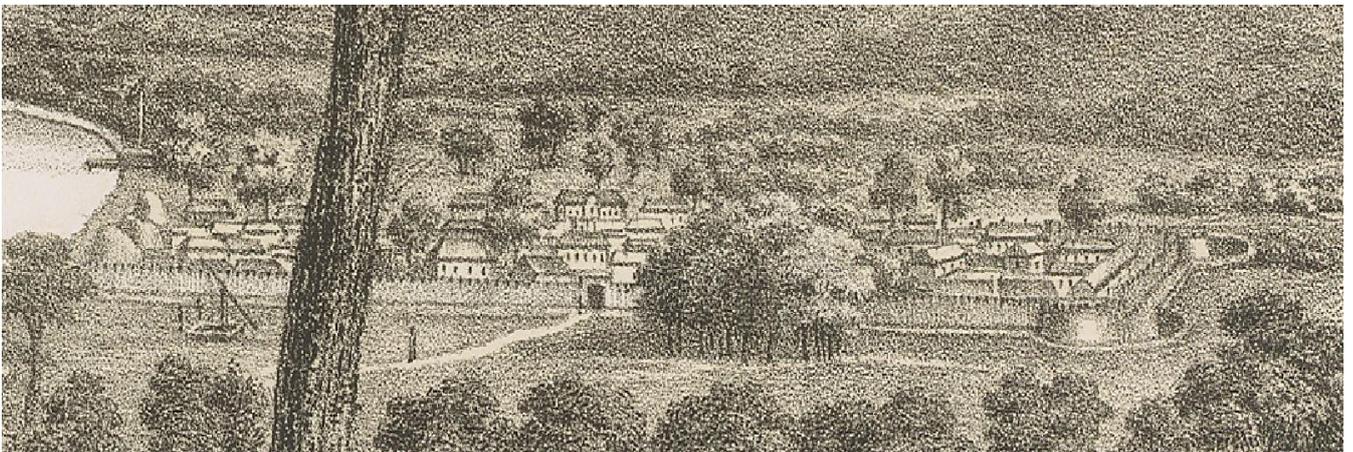
³³⁴ Леновской П. Очерк из быта войск в военное время // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Автор-составитель С.В. Карпушенко. М.: Воениздат, 1999. С. 204

³³⁵ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 17

его жена и сестра³³⁶). Любопытно, что инженер-подполковник Кох, находившийся не в лучших отношениях с комендантом, но вынужденный по его приказанию возвести это строение, получил от генерал-лейтенанта Малиновского выговор за то, что «осмелился без разрешения приступить к постройке комендантского дома, тогда как план Геленджикской крепости не утвержден еще, издерживая для того значительную сумму и казенные материалы»³³⁷.

Не обошлось, как обычно, и без прямых злоупотреблений. Изрядная часть партии кирпичей, закупленных для устройства печек в бараках и землянках, так и не дошла до Геленджика и их судьба осталась, несмотря на произведенный розыск, неизвестной.

Впрочем, по мнению начальства, дела с обеспечением личного состава жильем обстояли вовсе даже неплохо. Согласно докладу генерал-лейтенанта Малиновского по результатам личного посещения Геленджика в ноябре 1832 г., он нашел казармы, в которых размещается гарнизон, и полковые лазареты «исправными, надежными для житья и выгодными для здоровья солдат»³³⁸. Помимо этих сооружений, на экспликациях к плану Геленджикского укрепления, составленному в апреле 1833 г.³³⁹, обозначен также целый ряд других возведенных к этому времени служебных построек – канцелярий, цейхгаузов, мастерских, кузнец, маркитанских складов, кухонь, пекарней, конюшен и сараев. Бывший примерно тогда же в Геленджике Ф. Дюбуа де Монпере запечатлел его вид на одном из своих рисунков, помещенных в атласе, приложенном к сочинению о путешествии на Кавказ.

³³⁶ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 170

³³⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 344

³³⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 343

³³⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 102 (представлен в 1-й главе)

По всей видимости, эти постройки были сооружены хозяйственным способом, т.е. собственными силами Геленджикского отряда за счет сэкономленных ассигнований и материалов, выделенных на строительство оборонительных верков, ибо для возведения более-менее капитальных сооружений требовалось разрешение «высшего начальства», получить которое было довольно проблематично. Наглядным примером тому, какие препоны приходилось преодолевать чтобы реализовать тот или иной строительный проект служит печальная судьба идеи Морского ведомства соорудить в Геленджике домик для жительства содержателя, магазин для хранения припасов и материалов, магазин для хранения провизии и «маленькую мастерскую».

Получив от Главного командира Черноморского флота и портов адмирала Грейга в мае 1832 г. задание на строительство этих необходимых «для удовлетворения надобности крейсирующих у Абхазских берегов судов» сооружений, Черноморская исполнительная экспедиция поручила архитектору англичанину Акройду составить соответствующие планы. И хотя он выполнил свою работу довольно быстро, но отправлены они были к начальнику Главного морского штаба генерал-адъютанту князю Меншикову лишь через год, в августе 1833 г.

Не дождавшись в течение двух лет из Петербурга ни положительного, ни отрицательного ответов, в сентябре 1835 г. обер-интендант Черноморского флота и портов генерал-майор Васильев обратился к недавно назначенному на должность Главного командира Черноморского флота и портов адмиралу Лазареву с просьбой «о возобновлении ходатайства на испрошение разрешения о возведении в Геленджике упомянутых строений», на что последний приказал «сделать соображение по Интендантству: нельзя ли выстроить ежели не все сие предполагаемые строения, то хотя бы часть оных из общих сумм, ибо ассигнование особой на то суммы ожидать нельзя, да и представить я не нахожу возможным по случае беспрестанных повторений о невыхождении из нормальной сметы уже ассигнованной»³⁴⁰.

В результате проведенных во исполнение этого указания разбирательств выяснилось, что дополнительных ассигнований не требуется, поскольку при составлении финансовой росписи на 1836 г. на строительство в Геленджике было предусмотрено «примерно 10 тыс. рублей». С учетом этого у архитектора Акройда был запрошен еще один экземпляр планов и поручено Главной строевой комиссии Черноморского флота «скорейше составить сметные исчисления..., без которых одне планы не могут быть представлены на утверждение высшему

³⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 39-39 об

начальству, притом еще неизвестно будет ли достаточно ассигнованной суммы»³⁴¹.

«Скорейше» составить сметы, вследствие нерасторопности исполнителей из Строительного отделения Главного управления Черноморского флота и портов по интендантству и допущенных ими первоначально недостатков, удалось, однако, лишь весной 1837 г. При этом общая стоимость предполагаемого строительства в Геленджике оказалась равной «по вольным ценам 30288 руб. 78¹/₄ коп., по казенным 12307 руб. 5¹/₂ коп.»³⁴², что заметно превосходило зарезервированные интендантством на эти цели ассигнования в сумме 10,0 тыс. рублей. Поэтому в целях возможного сокращения казенных расходов было признано необходимым установить: «не представится ли возможности приобрести покупкою ежели не все, то хотя некоторые из положенных по смете материалов на месте в Геленджике и по каким ценам, и какие за тем должно доставить туда из здешних портов и произвести самую постройку тех зданий частию нижними чинами, на судах состоящих, и частию вольнонаемных, буде таковых там отыскать можно и по каким, хотя примерно, ценам в месяц или за человека»³⁴³.

Наконец, 28 мая 1837 г. вся необходимая документация, включающая выписку из журнала общего присутствия Интендантства, планы и сметы, была представлена Главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Лазареву, но пролежав без движения до марта 1842 г., была списана в архив по его собственноручной резолюции: «После Высочайшего разрешения о сооружении Адмиралтейства в Ново-российске настоящее дело не требует никакого дальнейшего разрешения»³⁴⁴...

Будет излишним говорить, что аналогичные бюрократические проволочки имели место и в Военном министерстве. Из косвенных данных можно сделать вывод, что некие проекты зданий, предполагаемых к постройке в Геленджикском укреплении для нужд гарнизона, также были разработаны в 1835-1837 гг., но к их строительству так и не было приступлено.

Случившийся в сентябре 1837 г., в день прибытия в Геленджик императора, грандиозный пожар по счастливому стечению обстоятельств практически не причинил ущерба возведенным там жилым и хозяйственным постройкам, которые, впрочем, и без того к этому моменту пришли практически в полный упадок. «Все вообще помещения для жительства офицеров и нижних чинов по большей части построены из плетня и сырцового кирпича в столь ветхом виде,

³⁴¹ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 39об-40

³⁴² РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 67об

³⁴³ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 67об-68

³⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 74

что гарнизон в скором времени вовсе не будет иметь помещения», - констатировал в части Геленджикского укрепления командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин в обзоре укреплений Черноморской береговой линии³⁴⁵. Ту же картину рисует в своей Записке о Геленджикской бухте и укрепленной линии» генерал-майор Раевский: «Внутри нет ни одного порядочного строения. Нет ни офицерских казарм, ни порохового погреба, ни конюшен для артиллерийских лошадей, ни сараев для складки разных припасов. Какие есть строения разбросаны без всякого порядка, между ними пространство завалено разными припасами. Везде теснота и грязь: нет возможности содержать это укрепление в порядке, который соблюдается в других по восточному берегу моря»³⁴⁶.

К тому же помещений традиционно не хватало, в связи с чем в феврале 1839 г. временно исполняющий должность коменданта Геленджикского укрепления полковник Пасхальский рапортовал о необходимости дополнительно «выстроить на одну роту казарму или где помещается ныне лазарет поместить роту, а отдельно построить лазарет, кухню и лабораторию. Вообще для всех рот (план. – 2 роты) цейхгаузы и кухни, также пороховые погреба, сараи для провизии, жилья для гг. офицеров, гауптвахту, три кордегардии и комендантскую канцелярию»³⁴⁷.

С учетом имеющейся потребности в размещении частей гарнизона и вспомогательных служб летом-осенью 1840 г. одновременно с перестройкой оборонительных верков в Геленджикском укреплении были возведено также несколько новых жилых зданий и хозяйственных построек. На плане Геленджика, составленном инженер-подполковником Постельсом в феврале 1841 г.³⁴⁸, отмечено уже довольно большое число различных сооружений, а именно:

- церковь из досок под деревянной крышей;
- дом коменданта из полубрусьев под деревянной крышей;
- дома офицеров, частично турлучные, частично из сырцового кирпича;
- офицерский флигель из полубрусьев под железной крышей, офицерский флигель из полубрусьев под деревянной крышей;
- канцелярия из сырцового кирпича под деревянной крышей;
- казармы на 75, 100, 150 и 200 человек из сырцового кирпича под деревянной крышей; казарма на 100 человек из сырцового кирпича под земляной крышей; казарма на 100 человек, занятая лазаретом, из полубрусьев под железной

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 239. Л. 106

³⁴⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 12

³⁴⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 69. Л. 8об

³⁴⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 650

крышей; строящаяся казарма на 100 человек из полубрусьев под железной крышей;

жилища женатых нижних чинов, частично турлучные, частично из сырцового кирпича;

комиссариатский дом из сырцового кирпича под земляной крышей;

пороховой погреб из полубрусьев под железной крышей;

сарай для провизии из полубрусьев под деревянной крышей;

сарай для морского ведомства из полубрусьев под деревянной крышей;

кухня из полубрусьев под деревянной крышей;

баня из сырцового кирпича под земляной крышей;

дома «вольных промышленников, некоторые из досок, а другие из полубрусьев под деревянными крышами».

Большинство казенных зданий были, вероятно, построены по планам, утвержденным в свое время командиром Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютантом бароном Розеном, и в целом не представляли «никаких важных неудобств»³⁴⁹.

К сожалению, чертежей или схем перечисленных построек выявить не удалось, но можно предположить, что казарменные помещения соответствовали требованиям, установленным статьями 342 - 371 книги 1 части III и статьями 574 - 606 книги 4 части IV Свода военных постановлений, а также утвержденной императором в ноябре 1850 г. Инструкции комендантам крепостей по надзору за содержанием крепостей, в них воинских зданий и по отоплению зданий особыми комиссиями³⁵⁰. Хотя последняя формально не распространялась на укрепления, но можно с высокой степенью вероятности предположить, что на изложенные в ней правила так или иначе должны были ориентироваться и в них.

Полковник Астафьев в отчете о посещении Геленджика так характеризовал условия расквартирования гарнизона: «Люди весьма просторно размещены в казармах следующим образом: 3-я и 4-я линейные (*роты Черноморского линейного батальона № 5-го – А.Г.*) и артиллеристы - в казармах, устроенных хозяйственными способами из сырцового кирпича, 2-я линейная - в деревянных, из полубрусьев. Все казармы отлично сухи, кроме артиллерийской, в которой заметна небольшая влажность, - оттого, что еще не настлан пол. Но деревянная казарма, занятая 2-ю линейной ротой, гораздо лучше по вольному воздуху; если придется в исполнение Высочайшая воля об оштукатурке снаружи и внутри казарм, тогда ветер не будет проникать в построенные из полубрусьев, и лучших казарм невозможно будет и желать. Здание, где хранятся продовольственные

³⁴⁹ Архив Раевских. Т. III. С. 617

³⁵⁰ ПСЗРИ. Т. XXV. № 24655

припасы, - деревянное и в хорошем состоянии Здание, в котором хранятся боевые снаряды, построено хозяйственным способом из плетня, обложенного как внутри, так и снаружи глиною, покрыто землею, но от сильных ветров приходит в разрушение»³⁵¹.

В общем, несмотря на весьма ветхое состояние некоторых турлучных сооружений (гауптвахты, цейхгаузов и сараев для разных припасов, кухни, артиллерийских конюшен, погреба для запасов, караульни, мастерской, погреба для артиллерийских снарядов), даже критически ко всему и всем настроенный Г.И. Филипсон должен был признать, что «Геленджик принимал тоже приличный вид, хотя много еще оставалось в нем грязных лачужек прежнего времени»³⁵². Удобность и прочность сооружений в Геленджике было отмечено и М.Ф. Федоровым, хотя и с оговоркой, что внутреннее пространство крепости слишком стеснено строениями, как и во всех укреплениях береговой линии³⁵³.

Примечательно, что для ускорения и облегчения строительных работ как в Геленджике, так и в других укреплениях Черноморской береговой линии, сооружения из соснового полубруса возводились по той же самой технологии, которая применялась еще в XVI в., а именно, все они закупались в Ростове, Таганроге или Херсоне, затем разбирались и в разобранном виде перевозились на судах в Геленджик и другие форты, где и собирались вновь. «Это стоило дорого, но зато сохраняло здоровье войск и избавляло от смерти многие сотни, если не тысячи, нижних чинов»³⁵⁴.

Прибытие летом 1841 г. на постоянное место дислокации в Геленджик Черноморского линейного батальона № 14 (затем, 15-го) потребовало увеличения имевшегося в нем казарменного фонда, вмещавшего до этого немногим более 800 нижних чинов³⁵⁵. Возможно, в целях экономии дополнительные казарменные помещения строились из расчета проживания 2/3 общей штатной численности гарнизона укрепления, поскольку согласно § 2 ст. 45 и § 1 ст. 59 Устава воинского 1716 г. из трех солдат «постель» полагалась только двоим, «понеже из оных трех, всегда один на третьей день дома не бывает для караулов и полковой работы»³⁵⁶.

Увеличение численности гарнизона, теперь состоящего из почти двух полных линейных батальонов и вспомогательных частей, обусловило также потребность в замене существующей в Геленджике церкви на более

³⁵¹ Архив Раевских. Т. IV. С. 99-100

³⁵² Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1884. Вып. 1-2. С. 204

³⁵³ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III. С. 201

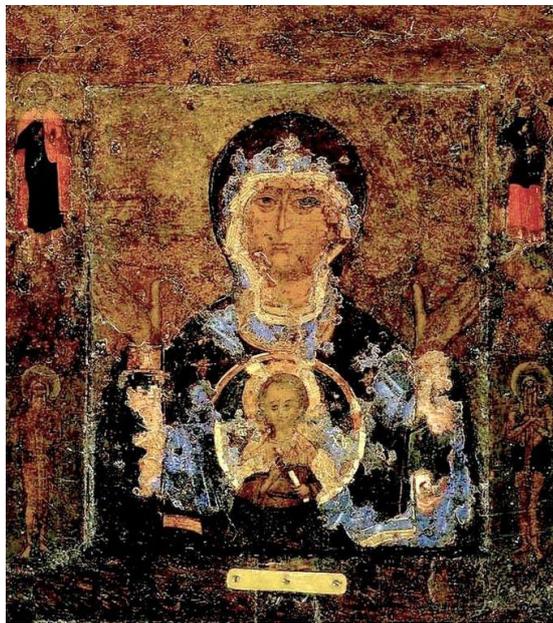
³⁵⁴ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 282

³⁵⁵ Еще некоторое количество женатых нижних чинов проживало в отдельных домиках со своими семьями.

³⁵⁶ <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm>

вместительное место для духовного окормления личного состава. В 1842 г. начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант Анреп направил представление о возведении в укреплениях Геленджикском, Навагинском и Св. Духа церковных зданий, в ответе на которое командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Нейдгардту было дозволено устроить в 1843 г. церковь в одном только из этих трех пунктов, с отпуском на этот предмет 4695 руб. серебром.

Видимо, исходя из численности гарнизона, выбор пал все-таки на Геленджик, где из «штучного керченского камня» была возведена кругообразная церковь диаметром шесть сажень. Престольной иконой церкви стал «образ Знамени Пресвятыя Богородицы новгородския, в створчатом кивоте на нем риза серебряная позлощенная; на богоматери и спасителе венцы, на коих впраплено в серебро в виде аматистов 12^{тб} фрустальных камушков; на челе и персях богоматери три звездочки белого сраза; на створках по сторонам изображено двенадцатые праздники, на коих также риза серебряная позлощенная»³⁵⁷. По этому описанию трудно представить как в действительности выглядела икона, но, очевидно, это был список с самого древнего на Руси образа Божией Матери, созданного во второй четверти - середине XII в. в Новгороде и широко известного неоднократно явленными чудесами.

<https://fotoload.ru/foto/1450103/>

Помимо этой иконы, на писанном на парусине походном иконостасе, оставшимся от расформированного Нашебургского пехотного полка, размещались еще 14 образов Спасителя, Богоматери и ряда святых.

³⁵⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 16. Л. 16

Во второй половине 40-х гг. XIX в. строительство новых или реконструкция ранее возведенных зданий продолжалось. Так, в октябре 1847 г. начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Будберг докладывал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом: «В Геленджике после перевода больных в новое каменное здание, построенное для лазарета, прежние деревянные лазареты перестраиваются: один для помещения офицеров, другой на одну роту для нижних чинов. Работы эти приходят уже к окончанию. Для помещения азовских казаков строится турлучная казарма, которая подведена уже под крышу. Турлучная конюшня для артиллерийских лошадей кроется камышевою крышей»³⁵⁸.

В 1849-1850 гг. взамен «ветхой из сырцового кирпича казармы, возведенной в 1835 г., получившей столь сильные повреждения от свирепствовавших в Геленджике бурь, что должна быть назначена к слому», была построена турлучная казарма со службами для размещения военно-рабочей № 19 роты. Видимо, это сооружение, обошедшееся казне в 3619 рублей серебром³⁵⁹, стало последним жилым капитальным строением, возведенным в укреплении.

Таким образом, Геленджик, несмотря даже на случаи разрушения особо ветхих сооружений, об одном из которых, произошедших в декабре 1849 г., упоминает А.Ф. Щербина³⁶⁰, постепенно принимал вполне пристойный вид. Один из посетивших его в апреле 1852 г. офицеров в частном письме, не предназначенном для публикации, что предполагает беспристрастность содержащейся в нем информации, так описал увиденное: «Выйдя из ущелья, перед нами открылась Геленджикская бухта и самая крепость; вид на нее очаровательный. Все валы и каждое строение крепости обсажено пирамидальными тополями, которые вместе с другою зеленью и белизной крепостных каменных зданий делают удивительный эффект»³⁶¹.

Широко распространившаяся к середине 1840-х гг. практика выписывания из внутренних губерний для совместного проживания с мужьями, проходящими службу в Отдельном Кавказском корпусе, жен и детей вызвала настоятельную необходимость выселения ставших многочисленными в Геленджике семейных нижних чинов³⁶² в отдельную слободку. На увеличенном фрагменте плана 1850 г.

³⁵⁸ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 3022. Л. 35об

³⁵⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 748. Л. 9, 49

³⁶⁰ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 94

³⁶¹ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 4

³⁶² Так, в Геленджике в 1842 г. число семейных достигло более 175 (для сравнения: в Анапе – 300, в Новороссийске – 200). ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 271. Л. 5

площадка под планируемую застройку выделена желтым цветом и отмечена литерами «А».

Устроить ее предполагалось в форштадте, на месте одного из первых разбитых рядом с укреплением огородов с внешней стороны его южного фаса под прикрытием блокгауза и устроенной до берега моря засеки. Вопрос о том, удалось ли реализовать этот проект в действительности до ликвидации Геленджикского укрепления требует дополнительного изучения по фонду Канцелярии начальника Черноморской береговой линии.

Существовавшие в первое время трудности с подвозом грузов в Геленджик, естественно, негативно сказывались и на провиантском снабжении высадившихся там войск.

К 30-м годам XIX в. в основе армейской системы продовольственного довольствия нижних чинов³⁶³ лежало получение ими так называемых дач в натуре, состоящих из муки (как правило, ржаной) и круп, или одной муки³⁶⁴. Для регулярных войск «обыкновенная полная дача провианта» на одного человека составляла:

³⁶³ Подробнее об организации питания нижних чинов см.: Отделение четвертое Приложения V к кн. 1 части III Свода военных постановлений, а также: Клугин С. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Автор-составитель С.В. Карпущенко. М.: Воениздат, 1999. С. 175-201

³⁶⁴ Свод военных постановлений. Ч. IV. Кн. III. Раздел второй. О довольствии войск предметами Провиантского ведомства

	Въ день.	Въ мѣсяць.	Въ годъ.
Муки мѣрою.	$\frac{16}{30}$ гарн.	2 четвер.	3 четвер.
Вѣсомъ съ кулемъ.	$2\frac{1}{2}$ фунт.	1 п. 35 ф.	22 п. 20 ф.
безъ куля.	2 ф. 40 з.	1— $32\frac{1}{2}$ —	21—30—
Печенымъ хлѣбомъ.	3 фунт.	2—10—	
Сухаря.и, когда отпускаются суточными дачами, съ 31 числомъ.	$1\frac{5}{8}$ фунт.	1— $14\frac{1}{2}$ —	
а когда мѣсячными.	1 ф. 80 з.	1—15—	
Крупъ мѣрою.	$\frac{1\frac{1}{2}}{30}$ гарн.	$1\frac{1}{2}$ гарн.	2 четв. 2 г.
вѣсомъ безъ куля.	$\frac{1}{8}$ фунт.	$7\frac{1}{2}$ фунт.	2 п. 10 ф.

Сверх этого некоторые войска в определенное время и в определенной сумме могли получать денежные средства на мясную и винную порции, и «на другие особые предметы продовольствия». Каждая мясная порция состояла из $\frac{1}{2}$ фунта говядины, которая при отсутствии свежего мяса заменялась $\frac{1}{2}$ фунта солонины или $\frac{1}{4}$ фунта ветчины, а «во время постов $\frac{1}{2}$ фунта рыбы в тех случаях, когда войска и во время постов оную получают»; винная же порция состояла из одной чарки вина из расчета 80 чарок на ведро.

Из рапорта генерал-майора Берхмана явствует, что он разрешил выдачу мясной и винной порции нижним чинам Нашебургского и Козловского пехотных полков и приданной им артиллерийской роты с момента их переправы через Бугазский лиман (пролив) при движении в район Тамани к месту посадки на выделенные для экспедиции суда³⁶⁵. При этом значительную часть имевшихся в полках собственных съестных припасов, в том числе солонину в бочках и водку, из-за недостатка транспортов пришлось оставить в местах постоянной дислокации в Черномории. По этой причине рацион питания войск после высадки в Геленджикской бухте оказался ограничен капустой (квашеной и головками), бураками, свиным салом, солью, перцем, луком, чесноком, солониной, горохом, постным маслом и незначительным количеством масла коровьего³⁶⁶. Правда, в дополнение к этому генерал-майор Берхман, «удостоверясь лично в бытность в Геленджике, что при вырубке леса и укреплении там лагеря для нижних чинов, выходящих на работы, трех фунтов хлеба на сутки было совершенно

³⁶⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 47об

³⁶⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 84. Л. 717-717об

недостаточно ... принял смелость разрешить полкам 2^й бригады ... людям, выходящим в Геленджике на работы, давать в день по четыре фунта хлеба ...»³⁶⁷.

В течение четырех месяцев до конца навигации 1831 г. в Геленджик удалось переправить двумя транспортами 5914 четвертей провианта³⁶⁸. Однако, препровождая генерал-лейтенанту Вельяминову «Ведомость о числе продуктов, состоящих ныне в полках и артиллерии Геленджикского отряда для продовольствия воинских чинов» по состоянию на конец декабря 1831 г., генерал-майор Берхман отмечал, что «в случае если отряд пробудет в Геленджике долгое время, то оных будет недостаточно, а потому покорнейше прошу Ваше Превосходительство почтить меня Вашим предписанием, будет ли означенный отряд оставаться в Геленджике на лето, или последует оному какое другое назначение; ежели оный должен будет оставаться, то я нахожу нужным заблаговременно сделать распоряжение о приготовлении солонины, прочих съестных припасов, ибо при наступлении летнего времени нельзя уже будет заготавливать по причине, что она от жаров может портиться, в противоположном же случае если ныне сделать заготовление съестных припасов и наконец последует этому отряду перемещение, то запас сей должен остаться излишним, коего забрать с собою будет невозможно»³⁶⁹.

Непонятно, какие основания были у генерал-майора Берхмана предполагать эвакуацию войск из Геленджикской бухты, ведь в предписании генерала от кавалерии Емануеля ясно указывалась задача прочного занятия Геленджикской бухты и возведения там крепости. Ее снабжение всеми необходимыми запасами должно было осуществляться из Ростова и Таганрога по распоряжениям Симферопольского комиссионерства на вольнонаемных судах. Но из-за отсутствия, как уже отмечалось, в Анапе готовых к найму судов организовать регулярные поставки грузов тотчас не удалось. Вследствие этого командующий Геленджикским отрядом полковник Боровский в апреле 1832 г. доносил, что провианта осталось лишь до 10 мая. Чтобы как-то исправить ситуацию по распоряжению генерал-майора Берхмана из Анапского магазина в Геленджик была доставлена 1 тыс. четвертей провианта, но этого хватило лишь до 15 июля, после чего затем пришлось отправить дополнительно из Анапы еще 500 четвертей муки. Исходя из этого негативного опыта, генерал-майор Берхман просил генерал-лейтенанта Вельяминова «для перевозки в Геленджик провианта ... назначить военные транспортные суда Черноморского флота, так чтобы до равноденствия, то есть 10-го сентября, можно было обеспечить Геленджик

³⁶⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 56-56об

³⁶⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 164об

³⁶⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 84. Л. 716-716об

провиантом до будущей навигации, в противном случае войска геленджикского отряда могут испытать гибельную крайность, тем более что в Анапском магазине осталось провианта только для местного продовольствия, следовательно подкрепить из оногo недостаток в Геленджике будет невозможно»³⁷⁰. Дабы обеспечить доставку в Геленджик заготовленных в Анапе на 1832 г. 13 тыс. четвертей муки и круп, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант барон Розен 8 апреля 1832 г. обратился непосредственно к Главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Грейгу с просьбой оставить для обслуживания Геленджикского отряда не менее двух транспортов и выделения, в особых случаях по заявке его командующего, дополнительного числа судов³⁷¹.

В общем, в первое время существования Геленджикского укрепления его защитники зачастую были вынуждены жить впроголодь. Как вспоминал Г.И. Филипсон: «Без сухопутного сообщения гарнизон нередко нуждался в самом необходимом. ... Первым комендантом был полковник Чайковский, от которого я слышал много рассказов об этой тяжелой поре: на первый день Пасхи офицеры всего гарнизона собирались к нему разговляться, и при этом закуска состояла из рюмки водки и нескольких селедок, составлявших неслыханную роскошь»³⁷².

Решить острую проблему снабжения Геленджикского отряда удалось в рамках заключенного 1 августа 1832 г. между армейским и флотским командованием базового соглашения, которое было призвано в целом упорядочить взаимодействие между сухопутными и морскими силами на Черноморском побережье Кавказа. Оно, в частности, гласило:

«На основании его Императорского Величества воли Главный командир Черноморского флота и портов (*адмирал Грейг – А.Г.*) обще с прибывшим по повелению генерал-адъютанта барона Розена Управляющим Имеретиею генерал-майором Вакульским имели разсуждения о мере тех отношений, в которых отряжаемые Черноморским флотом к берегам Абхазским крейсера и транспортные суда могли с ожидаемою пользою содействовать сухопутному начальству, и, приняв в соображение местные обстоятельства, заключили:

1^е) Для крейсерства у Абхазских берегов иметь два отряда военных судов, из которых один бы занимал дистанцию от Анапы до Гагры и другой от Гагры до Редут-кале.

2^е) Каждый из отрядов сих должен состоять в зависимости одного ближайшего старшего местного в том краю сухопутного начальника и исполнять,

³⁷⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 21-21об, 24

³⁷¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 164-165

³⁷² Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. Вып. 5-6. С. 252

по возможности, все предписания его, какия имеют быть посылаемы крейсерам через отрядного их командира и какие не влекут за собою нарушение инструкции им по Высочайшему повелению о крейсерстве данной, затем всем прочим местным и частным сухопутным начальникам воспретить располагать самим собою судами, кроме как чрезвычайных и экстренных случаев, да и тогда чтобы начальники те не иначе могли послать куда-либо судно, как если офицер, командующий оным, может сделать без отступления от данной ему инструкции или предписания его отрядного командира.

3^е) В составе каждого помянутого из отрядов признается необходимым определить по крайней мере по одному транспорту для употребления по усмотрению вышеозначенных гг. старших местных начальников.

4^е) Что касается до заведения у берегов Абхазии плоскодонной флотилии для крейсерства и преследования малых лодок до берега, то как сии последние являются всегда почти у таких мест, поблизости коих нельзя иметь нашим плоскодонным лодкам никакого пристанища, и как лодки сии, по мнению морского начальства, не в состоянии держаться в открытом море, а при сильных с оною ветрах могут быть брошены на берег и вместе с экипажем сделаться жертвою хищного народа, то по сему и признаются для изъясненного употребления неудобными.

И 5^е) По объявлению г. Правителя Имеретии, Абхазский край, кроме произрастающих в оном лесов, не имеет никаких средств к построению сказанной флотилии»³⁷³.

27 августа 1832 г. командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Розен проинформировал генерал-лейтенанта Вельяминова об этом соглашении и просил «во всем, касающемся до означенных судов, приказать руководствоваться оным (*актом* – А.Г.) на восточном берегу Черного моря состоящим в заведывании войскам»³⁷⁴. В соответствии с ним для перевозки продовольственных запасов, необходимых для Геленджикского отряда, разрешалось использовать один транспорт, о чем генерал-майор Берхман был извещен 24 сентября 1832 г.³⁷⁵

В свою очередь, трудности природного характера со временем были преодолены путем увеличения числа используемых для поддержки связи и снабжения укреплений Черноморской береговой линии военных транспортов, привлечения к перевозкам грузов вольнонаемных судов, а также использования пароходов, в гораздо меньшей степени чем парусные корабли зависящих от

³⁷³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 29-30

³⁷⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 27

³⁷⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 32

погодных условий, что позволяло заметно увеличить длительность навигации. Сначала, как пишет Г.И. Филипсон: «У нас (на Черноморской береговой линии – А.Г.) был один пароход; в 1839 же году куплено еще в Англии три парохода и пять военных транспортов»³⁷⁶. В 1843 г. за счет экономии казенных средств, выделяемых на провиантское снабжение кавказских войск, в Англии предполагалось закупить еще 4 транспортных судна. В именном указе от 21 октября 1842 г., объявленном командиру Отдельного Кавказского корпуса Военным министром, в связи с этим отмечалось: «Усилив таким образом перевозочные способы Черноморской береговой линии, Его Величество остается в полной уверенности, что мера сия не только послужит к полному и своевременному обеспечению береговых укреплений живым порционным скотом, но значительно облегчит доставку строительных материалов и тем сократит издержки по возведению необходимых сооружений на этой линии и фрагованию вольных судов, которое на будущее время вовсе отменить»³⁷⁷. Постепенно этого удалось достичь – в начале 50-х годов XIX в. Черноморскую береговую линию обслуживали уже пять пароходов («Эльбрус» в 260 лошадиных сил, «Могучий», «Молодец» и «Боец» по 136 лошадиных сил каждый, «Колхида» в 120 лошадиных сил), одна паровая винтовая шхуна («Аргонавт» в 44 лошадиных силы) и восемь транспортов³⁷⁸.

Вместе с тем, как показала практика, даже пароходы не смогли производить постоянное сообщение с укреплениями, имевшими открытые рейды, «в продолжение всего времени между осенним и весенним равноденствием. В это время ветры редко позволяют пароходам приближаться к берегу, а если они и приблизятся, то надобно еще, чтобы волнение дозволило спустить на море гребное судно, а буруны и прибой дозволили бы им пристать к берегу»³⁷⁹.

Решением этой проблемы стала организация каботажных перевозок между укреплениями посредством вооруженных азовских лодок, заведенных на Черноморской береговой линии в 1837 г. Хотя их главная задача заключалась в борьбе с турецкими контрабандными кочермами, как пишет генерал-лейтенант Раевский, «я сделал следующее распоряжение о сообщении между прибрежными укреплениями на Азовских вооруженных ладьях: им предписано ходить один раз в неделю (если погода не будет препятствовать) поочередно в каждое из соседних

³⁷⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883 № 5-6. С. 312

³⁷⁷ ПСЗРИ. Т. XVII. № 16113

³⁷⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832. Л. 331-341 (опубликовано: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабичем» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>))

³⁷⁹ Архив Раевских. Т. IV. С. 69-70

укреплений и перевозить туда людей, груз и бумаги, равным образом доставлять на обширном пути все то, что будет назначено для их укрепления. Ходить же далее соседнего укрепления строго запрещено. Офицеру, заведывающему ладьей, предоставлено определять груз и число людей, которых можно взять, не обременяя ладьи»³⁸⁰. Правда, при неблагоприятных погодных условиях такой способ сообщения, по замечанию неоднократного участника таких плаваний, которому однажды довелось добираться из Гагр до Пицунды, находящихся между собой на расстоянии всего 25 верст, в течении 9 часов, можно было бы «поместить в число наказаний за уголовные преступления»³⁸¹. Из рапорта флигель-адъютанта полковника Астафьева следует, что один из таких азовских баркасов регулярно курсировал между Геленджиком, Новороссийском и Новотроицким укреплением³⁸².

В конечном итоге ежегодную перевозку казенного продовольствия из Феодосии удалось наладить с марта по 1 сентября, т.е. в период максимально благоприятствующий навигации, частью на военных транспортах, частью на зафрактованных вольнонаемных судах, а его хранение – в провиантских сараях³⁸³.

Постепенная нормализация ситуации с доставкой грузов в Геленджик оказалась весьма своевременной, ибо для удовлетворения потребностей расположенного там отряда в различных видах довольствия и без того довольно значительных, требовались дополнительные поставки живого скота и спиртного. Это было обязательным, потому что, помимо обычных дач продовольствия, «войскам, находящимся в Анапе, Джимитейском укреплении и вообще по берегу Черного моря, от Фанагории до границ с Турцией», полагалось получать мясную и винную порции. Согласно «Табелю об отпуске в мирное время войскам денег на мясные и винные порции, соль и на улучшение артелей, и о производстве морской провизии от провиантского управления»³⁸⁴ эти дачи производились в следующих размерах и условиях:

Чины	Мясная порция			Винная порция		
	сколько фунтов в неделю	сколько времени в год	по каким ценам отпускаются деньги вместо порции в натуре	сколько порций в неделю	сколько времени в году	сколько отпускается денег вместо порций в натуре
строевые	1½	кроме трех	по 1 руб. 60 коп.	3	круглый	по 8 руб. за ведро

³⁸⁰ Архив Раевских. Т. III. С. 81-82

³⁸¹ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 4-5

³⁸² Архив Раевских. Т. IV. С. 101

³⁸³ Архив Раевских. Т. III. С. 609-610

³⁸⁴ Приложение XVIII к Ч. IV Кн. III Свода военных постановлений

нестроевые	1/2	главных постов	за пуд мяса	1	год	
------------	-----	----------------	-------------	---	-----	--

Общее представление об объемах ежегодно требуемых войскам Геленджикского отряда грузов можно составить из подготовленной полковником Чайковским «Ведомости какое число рогатого скота и какое число пудов разных припасов и продуктов также и материалов полагается к перевозу в Геленджик на будущий 1834 год»³⁸⁵:

	число скота	число пудов
Козловскому полку		
Годовых и амуничных вещей по сроку 1834 г.		850
Медикаментов на 1834 г.		30
Пороху и свинцу для обучения нижних чинов		28
Разных съестных припасов, продуктов и материалов		2281
Рогатого скота	265	
Овец	450	
Нашебургскому полку		
Годовых и амуничных вещей по сроку 1834 г.		900
Медикаментов на 1834 г.		30
Пороху и свинцу для обучения нижних чинов		27
Разных съестных припасов, продуктов и материалов		2050
Рогатого скота	200	
Овец	500	
Команде гарнизонной артиллерии		
Годовых и амуничных вещей по сроку 1834 г.		15
Разных съестных припасов		33
Рогатого скота	4	
Овец	10	
Арестантской № 43 роте		
Годовых и амуничных вещей по сроку 1834 г.		350
Разных съестных припасов		180
Рогатого скота	20	
Овец	100	

Вдобавок к этим казенным поставкам в Геленджик на этот год ожидался еще привоз маркитантами съестных и питейных припасов, продуктов и разных материалов 4500 пудов и 170 голов рогатого скота, а также доставка из Севастополя: капусты 150 больших бочек, свеклы и других овощей общим весом около 6000 пудов³⁸⁶.

Как ни печально, но усиленное продовольствие войск, расположенных в Геленджике, зачастую нивелировалось нерегулярностью его доставки,

³⁸⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 114. Л. 7-7об

³⁸⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 114. Л. 7-7об

приводившего к тому, что на солдатском столе было то густо, то пусто. А.А. Бестужев-Марлинский, оказавшийся в укреплении весной 1836 г., жаловался в одном из своих писем: «Дело в том, что здесь нечего есть, в самом точном значении слова. Бить быков, которых очень здесь мало, летом нельзя, портится мясо, а куры дороже чем в Москве невесты. Питаются поневоле солониной, да изредка рыбой; но как последняя в здешнем климате верный проводник лихорадок, есть ее опасно³⁸⁷».

К тому же вскоре выяснилось, что установленные порции из-за удаленности от мест, где можно было бы закупать дешевую провизию, и злоупотреблений со стороны поставщиков являются недостаточными. Посетив с получастным визитом летом 1836 г. Восточный берег Черного моря, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф Воронцов в рапорте императору Николаю I в связи с этим указывал, что «справедливо было бы поддержать их (*гарнизоны береговых укреплений* – А.Г.) физическим сравнением пищи с морскими их собратьями. Умножение расхода по сей части было бы весьма мало значительно, а в сравнении с пользою и по сердцу Вашего Императорского Величества ничтожно»³⁸⁸.

Трудно сказать, доводы ли графа Воронцова, или иные резоны, изложенные в представлениях уже непосредственно кавказского начальства, подвигли императора согласиться с этой мерой, но, видимо, уже с середины 1838 г. «войскам, составляющим гарнизоны укреплений: при реке Соче, Св. Духа на мысе Константиновском, Гагры, Александровского, Геленджикского, Новотроицкого на реке Пшаде, Михайловского на реке Булане и Новоалександровского круглый год, а Николаевского и Абинского в течение 7 месяцев с 1 Октября по 1 Мая»³⁸⁹ было дано разрешение на выдачу морской провизии.

Морская провизия на одного человека в месяц состояла из фиксированного набора продуктов, к которому прибавлялось «довольное количество разной зелени, когда только есть случай достать ее, и тогда же вместо соленого мяса дают свежее»³⁹⁰. Все вместе это составляло на каждого человека в месяц $2\frac{3}{4}$ пуда провизии без посуды, причем унтер-офицерам полагалась полуторная порция, но ее выдача была строго регламентирована как по дням недели, так и по форме употребления.

³⁸⁷ <http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters/letter-82.htm>

³⁸⁸ Воронцовский «перипл» Черного моря 1836 г. // Русский архив, 1894. Вып. № 6. С. 221

³⁸⁹ Приложение XVIII к Ч. IV Кн. III Свода военных постановлений

³⁹⁰ Военный энциклопедический лексикон. СПб, 1856. Том X. С. 623

Въ какой же день что раздавать, показываетъ нижеслѣдующая таблица.

	Воскрес.	Понедѣл.	Вторг.	Среда.	Четверг.	Пятниц.	Субота.	Мѣсяць въ 28 дней.
Сухарей.	ф. зол. 1 58 ² / ₇	1 58 ² / ₇	1 58 ² / ₇	1 57 ² / ₇	1 58 ² / ₇	1 58 ² / ₇	1 58 ² / ₇	45 фунт.
Солоду яч- наго.	—	—	—	—	—	—	—	2 гарца.
Маса со- ленаго.	1 ф.	60 зол.	60 зол.	—	60 з.	—	60 з.	14 фунт.
Крупъ.	¹ / ₂ ф.	¹ / ₂ ф.	¹ / ₂ ф.	60 зол.	¹ / ₂ ф.	60 зол.	¹ / ₂ ф.	15 фунт.
Гороху.	—	—	—	1 ф. 24з.	—	1 ф. 24з.	—	10 —
Масла.	20 ¹ / ₇ з.	20 ¹ / ₇ з.	20 ¹ / ₇ з.	20 ¹ / ₇	20 ¹ / ₇	20 ¹ / ₇	20 ¹ / ₇	6 —
Вина.	1	1	1	1	1	1	1	28 чар.
Соли.	—	—	—	—	—	—	—	1 ¹ / ₂ фунт.
Уксусу.	—	—	—	—	—	—	—	Буде пив- ной, то ¹ / ₂ кружки, а буде на манеръ рен- скаго, то 4 ¹ / ₈ чарк.
	Кашница съ масомъ.	Кашница съ масомъ.	Кашница съ масомъ.	Горохъ поут- ру, а наша густалъ вѣче- ру.	Кашница съ масомъ.	Горохъ поут- ру а наша густалъ вѣче- ру.	Кашница съ масомъ.	

В целях «доставления своевременно и в случаях внезапных продовольствия для гарнизонов в укреплениях и для действующего отряда войск на восточном берегу Черного моря» в марте 1840 г. в Феодосии был создан постоянный полугодовой запас морской провизии, включающий солод, горох, сухой бульон, зернистый перец, соль, хлебное вино, уксус и овес для лошадей. Остальные продукты, входящие в морскую провизию, а именно, солонину, коровье масло, масло, лук, чеснок и хрен предполагалось заготавливать на месте, а сухари

доставлять из Керчи. Этот запас поступал в полное и непосредственное распоряжение начальника Черноморской береговой линии³⁹¹.

Выдача морской провизии расположенным в Геленджикском укреплении войскам была прекращена именованным приказом Провиантскому Департаменту Военного министерства с 1 июля 1843 г.³⁹² В ее замен при введении в октябре 1842 г. нового распределения порционного довольствия войскам Отдельного Кавказского корпуса³⁹³ гарнизон Геленджика был отнесен к первой категории, в которую были включены воинские части, получавшие прежде морскую провизию. При этом с января 1844 г. вместо существовавшей до этого практики поставок коммерсантами свежего мяса и вина по договорам, заключаемым на 3-х или 5-летний срок, войскам Черноморской береговой линии начали выплачивать деньги из расчета по 16 рублей 66 копеек на человека³⁹⁴.

В принятом в июле 1851 г. Военным советом к руководству, в виде опыта на два года, таблице о порционном довольствии нижних чинов войск и военных управлений относительно Черноморских линейных батальонов сказано, что с 1 января 1852 г. порционное довольствие им производится по особому положению, за исключением нижних чинов, «находящихся в укреплениях: Новотроицком, Тенгинском, Вельяминовском, Лазаревском, Головинском, Навагинском и Святодуховском, в которых четыре месяца в году производится морская провизия»³⁹⁵.

В конце 1852 г. опять же в виде опыта, на один год, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом с согласия императора разрешил «прекратить отпуск войскам морской провизии в натуре, производя им в это время деньгами по средней пятилетней ценности этой провизии, а именно: азовским казакам и прикомандированным к ним от линейных батальонов по тридцати рублей, а гарнизонам семи средних укреплений, от Новотроицкого до Св. Духа включительно, по двадцати одному рублю серебром в год на человека, предоставляя войскам заготовлять самим на эти деньги припасы для улучшенного своего довольствия»³⁹⁶. На практике, впрочем, это уже осуществить не удалось, поскольку по проведенным расчетам заготовленной в магазинах Черноморской береговой линии морской провизии оказалось достаточной до 1 февраля 1854 г., вследствие чего переход на денежные выплаты был перенесен до полного исчерпания запасов морской провизии. Ну а потом началась война...

³⁹¹ ПСЗРИ. Т. XV. № 13248

³⁹² ПСЗРИ. Т. XVII. № 15269

³⁹³ ПСЗРИ. Т. XVII. № 16113

³⁹⁴ ПСЗРИ. Т. XIX. № 17532

³⁹⁵ ПСЗРИ. Т. XXVI. № 25441

³⁹⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1581. Л. 28

За не потребленную по каким-либо причинам казенную провизию солдаты получали наличные деньги, на которые они могли дополнительно закупать товары и продукты (галеты, мед, табак, вина красное, белое и санторинское, сахар, чай, фрукты, мука, рыба, мясо и пр.) в частных лавках, разрешенных в наиболее крупных прибрежных пунктах. «В 1842 году во всех укреплениях без исключения были уже торговцы и лавки, - отмечает Ф.А. Щербина. В Анапе, Новороссийске и Геленджике тех и других было много. Торговлю вели большею частью турки, греки и армяне»³⁹⁷. В дальнейшем коммерческая торговля на восточном берегу Черного моря все более расширялась: «... стали приходить и частные суда, особливо турецкие кочермы... Привозимые товары состояли из табаку, кофе, сахару и ситцу, правда, английского изделия. Все это составляло ничтожную сумму пошлин, а давало войскам удобства, которые были не излишни при их тяжелой службе»³⁹⁸. К концу 40-гг. XIX в. прибрежная торговля стала, видимо, настолько бойкой, что в мае 1850 г. правительству пришлось принимать специальное «Положение об акцизах с горячих напитков, ввозимых в пределы Северо-восточного берега Черного моря и о свободной продаже их на сем пространстве, как оптовой, так и раздробительной»³⁹⁹.

В дополнение к поставляемой казенной провизии и закупаемым коммерческим продуктам, во многих укреплениях «для доставления гарнизонам свежей растительной пищи» со временем начали устраиваться огороды, о чем, как указывалось в отношении Военного министра графа Чернышева командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Головину, «Г.[осударь] И.[мператор] неоднократно уже изволил изъявлять желание»⁴⁰⁰. Особенно этому способствовал в бытность начальником Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Раевский. «Я первый завел огороды на Береговой линии, я охотник до садоводства и огородничества и хорошо знаю эту часть», - отмечал он одним из своих писем⁴⁰¹.

Приказом по Черноморской береговой линии от 16 декабря 1840 г. № 15 им было строго предписано «выбрав возле каждого укрепления обширное и безопасное пространство земли, которое, кроме того, было бы на низменном месте, возле воды очистить его совершенно от пней, корней и колючки ... Пространство это разделить на участки для огородов артелям, каждой особо, гг. офицерам и нижним чинам, которые захотят иметь собственные огороды. Огороды эти должны быть так обширны, чтобы произрастаемая на них зелень и

³⁹⁷ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 32

³⁹⁸ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1884. Вып. 1-2. С. 352

³⁹⁹ ПСЗРИ. Т. XXV. № 24180

⁴⁰⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. С. 486

⁴⁰¹ Архив Раевских. Т. III. С. 611

огородные овощи не только совершенно удовлетворяли потребностям гарнизона без всякого постороннего подвоза, но чтобы артели могли снабжать за деньги зеленью и овощами морские команды, крейсирующей эскадры и других судов, на Береговой линии обращающихся»⁴⁰².

В Геленджике огороды были заведены, очевидно, сразу после того как стало ясно, что высадившиеся на берегу бухты войска останутся там надолго. Уже в одном из апрельских рапортов 1833 г. полковником Чайковским упоминается, что «солдаты занимались приготовлением собственных огородов и посевом овощей»⁴⁰³. О результатах этой сугубо мирной деятельности Ф. Дюбуа де Монпере пишет следующее: «Войска в Геленджике развели вокруг крепости прекрасные огороды, которые родят все европейские овощи. Каждая рота имеет собственный огород, который она обрабатывает со всей тщательностью. Капуста, огурцы, лук – это предметы особой любви; верные спутники русского солдата, они всегда сопровождают его во все уголки империи и во все времена года»⁴⁰⁴. Из расхода нижним воинским чинам в Геленджикском укреплении на 16 июня 1842 г.⁴⁰⁵ следует, что к этому времени в нем было разбито девять огородов: 2 батальонных и 7 ротных, каждый из которых обслуживался по одному человеку.

Согласно § 1183 книги 2 Свода военных постановлений огороды при крепостях и укреплениях должны были располагаться в форштадте на расстоянии не менее 50 сажень от гласиса, но в Геленджике, исходя из высокой вероятности внезапного нападения горцев, они располагались гораздо ближе к огневой линии и вдобавок прикрывались блокгаузами.

Уже упомянутым приказом начальникам отделений, воинским начальникам и батальонным командирам также предписывалось завести артельные стада из расчета по четыре барана и двадцати пяти овец на роту, заняться разведением свиней и домашней птицы, в особенности гусей и уток, разводить пчел и высаживать виноград⁴⁰⁶. Помимо прочего, необходимость заведения живности объяснялась еще и тем, что, как докладывал еще в августе 1837 г. генерал-лейтенанта Вельяминов корпусному командиру: «Опыт нынешнего года показал, что перевозка рогатого скота на наемных судах чрезвычайно неудобно; во-первых, потому, что в них помещается мало; во-вторых, потому, что в случае

⁴⁰² Опубликовано: Архив Раевских. Т. III. С. 587

⁴⁰³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 75 об

⁴⁰⁴ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 98

⁴⁰⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237об. -239об

⁴⁰⁶ Опубликовано: Архив Раевских. Т. III. С. 587-591

противных ветров долго остаются в море, отчего скот чрезвычайно изнуряется и худеет, так что не доставляет уже нужного количества мяса»⁴⁰⁷.

В июне 1842 г. в Черноморском линейном батальоне № 5-го «при батальонных волах и порционном скоте» находились 8 рядовых, «при ротных волах и прочем мелком скоте» - 1 унтер-офицер и 10 рядовых и «при батальонных пчелах» еще 1 рядовой, в Черноморском линейном батальоне № 14-го (затем, № 15-го) «при батальонных волах и порционном скоте» - 8 рядовых. Еще один рядовой военно-рабочей № 18 роты был «при казенном винограде»⁴⁰⁸.

К началу 50-х годов, судя по приведенному ниже фрагменту «Плана бухты Геленджик или Куплезий по описи подпоручика Трутаева, 1852 г.»⁴⁰⁹, огороды занимали практически все очищенное от леса пространство перед оборонительными верками укрепления, а кошары для содержания скота - довольно большой прибрежный участок с внешней стороны южной фаса. Разная штриховка возделанных участков, по-видимому, должна обозначать либо их принадлежность к тому или иному подразделению, либо различные овощные культуры, выращиваемые на них.

⁴⁰⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. С. 363

⁴⁰⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237-239об

⁴⁰⁹ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1282

Разумеется, нельзя сказать, что огородничество и животноводство в прибрежных укреплениях развилось в больших масштабах, но все же, несмотря на объективные трудности, определенные успехи в этом отношении были достигнуты, о чем не преминул упомянуть генерал-лейтенант Раевский в своем отзыве на доклад флигель-адъютантов Крузенштерна и Боратынского императору об выявленных при посещении Черноморской береговой линии недостатках⁴¹⁰.

Наконец, еще одним средством улучшения питания личного состава стала меновая торговля с горцами⁴¹¹. После не очень удачного опыта Скасси в 20-х гг. XIX в. за ее налаживание сильно ратовал тот же генерал-лейтенант Раевский, предложивший завести в береговых укреплениях меновые дворы, в первую очередь, для отпуска горцам соли, «которой в горах не было, и выварка ее из морской воды стоила слишком дорого»⁴¹², при том, что по мере стеснения турецкой контрабанды, горцы все более в ней нуждались. Император поддержал эту идею и в январе 1839 г., «желая положить начало торговым отношениям нашим с горскими племенами Кавказа, Высочайше повелеть изволил:

1. Взять из Анапских магазинов нужное количество соли и распределить их по всем укреплениям на Восточном берегу Черного моря, подчиненным генерал-лейтенанту Раевскому, поручив комендантам выменивать эту соль на разные произведения края.

2. Генерал-лейтенанту Раевскому поручить составить особое соображение относительно употребления этих продуктов и пользы, которую из них извлечь возможно будет.

И 3. Отпустить в распоряжение его же генерала Раевского на всякий случай 20 т[ысяч]. р[ублей]. на приобретение различных товаров, наиболее для горцев потребных, исключая однако же, как то само собой разумеется, военные припасы и все материалы, служащие к выделке и приуготовлению оных»⁴¹³.

Аналогичный запрет на обмен распространялся также на муку и вообще продовольствие⁴¹⁴, за исключением лишь некоторых, наиболее обособленных, фортов Черноморской береговой линии, где допускалось для снабжения гарнизонов свежим мясом осуществлять обмен у горцев скота на экономический провиант⁴¹⁵.

⁴¹⁰ Подробнее см.: Архив Раевских. Т. III. С. 611-616

⁴¹¹ См. подробнее: Федосеева Л.Д. Способы наказания и поощрения горцев в разгар Кавказской войны (<https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-nakazaniya-i-pooschreniya-gortsev-v-razgar-kavkazskoy-voyny/viewer>)

⁴¹² Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 311

⁴¹³ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 227. Л. 1-1об

⁴¹⁴ Архив Раевских. Т. IV. С. 36

⁴¹⁵ Архив Раевских. Т. IV. С. 38

Наряду со скотом, «произведениями края» являлись привозимые горцами для обмена лес, дрова, дикие плоды, ягоды, птица, мед, воск, баранье сало, татарский сыр и кожи, а также кустарные черкесские изделия⁴¹⁶ и «вооружение, по большей части древнее, со знаками и надписями времен крестовых походов: панцири, кольчуги, шлемы, налокотники, луки, стрелы, шашки и кинжалы»⁴¹⁷, которые, помимо соли, менялись либо на товары (главным образом, бумажные и полушелковые ткани, сафьян, холст), либо продавались за деньги.

В качестве обменного фонда в Анапе, Новороссийске, Геленджике и укреплении Св. Духа были созданы запасы казенной соли, куда Министерством финансов первоначально отпущено ее 20,0 тыс. пудов⁴¹⁸ по сниженной с 50 копеек до 40 копеек ассигнациями⁴¹⁹ (12 копеек серебром) отпускной ценой за пуд. Эта цена сохранялась до июля 1845 г., когда она была повышена до 20 копеек серебром⁴²⁰ за пуд. В целях облегчения организации торговли с горцами император разрешил иметь в Геленджике переводчика с жалованьем 300 рублей серебром в год⁴²¹.

Представление о том, как проходила торговля с горцами дает описание менового двора в Анапе, сделанное посетившим его М.Ф. Федоровым: «В самой крепости учреждена была, по три раза в неделю, на избранной площади меновая торговля – "сатувка" (от черкесского глагола "сату" - менять)... Кроме денежных знаков – червонцев голландских, серебряных рублей и полтинников – которые горцы хорошо понимали, денежной единицей для продавца и покупателя, при определении цены, принята была ценность одного пуда соли, а именно 40 коп., продажа которой была казенная. Желавший делать покупки на сатувке, заблаговременно приобретал за деньги в соляном магазине билеты на получение соли. В билете прописывалось количество и цена. В день сатувки ставился у крепостных, так называемых, "русских ворот" особый караул, который обязан был отбирать от приезжающих для торговли горцев оружие. Для этого сделаны были деревянные бирки с условленными знаками, а именно – с известным числом нарисованных масляной краской кружков и черточек, перепиленные надвое так, что если одну половину приложить у другой, то кружки и черточки придутся на своих местах. Одна часть такой бирки навешивалась на отобранное оружие, а другая отдавалась владельцу, – и только тот, кто предъявлял половинку выданной

⁴¹⁶ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 32-33

⁴¹⁷ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. С. 181

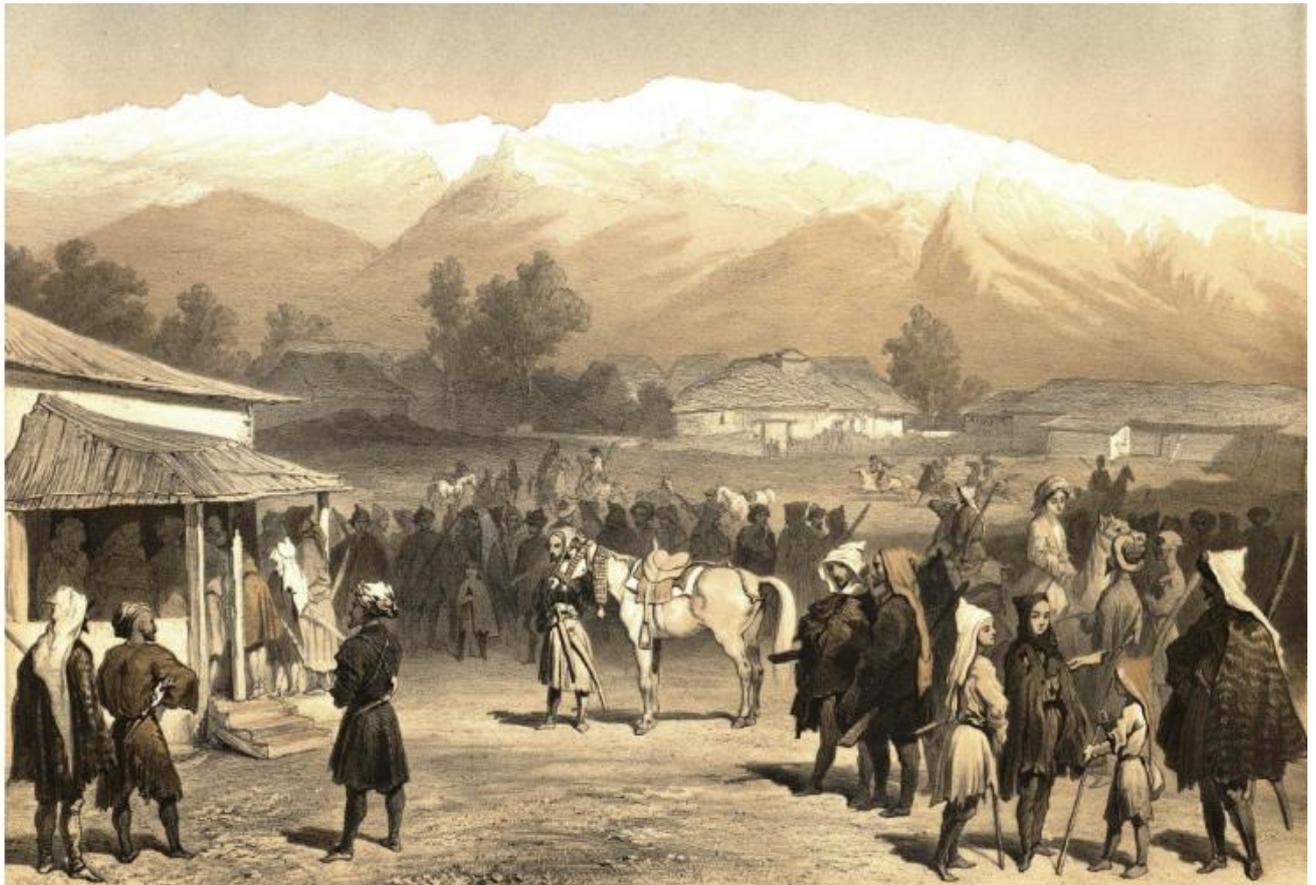
⁴¹⁸ Архив Раевских. Т. III. С. 389

⁴¹⁹ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 227. Л. 17об

⁴²⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 654

⁴²¹ ПСЗРИ. Т. XV. № 13535

от караульного унтер-офицера бирки, получал, по соответственной другой половинке, оружие; на бирках были номера, по которым велся счет выданных бирок. После сатувки счет этот поверялся плац-адъютантом при дежурном по караулам. На сатувку с оружием допускался из горцев только один дежурный старшина, который во все время сатувки должен был находиться при дежурном офицере с переводчиком, и этим-то трем лицам принадлежало первоначальное разбирательство торговых жалоб и недоразумений без всякого вмешательства батальонных и ротных командиров. Если же недоразумение не прекращалось, то давали знать коменданту; весьма часто достаточно было одного его появления для прекращения спора»⁴²².

2. Cotes de la Mer Noire. Adighes descendus des montagnes / Берег Черного моря. Адыгейцы спустились с гор

*Gagarin Gr. Gr., Stackelberg E. Le Caucase pittoresque dessine d'apres nature par le Prince Gr. Gagarin avec une introduction et un texte explicatif par le Comte Ernest Stackelberg dedie a la Majeste Imperiale Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, Plon freres, 1847.
(<https://aldusku.livejournal.com/27252.html>)*

⁴²² Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. С. 181-182

О масштабах меновой торговли можно судить, в частности, по «Ведомости о приходе и расходе в укреплениях Черноморской береговой линии казенной соли, предназначенной для меновой торговли с горцами» за 1840 г., согласно которой из поступивших в Геленджик 3150 пудов 35 фунтов поменяно 1786 пудов 28 фунтов, утрачено по разным причинам 25 пудов 8 фунтов, в остатке 1338 пудов 39 фунтов. Выручка за соль составила 714 руб. 68 коп. ассигнациями⁴²³.

Как свидетельствуют документы, по разным причинам не всегда и не везде меновая торговля шла одинаково успешно. Особенно навредили ей случившиеся весной 1840 г. нападения горцев на укрепления Черноморской береговой линии, после которых командующий войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-адъютант Граббе предписал вообще ее прекратить. И хотя уже в конце того же года меновая торговля все же была возобновлена, ее ход оставлял желать лучшего. По мнению полковника Астафьева, побывавшего во время инспекционной поездки по Черноморской береговой линии (март 1841 г.) в Геленджике: «Препятствия к полному развитию мены в самой местности: торных дорог для арб нет, а на вьюках по возможности горцы привозят овощи, плоды, мед, воск, сало и пригоняют немного скота; но главная причина в том, что горцы еще не доверяют миролюбивым нашим намерениям ...»⁴²⁴. Другими причинами, препятствующими расширению торговых операций, по мнению исправляющего должность начальника Черноморской береговой линии генерал-майора Анрепа, были: в Геленджике и Ново-Троицком недостаток соли, а в укреплениях Тенгинском, Вельяминовском, Лазарева, Головинском и Навагинском – по-прежнему враждебное расположение окрестных горцев⁴²⁵.

В целом же, если оценивать продовольственное снабжение геленджикского гарнизона по направляемым вверх отчетам, оно было вполне удовлетворительным. Тот же полковник Астафьев в своем рапорте императору дает следующую оценку увиденному в Геленджике: «Гарнизон довольствуется морской провизией, припасы которой все отличной доброты, три раза в неделю имеют свежее мясо, добываемое и меною на соль от горцев, и покупкою в Черномории.... Геленджикский гарнизон не может нуждаться в свежем мясе: около укрепления достаточно пастбищных мест, на коих пасется покупаемый скот и, кроме того, майор Дзвонкевич (воинский начальник Геленджикского укрепления, командир Черноморского линейного батальона № 5-го – А.Г.) закупает на каждую роту 35 баранов. Прекрасный огород устроен между блокаузами и, если будет урожай посредственный, гарнизон обеспечен

⁴²³ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д.227. Л. 62об-64об

⁴²⁴ Архив Раевских. Т. IV. С. 98, 101

⁴²⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. С. 508

совершенно всего рода овощами ... »⁴²⁶. Однако, учитывая царящие в описываемое время в армии злоупотребления⁴²⁷ и неизменное желание приукрасить перед начальством существующее положение вещей, утверждать, что эта информация в полной мере соответствовала действительности было бы, вероятно, опрометчиво.

Завершая обзор расквартирования и продовольственного обеспечения геленджикского гарнизона, можно констатировать, что ключевой проблемой как для него, так и для гарнизонов остальных укреплений Черноморской береговой линии являлся «недостаток часто самых необходимых потребностей жизни», вследствие чего их гарнизоны испытывали острую нужду во всех видах довольствия, строительных материалах и многих прочих вещах, необходимых для обеспечения их жизнедеятельности. И хотя со временем логистические связи между ними и крымскими и азовскими портами мало-помалу улучшались, объемы и номенклатура получаемых укреплениями продовольственных, вещевых и материальных запасов были ограничены высокой стоимостью их морской доставки и сложностями черноморской навигации, что сохраняло изолированное положение прибрежных фортов как от Черномории, так и между собой.

Находясь в самых стесненных условиях, гарнизоны были ограничены в решении своих насущных проблем собственными силами и вынуждены полагаться, прежде всего, на внимание и участие Военного министерства и местного кавказского командования. Однако, к сожалению, многие даже самые благие начинания начальства наталкивались на обстоятельства непреодолимой или труднопреодолимой силы. Так, устройство капитальных казарм обесценивалось скученностью личного состава, приводившей к распространению болезней, назначение усиленного продовольственного довольствия – нерегулярностью поставок.

Все это усугублялось ограниченностью выделяемых ассигнований, неэффективной работой бюрократического аппарата, а также процветавшими злоупотреблениями и казнокрадством. В частности, к уже упомянутой пропаже кирпичей в самом начале существования укрепления можно прибавить хищение в 1842-1844 гг. постного масла и спирта в Геленджикском провиантском магазине⁴²⁸. Да и случившийся в сентябре 1837 г. пожар, по всей видимости, должен был скрыть недостачу казенного имущества, ведь вопреки утверждению

⁴²⁶ Архив Раевских. Т. IV. С. 98, 101

⁴²⁷ См.: В.Д.К. Пять месяцев в полку. Выдержки из дневника // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Автор-составитель С.В. Карпушенко. М.: Воениздат, 1999. С. 228-255

⁴²⁸ При ревизии 1844 г. оказалась недостача 18 пудов 20 фунтов постного масла на сумму 1659 рублей 72³/₄ копеек серебром и 209 ведер 57 чарок спирта на сумму 436 рублей 50¹/₂ копеек серебром. Подробнее см.: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. ДД. 578, 723

Ф.А. Щербины о том, что он был вызван орудийным салютом по случаю прибытия императора, как выявило продолжавшееся несколько лет следствие, «всеми обстоятельствами дела доказывается, что пожар последовал не от непредвиденной и случайной причины, а от злоумышленного поджигательства»⁴²⁹. В этой связи весьма характерным представляется диалог, состоявшийся по пути на пожар между полковником Бриммером и прибывшими в Геленджик в составе царской свиты генерал-адъютантами Орловым и Меншиковым: «Тут другой генерал (Меншиков – А.Г.) спросил:

– ... А как вы думаете, полковник, не поджог ли комиссионер провиантский магазин?

– Кто его знает, ваше сиятельство, может, и поджог – и я засмеялся, они оба тоже»⁴³⁰.

Те же небезосновательные подозрения в умышленности случившегося испытывали и другие современники этого происшествия⁴³¹. Воистину император был прав, когда, якобы, однажды сказал одному из своих сыновей: «Константин, я думаю, мы с тобой в России единственные, кто не ворует!»⁴³².

К перечисленным проблемам, характерным для николаевской эпохи, в отношении Геленджика можно прибавить также сохранявшуюся долгое время неопределенность с местом окончательного расположения укрепления в Геленджикской бухте и отсутствием, за исключением песка и глины, местных строительных материалов.

В совокупности эти обстоятельства, а также полублокадное положение Черноморской береговой линии и обуславливали «безотрадное и стеснительное положение», в котором находились почти все время своего существования гарнизоны прибрежных укреплений⁴³³, давая основания смотреть на них как на тюрьмы⁴³⁴.

⁴²⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 1222. Л. 82-83

⁴³⁰ Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-ом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник, т. 17, 1894, глава XV (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Brimmer_E_V/text12.htm)

⁴³¹ См.: Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III. С. 95; Самсонов Г. Из записок старослужащего. (<https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Samsonov/text.htm>)

⁴³² К.А. Varnhagen von Ense. Tagebücher. 1865. V. 7. P. 396 ([https:// Tagebücher - Karl August Varnhagen von Ense - Google Книги](https://Tagebuecher-Karl-August-Varnhagen-von-Ense-Google-Книги))

⁴³³ Васильев Евгений. Черноморская береговая линия 1834-1855 гг. (из Кавказской войны) // Военный сборник. 1874, № 9 (сентябрь). Л. 10

⁴³⁴ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 8-9

Глава 4. Рутинная жизнь и обыденность смерти

А побудку когда також разсветет, а где летом зело малыя ночи, то так определить время чтоб от тапты до побудку осьм часов было времени, да бы людем доволюной покои был.

Устав воинский. 1716 г. Глава 60 § 4.

Понеже рядовые салдаты в поле и кампаниях от великих трудов и работы часто в болезни впадают и при жестоких акциях ранены бывають, того ради весьма потребно есть, чтоб для пропитания и ползования оным, построить полевой лазарет.

Устав воинский. 1716 г. Глава 34.

Повседневная жизнь гарнизона Геленджика, как это обычно и бывает с общеизвестными в своей профессиональной среде (в нашем случае – армейской) реалиями, отражена в официальных документах весьма скупо. Поэтому при ее описании приходится в основном опираться либо на мемуарные источники, содержащие сведения о жизни войск Отдельного Кавказского корпуса на зимних квартирах и в полевых лагерях во время основания фортов Черноморской береговой линии, которая во многом была сходной с пребыванием в полублокадном укреплении, либо на общие правила, порядки и инструкции, коими регламентировалась внутренняя служба войск⁴³⁵, помня, однако, что на их строгое соблюдение, по свидетельствам современников, кавказское командование зачастую смотрело сквозь пальцы, допуская определенные отступления, оправдывая это ведением боевых действий и тяжелыми климатическими условиями края.

Как и во всей армии, те или иные действия личного состава совершались по общим для гарнизона звуковым сигналам, подаваемым барабаном и (или) горном. В целях удобства контроля за своевременностью их подачи и вообще течением времени в центре Геленджикского укрепления были устроены солнечные часы.

Обыкновенно день гарнизона начинался с утренней зари (зори), пробивавшейся по сигнальному выстрелу пушки «когда станет рассветать, или же можно будет читать на дворе»⁴³⁶. Тогда же в порядке, установленном статьей 1260 раздела III книги II части 1 Свода военных постановлений, видимо,

⁴³⁵ См.: Свод военных постановлений 1838-1839 гг. (<https://book-olds.ru/BookLibrary/00928-Ustavyi-i-prikazyi/1838.-Svod-voennyih-postanovleniy.html>)

⁴³⁶ Свод военных постановление. Часть III Кн. 2. Устав о службе войск

производилась церемония поднятия крепостного флага и отпирания ворот укрепления⁴³⁷.

После молитвы и проведения переключки нижних чинов, «дабы удостовериться, что все налицо или кто именно отлучился», они в составе своих подразделений и(или) отдельных команд приступали к выполнению назначенных на день задач. Задействован в этом был весь гарнизон, ведь считалось, что «для сохранения как хорошей нравственности, так и здоровья, необходимо, чтобы солдат был всегда чем-либо занят. Праздность располагает его к порокам, рождает пагубную для воинственного духа леность, расслабляет тело и мало-помалу делает ни к чему неспособным. Сверх сего в мирное время солдаты должны быть приучены к перенесению трудов и походов, приготовлены к борьбе не только с явным неприятелем, но и с самими стихиями. По сему должно содержать солдат в постоянной деятельности, и ежедневными трудами приучать их к тягостям походного времени»⁴³⁸. Личное присутствие назначенных в тот или иной день на службу офицеров являлось также обязательным, а потому нахождение крепостного инженера подполковника Коха «в 9^{тб} часов утра в своей квартире, лежащим еще в постеле», комендант укрепления полковник Чайковский посчитал возмутительным случаем⁴³⁹.

Упомянутый в предыдущей главе подробный расход нижним чинам частей, расположенных в Геленджике, по состоянию на 16 июня 1842 г. дает наглядное представление об их местопребывании и(или) распределении для выполнения различных служебных обязанностей⁴⁴⁰:

По списку состоит всего	1694
Налицо	554
В расходе, в том числе:	1140
в домовом отпуске	30
в госпиталях и лазарете	260
в дальних командировках	69
в ближних командировках (Тамань, Анапа, Керчь)	15
под судом в Анапе	1
в действующем отряде	313
прикомандированные к гренадерской роте в укреплении Новотроицком	16

⁴³⁷ Неизвестно, правда, сохранялся ли этот церемониал после упразднения в Геленджикском укреплении комендантского управления

⁴³⁸ Свод военных постановление. Часть III кн. 1. Приложение V. Правила о сохранении здоровья солдат, или Опыт Военно-Медицинской Полиции. II. 78

⁴³⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 149об

⁴⁴⁰ Подсчитано по: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 236-239об

прикомандированные к артиллерии в укреплении Геленджик	21
прикомандированные к Геленджикской азовской лодке	16
на различной учебе	77
в караулах на бастионах и блокгаузах	40
в карауле при батальонном ящике	4
фельдфебели, каптенармусы и ефрейторы	19
дежурные и дневальные при ротах	16
дежурный по лазарету	1
в канцеляриях начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии, воинского начальника и батальонов, комиссии при провиантском магазине, при аптеке	16
при инженерном и батальонных цейхгаузах	6
вахтеры и сторожа в канцелярии 2-го отделения Черноморской береговой линии, батальонной школе, при соляном запасе, при церкви	4
ординарцы и вестовые	24
артельщики, кашевары, хлебопеки и базарные	26
при батальонных и ротных волах, порционном скоте, огородах, пчелах и казенном винограде	48
батальонные и ротные портные, сапожники, лакировщики, красильщики, закройщики, басонщики, скорняки	72
стекольщики, печники, маляры, плотники	7
для присмотра крепостного леса и пильщики дров при батальонах	7
для присмотра за очисткой казармы	1
в батальонном лазарете вместо прислуги	5
ежедневно на крепостных работах	20
при церкви вместо дьячка и пономаря	2
под арестом	6

Если суммировать численность гарнизона по основным видам занятий, то в процентном отношении расход наличествующих в укреплении нижних чинов был примерно следующим. Половина либо несла строевую службу, т.е. обеспечивала оборону бастионов и блокгаузов, а также прикрытие от нападения горцев производимых вне укрепления работ и(или) выпаса порционного скота, либо отдыхала после наряда. Ежедневный расход необходимого для этого числа людей составлял согласно расчету:

	унтер-офицеры	музыканты	рядовые
Для занятия караула в укреплении:			
Днем	5	1	86

Ночной караул в укреплении	4		60
Дневной караул на блокгаузах	5		50
Ночной караул на блокгаузах			65
Ежедневно выходит в прикрытие скота	3	2	140
Ежедневно на крепостные работы			20
	17	3	418 ⁴⁴¹

Как видно, за исключением 20 человек, занятых крепостными работами, и 145, прикрывающих скот, ежедневно в дневное время несли службу 147 человек, а в ночное – 129. При установленном ст. 450⁴⁴² кн.1 ч. III Свода военных постановлений режиме службы общая численность задействованных в караулах нижних чинов должна была составить максимально: $147 \times 3 = 441$ человек, что в сумме с людьми, прикрывающими порционный скот, составляет 586 человек. Это вполне коррелируется с числом людей (554), которых можно было привлечь к исполнению караульных обязанностей из 1694 нижних чинов, числящихся на тот момент в списках гарнизона.

Летом все смены караулов и разводы следовало заканчивать до 7 часов утра⁴⁴³, чтобы не подвергать личный состав воздействию жары. Это, конечно, несколько облегчало несение службы, о которой в одном из рапортов на имя командира Отдельного Кавказского корпуса исполняющий должность начальника Черноморской береговой линии генерал-майор Будберг писал, что «во всех укреплениях береговой линии, находящихся в неприятельском крае и представленные своей собственной защите, служба войск весьма трудна. Те же самые люди по несколько дней стоят в карауле, а если и меняются, то для того только, чтобы быть посланными на другой пост, или на работу и в прикрытие»⁴⁴⁴.

Примерно треть от общей численности гарнизона трудилась на крепостных, хозяйственных и подсобных работах, тринадцать процентов - несли внутренние наряды, обслуживали офицерский состав, канцелярии и вспомогательные учреждения, а семь процентов - проходили обучение разным наукам (военной, медицинской или музыкальной). Разумеется, в случае появления в

⁴⁴¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 236. В подлиннике в графе «рядовые» итоговой записи описки: правильно «421»

⁴⁴² «450. Дабы воинские чины могли без изнурения отправлять караулы и другие должности по гарнизону, должно наблюдать непременно, чтобы каждому доставалось в должность отнюдь не чаще, как чрез трое суток в четвертые, а в необходимых случаях, чрез двое в третьи»

⁴⁴³ Свод военных постановлений. Часть III кн. 1. Приложение VI. Правила для сохранения здоровья солдат в войсках Отдельного Кавказского Корпуса

⁴⁴⁴ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 296. Л. 40-40об

непосредственной близости от укрепления «скопищ хищников», все находившиеся в нем военнослужащие, невзирая на свою обычную деятельность, должны были занять установленные боевым расписанием места для отражения возможного нападения неприятеля⁴⁴⁵.

Приведенное соотношение, естественно, не было постоянным весь период существования укрепления, а менялось в зависимости от различных объективных факторов. Так, в первые годы, когда требовалось произвести скорейшее строительство оборонительных верков, расчистку прилегающей к ним территории и дорог, численность личного состава, задействованного на различных работах, была существенно больше, чем впоследствии. Заметное влияние на расклад между числом отряжаемых на службы и работы оказывал также сезон года – в летнее время доля последних, понятно, возрастала.

Наиболее тяжелыми в физическом отношении были, безусловно, крепостные работы, выполнявшиеся, в первую очередь, дислоцировавшимися в Геленджике в разное время специальными строительными частями⁴⁴⁶. Но «в потребных случаях, с разрешения высшего начальства» на основании статьи 1167 Устава хозяйственного⁴⁴⁷ к ним привлекались также и армейские чины.

На первых порах, пока фортификационные работы были значительными, а снабжение гарнизона не вполне устроенным, они, как отмечает Ф.А. Щербина, сильно изнуряли личный состав⁴⁴⁸. Чтобы хоть как-то поддержать солдат генерал-майор Берхман в инициативном порядке увеличил участвующим в работах нижним чинам размер хлебного довольствия, о чем уже упоминалось в третьей главе настоящей работы, а затем ходатайствовал перед вышестоящим командованием о производстве им за работу денежной платы. Следует признать, что вопреки обычной бюрократической волоките этот вопрос был довольно быстро решен и уже в середине мая 1832 г. командующему войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Вельяминову была направлена бумага об утверждении императором сей меры⁴⁴⁹:

⁴⁴⁵ Об этом см. в 5 главе настоящей работы

⁴⁴⁶ А именно, на арестантскую роту № 40 (1833 г. - 1841 г.), команду военно-рабочей № 18 роты (1842 г. - 1844 г.) и военно-рабочую № 19 роту (1845 г. - 1854 г.)

⁴⁴⁷ Свод военных постановлений. Ч. IV. Кн. I. Ст. 1167

⁴⁴⁸ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 17

⁴⁴⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 184

171
1832

25 Мар 1832

1832

6

Во Царств. Обществу.

Кавказскому войскови на Кавказской
линии и во Черномории Топографу Гене-
ралу Лейтману и Кавказу
Ванчанинову

Управляющий делами Уста-
вою во Министерстве Внутренних
Делов и Топографу Генерлу Черны-
шеву сообщено, что по представле-
нию маю Топографу Министерстве Вн-
трянных дел утвердить сообщено: ниско-
льким войскови камам, заработы
предпринимавые во Топографу,
производит маю по исаму хонте
Топографу камам.

О чем уведомлено Ваше Престо-
родительство для сведения и на-
мерено во свое время распоря-
жения.

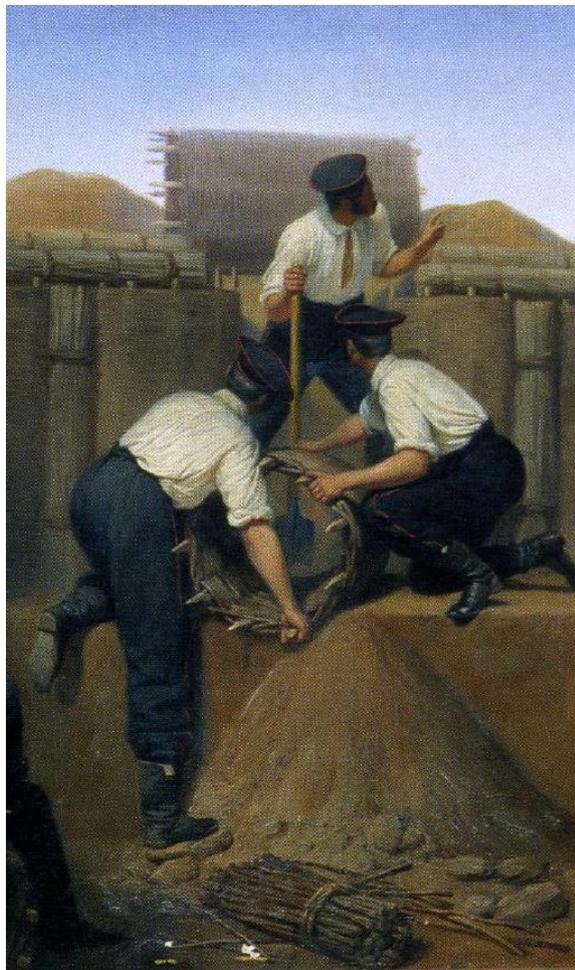
Генерал Адютант В. П. М. А.

К. В. С. 2. 1832

№ 633

19 Мая 1832
Т. П. Мусхелишвили

Обычно крепостные работы велись в период между апрелем и октябрём. Согласно Правилам для сохранения здоровья солдат в войсках Отдельного Кавказского корпуса, утвержденным его командиром генерал-адъютантом бароном Розеном, начинать их следовало «по утру в 3 часа и пополудни в 4; оканчивать: по утру в 9, а в вечеру в 8 часов»⁴⁵⁰.

Фрагменты картин художника А.И. Гебенса, изображающих производство фортификационных работ. 1850-1851 гг.⁴⁵¹

Возведение фортификационных сооружений осуществлялось в соответствии с месячными ведомостями, содержащими конкретные объекты и объемы работ, расчеты необходимых материалов и трудозатрат. В качестве примера можно привести итоговую страницу одного из таких документов за сентябрь 1834 г., составленного военным инженером подполковником Кохом и подписанного комендантом полковником Чайковским:

«.... К сему исчислению представляется от Геленджикского коменданта к соображению:

⁴⁵⁰ Свод военных постановлений. Часть III кн. 1. Приложение VI. Правила для сохранения здоровья солдат в войсках Отдельного Кавказского Корпуса

⁴⁵¹ Введенский Г.Э. Армейских будней летописец. Художник А.И. Гебенс. СПб, 2006. С. 34,36

По предложению полковника Баумера на устройство бастионов определено рабочих 3730^{ТБ}

А по сему исчислению на перестройку куртины требуется 5338^{МБ}

Итого рабочих..... 9068 челов.

К ежедневному наряду на работы состоит крепостных арестантов 80^{ТБ}, сим числом бастионы и куртины могут быть устроены в 148^{МБ} дней, включительно воскресные, субботние или вместо них ненастные дни; т.е. в пять месяцев.

Для скорейшего окончания оных работ, как уже разрешено назначать рабочих из армейских ежедневно по 6 человек с роты, что составляет с 4^х батальонов по 96^{ТБ} человек, почему, и дабы арестанты работали отдельно, полагаю: бастионы устроить арестантами, которыми уже и начато строение оных с 30 апреля, а куртины – армейскими нижними чинами, с платою сим только последним, какая будет разрешена высшим начальством.

Сверх рабочих по сему исчислению требуется однодневно 105 пар волов. Казенных волов, присланных сюда для возки из леса дров, на команды Комендантского управления состоит только 2 пары. Из них, по летнему ныне времени, служит для возки дров ежедневно одна пара, другая служит для возки в основание эскарпа бастионов каменных плит для фундамента, необходимого против бывающего зимою и весною сильного течения воды во рву, и других материалов...»⁴⁵².

Менее трудоемкими, но более рискованными были работы, связанные с выходом личного состава за пределы укрепления, к каковым относились рубка леса, расчистка дорог, добыча местных строительных материалов, выпас порционного скота, заготовка необходимого для него и артиллерийских лошадей фуража.

К расчистке «на небольшое пространство исподволь» дороги по ущелью Адерби к Ольгинскому тет-де-пону войска Геленджикского отряда приступили по приказанию генерал-лейтенанта Малиновского с марта 1833 г. после того как завершили устройство своего лагеря на берегу бухты⁴⁵³. Этим предполагалось оказать содействие намечаемой на следующий, 1834 г., экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова в прокладке сухопутного сообщения между Кубанью и Геленджиком. В дальнейшем эта работа понемногу продолжалась до окончательного отказа от идеи устройства Геленджикской кордонной линии, после чего усилия гарнизона были сосредоточены на расчистке и содержании в порядке дороги в сторону Суджукской бухты, позволяющей поддерживать

⁴⁵² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 126об

⁴⁵³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 66-66об

сухопутное сообщение с основанными в ней Александрийским (Кабардинским) и Новороссийским укреплениями, а затем и с Анапой.

Первоначально расчистка леса на расстояние пушечного выстрела вокруг укрепления велась с 24 ноября по 12 декабря 1831 г., а затем возобновилась с середины января 1832 г. уже с задачей вырубки всех деревьев на две с половиной версты от оборонительных верков⁴⁵⁴. По свидетельству Ф.Д. де Монпере нетронутым был оставлен лишь получивший название Екатерининской рощи «букетик деревьев, покрытых виноградом, под которым можно освежиться на расстоянии в 100 шагов к югу от ворот крепости...»⁴⁵⁵.

В последующие годы рубка леса продолжалась уже только с целью заготовки дров для приготовления пищи и отопления жилых построек в зимнее время. К началу 50-х годов XIX в. с введением отопления каменным углем надобность в посылке команд в лес за дровами резко сократилась⁴⁵⁶. В отличие от этой работы, ведущейся круглогодично, выпас порционного скота и заготовка сена носили сезонный характер. Обе они производились также не иначе как под сильным прикрытием стрелковых цепей, а зачастую и с артиллерийской поддержкой. Для вывоза заготовленных в окрестностях дров и фуража использовались как казенные батальонные повозки, так и заведенные в каждой роте артельные волы.

Наряду со службой и работой личный состав гарнизона, должно быть, занимался и строевыми обучением, «знание которых со всею основательностью и твердостью требуется от каждого воинского чина, по самому званию их». Вся воинская подготовка подразделялась на первоначальную, индивидуальную, коллективную и специализированную учебу. Первую проходили поступившие на укомплектование рекруты: сомнительного поведения или порочные под надзором унтер-офицеров и ефрейторов, прочие – специально выделенных «дядек» из числа старослужащих⁴⁵⁷. В течение шести месяцев они должны были научить молодых солдат: «1) стоять, ходить вольно, шаг вести верный как тихий, так и скорый; различным оборотам, захождениям, деплоядам, всем фронтовым построениям, быть внимательну к команде и твердо знать исполнение оной. 2) ... стоять и ходить с ружьем, заряжать его проворно, прикладываться и стрелять верно, ... всегда в цель и на разных дистанциях ... 3) приемам ружья, которые делать

⁴⁵⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 108

⁴⁵⁵ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 100, 171. Она же запечатлена и на изображении Геленджика в альбоме, приложенном к его труду

⁴⁵⁶ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 9

⁴⁵⁷ Собрание военных постановлений. Ч. III. Наказ войскам. Кн. 2. Ст. 639

поротно без малейшего насилия». Сверх того, согласно статье 642 Наказа войскам «каждый дядька, которому отдан будет на руки рекрут, обязан наставить его не только порядочному поведению, но и тому, как дать себе хороший, воинственный вид, быть не лениву, смелу, проворну, одним словом, чтобы крестьянская привычка вовсе была истреблена...»⁴⁵⁸.

В зимнее время индивидуальным обучением были охвачены и другие категории состоящих в строю нижних чинов, которые совершенствовались одиночную выправку, производство ружейных приемов, маршировку, снятие и одевание ранцев, заучивали сигналы и обучались правилам рассыпного строя. Тогда же происходило обучение всех «людей твердо отвечать по вопросам памятной книжки»⁴⁵⁹ и знать по именам и фамилиям всех начальников», а также подготовка рядовых, предполагаемых к замещению фельдфебельских и унтер-офицерских вакансий, и упражнения юнкеров в знании фронтовой службы. С наступлением весны сначала отрабатывалась «правильность и чистота фронтовой службы постепенно от малых частей до больших», а затем проводились одиночные, шереножные и ротные учения, практическое обучение рассыпному строю.

Помимо этого, специально отбираемые нижние чины прибрежных укреплений, как отмечалось ранее, проходили обучение обслуживанию орудий, а также навыкам гребли на азовских лодках.

Отдельную от основной массы солдат подготовку проходили нижние чины, отобранные к изучению фельдшерской науки, музицированию (барабанному бою, игре на горне, церковному пению) и обучению «разным мастерствам, необходимым для полкового хозяйства». Особое внимание уделялось «приготовлению хороших портных и сапожников, дабы иметь возможность не только замещать тотчас убывающих людей сего рода, но и не отвлекая людей от занятий по фронту, оканчивать постройку (*предметов обмундирования – А.Г.*) своевременно со всею ловкостью и прочностью».

Для пополнения убыли в унтер-офицерах, сверх поступающих из Сводного учебного батальона Отдельного Кавказского Корпуса, в Геленджике была сформирована своя учебная команда, которую согласно установленному порядку надлежало набирать «из людей достойнейших, по благонадежному поведению, по наружности, расторопности, по понятливости и крепкому телосложению, дабы люди сии, приготовляясь в унтер-офицеры, могли быть как в мирное, так и в военное время, в походах в самом деле против неприятеля, не утомляясь,

⁴⁵⁸ Свод военных постановление. Часть III. . Наказ войскам. Кн. 2

⁴⁵⁹ Приложение 1 к Части III кн. 1 Свода военных постановление (к статье 248): «Памятная книжка для нижних чинов»

примером для подчиненных». Их образование заключалось в усовершенствовании познаний «правил фронтовой и гарнизонной службы до такой степени, чтобы могли быть хорошими учителями по сей части, в чтении и чистописании и с выкладкою на счетах». Учебная команда, имевшая численность около 60 унтер-офицеров и рядовых, служила также оперативным резервом воинского начальника Геленджика, готовым при необходимости оказать незамедлительную поддержку подразделениям, находящимся за пределами укрепления для прикрытия работ.

Чтобы излишне не отягощать солдат в продолжение летнего времени ученье проводилось не более, как по полтора часа в день.⁴⁶⁰ При «сильных жаров» - с 4 до 5¹/₂ часов утра⁴⁶¹.

Когда приходило время приема пищи - обеда (в 12 часов дня) или ужина (в 7 часов вечера) - дежурные барабанщики били короткую повестку и потом столовый сбор, по которым личный состав собирался по капральствам и отводился для приема пищи к устроенным в укреплении кухням.

За четверть часа до вечерней зари, бившейся обыкновенно в 9 часов вечера, если не было другого приказания от коменданта (воинского начальника), игралась повестка и делалась еще одна переключка⁴⁶². Затем, по пробитии вечерней зари, проходила церемония опускания флага и закрытия ворот укрепления. В 10 часов в казармах гасились все свечи за исключением ночников с маслом, горевших всю ночь. Выставленные на бастионах и блокгаузах ночные караулы каждые четверть часа должны были подавать громко и протяжно голосовой сигнал: «Слушай!».

Исполнение гарнизоном перечисленных служебных обязанностей хотя и занимало основную часть его времени, но все же не всё. Только несение караульной службы велось круглогодично и ежедневно, тогда как работы и учебные занятия в воскресные, праздничные и ненастные дни не проводились, а в осенне-зимний период минимизировались. За счет этого личный состав имел некоторое свободное время, которым каждый мог распоряжаться по своему усмотрению, правда, в определенных рамках.

На досуге нижним чинам, например, не возбранялось «петь песни, играть в свайку и другие приличные солдату увеселения». Особенно, приветствовалось первое, поскольку, по мнению начальства, «ничто не действует на них так приятно, как музыка и песенники; с ними забывают солдаты все тягости и труды, понесенные на ученье и все свои горести. Пение, возбуждая веселый дух в

⁴⁶⁰ Свод военных постановление. Часть III кн. 1. Приложение VI. Правила для сохранения здоровья солдат в войсках Отдельного Кавказского Корпуса

⁴⁶¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1 . Д. 744. Л. 66

⁴⁶² Свод военных постановление. Часть III кн. 2. Устав о службе войск

солдате, действует благотворно и на здоровье, приводя в свободнейшее и лучшее движение легкие, а чрез то и целую массу крови»⁴⁶³. Песнопения и игры, впрочем, разрешались лишь до вечерней зари, «по пробитии же оной, все сие забавы» надлежало прекращать.

Нижние чины, исключая денщиков, теоретически могли также в неслужебное время по собственному желанию заниматься разными вольными работами и ремеслом, но, скорее всего, таких случаев представлялось в находящемся в полублокадном положении укреплении крайне мало. Семейные же, которых было в Геленджике достаточно много, очевидно, проводили его со своими близкими, вели домашнее хозяйство. Интересно, что среди солдатских жен, бывало, попадались и перешедшие в христианство черкешенки, захваченные еще девочками при попытке их вывоза в Турцию⁴⁶⁴.

В 1843 г. император согласно ходатайству командира Отдельного Кавказского корпуса, основанному на представлении начальника Черноморской береговой линии, назначил в Анапу, Новороссийск, Геленджик и Сухум по одной повивальной бабке с жалованьем 200 рублей серебром. Первой таковой в Геленджикском укреплении стала Жозефина Толвинская, назначенная туда Медицинским Департаментом Военного министерства 12 апреля 1844 г. из Повивального института, состоящего под покровительством Великой княжны Елены Павловны. В этой должности она прослужила до сентября 1845 г., после чего убыла в Новороссийск, откуда, в свою очередь, ей на замену была прислана повивальная бабка Прасковья Сусликова⁴⁶⁵. Учитывая особые условия службы в прибрежных укреплениях, император разрешил выдавать занимавшимся акушерством на Черноморской береговой линии лицам довольствие от провиантского ведомства наравне с гарнизонами тех укреплений, где они находились⁴⁶⁶.

У офицерского состава возможностей свободного времяпровождения было, безусловно, гораздо больше⁴⁶⁷. Вместе с последовавшими за ними к месту службы в Геленджик женами они в полном соответствии с существовавшим сословными

⁴⁶³ Свод военных постановлений. Часть III кн. 1. Приложение V Правила о сохранении здоровья солдат, или Опыт Военно-Медицинской Полиции. II. 109

⁴⁶⁴ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 8

⁴⁶⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 271. ЛЛ. 67, 141

⁴⁶⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 271. ЛЛ. 201-201об

⁴⁶⁷ Подробнее см.: Дубровин Алексей Владимирович. Бурные дни Кавказа. Изменение ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне. 2016. (<https://www.litres.ru/aleksey-vladimirovich-dubrovин/burnye-dni-kavkaza-izmenenie-mentalnosti-rossiyskih-oficerov-uchastvovavshih-v-kavkazskoy-voynе/>). Раздел. 3.2.

порядками составили тамошнее «благородное общество»⁴⁶⁸. По имевшимся обычаям и традициям дворянской жизни его члены, вероятно, в будни совершали совместные прогулки по Екатерининской роще, наносили друг другу визиты, а по воскресеньям и праздникам - устраивали званые обеды и вечера. Разумеется, в менее цивилизованном Геленджике такие действия были не такими регулярными как, например, в Анапе, где, по воспоминаниям М.Ф. Федорова, «раз в неделю были танцевальные вечера; семейных домов было более десяти, которые в свою очередь также не отказывали нам в семейных удовольствиях»⁴⁶⁹, но все же, видимо, в каком-то виде имели место и здесь⁴⁷⁰.

Стоит, правда, отметить, что это общество было далеко неоднородным. Если, например, генерал-майор Вагнер был женат на чопорной англичанке, знавшей только свой родной и французский языки, то в отношении других дам один из побывавших на Черноморской береговой линии офицеров высказался довольно резко: «прекрасный же пол ниже критики: черт знает, откуда христолюбивое воинство набирает этих кухарок себе в жены. Ежегодно отправляются из каждого линейного батальона офицеры в Феодосию для закупки всего необходимого для продовольствия войск и возвращаются оттуда с супругами, которых они, при закупке капусты, бураков, быков и солонины, — имеют случай узнать и полюбить»⁴⁷¹.

Помимо занятия биллиардом, имевшемся в управлении 2-го отделения, типичным для несемейных офицеров гарнизона было собираться поочередно друг у друга по вечерам для игры в карты⁴⁷². В отличие от солдат, участие которых в картежных и азартных играх, признаваемых «благовидной отраслью грабежа», каралось еще с 1801 г.⁴⁷³, это занятие в офицерской среде на Кавказе было довольно широко распространено⁴⁷⁴. Как вспоминал М.Ф. Федоров об одной из военных экспедиций на черноморском побережье: «у командира батальона днем и

⁴⁶⁸ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 171

⁴⁶⁹ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. 1840. (<http://adjutant.ru>)

⁴⁷⁰ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 5

⁴⁷¹ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 5

⁴⁷² Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Фаталист

⁴⁷³ Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801-1855: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1996. С. 205

⁴⁷⁴ Салчинкина А.Р. Карточные игры в военной повседневности Отдельного Кавказского корпуса и казачества в условиях Кавказской войны 1817-1864 гг. КубГАУ им. И.Т. Трубилина (e-mail: eclipsis@yandex.ru)

ночью шла игра»⁴⁷⁵. Особенно популярными среди военных в 30-40-х гг. XIX в. были бостон и штос⁴⁷⁶. Впрочем, для некоторых карточная игра была не только развлечением, но и способом получить прибавку к довольно скудному офицерскому жалованью. Один из новых знакомых декабриста Н.И. Лорера, недавно переведенного из Сибири в Тенгинский пехотный полк, в частности, по свойски поучал его: «На Кавказе нельзя не играть в банчишку или штосик. Не проживешь без них»⁴⁷⁷.

Более интеллектуальным занятием досуга офицеров являлось чтение, но книг на Черноморскую береговую линию завозилось крайне мало, а потому вместо газет и журналов приходилось читать приказы и приказания⁴⁷⁸. Вероятно, сведения об этом дошли до императора, поскольку он, пожелав «доставить приятное и полезное препровождение времени офицерам, находящимся в гарнизонах укреплений наших на Восточном берегу Черного моря», повелел в 1842 г., составить для них библиотеки по утвержденному им лично каталогу. В общей сложности в него вошло 68 наименований, включая, в частности, служебные издания (Воинский устав о пехотной службе, Краткое руководство к гарнизонной службе), военные произведения (Жомини «Краткое начертание военного искусства», «Описание войны 1812 г.» Михайловского-Данилевского), учебную литературу («Арифметика и алгебра», «Планиметрия», «Геометрия для светских людей», «Всеобщая география», «История государства российского» Карамзина), духовные книги, беллетристику (собрания сочинений Жуковского и Пушкина), в том числе 7 публикаций на французском языке⁴⁷⁹. Согласно сохранившейся в фонде канцелярии начальника Черноморской береговой линии квитанции от 15 мая 1843 г. о получении полного комплекта перечисленных книг, книгочитальня была заведена и в Геленджике⁴⁸⁰.

В декабре 1843 г. для пополнения на регулярной основе библиотек укреплений Восточного берега периодическими изданиями, а именно: Военным журналом, Артиллерийским журналом, Инженерными записками, военно-энциклопедическим лексиконом, а также духовными изданиями государь повелел выделить дополнительно необходимые на это суммы⁴⁸¹. Как свидетельствуют

⁴⁷⁵ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. 1840. (<http://adjutant.ru>)

⁴⁷⁶ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С. 168

⁴⁷⁷ Лорер Н.И. Записки моего времени. Глава XIX (<https://d1825.ru/viewtopic.php?id=5474&p=2>)

⁴⁷⁸ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. 1839. (<http://www.adjutant-ru.lgb.ru/kavkaz/ks03-07.htm>)

⁴⁷⁹ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 322. Л. 1-7об

⁴⁸⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 180. Л. 101

⁴⁸¹ ПСЗРИ. Т. XVIII. № 17462. «Дополнение к каталогу сочинениям, назначенным для библиотек 20^{ти} укреплений на Восточном берегу Черного моря» см.: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 180. Л. 183

документы, по крайней мере, до 1846 г. включительно библиотеки ежегодно пополнялись Военно-Ученым комитетом Военного министерства изданиями, вышедшими в свет в предшествующем году.

Наконец, еще одним «несколько разнообразившим» жизнь развлечением офицерского состава, неоднозначным с современной точки зрения, но вполне заурядным для того времени, являлась артиллерийская пальба «или по аулам, если таковые были вблизи, или по живым предметам, как-то скоту, горцам, их лошадям etc»⁴⁸².

Как видно, способы проведения свободного времени у женатых и холостых, офицеров и нижних чинов довольно сильно различались, за исключением, пожалуй, двух общих для всех отдохновений, которым придавались, не взирая ни на сословные различия, ни на семейное положение. Первое, это морское купание в летнюю пору. То, что оно было массовым явлением свидетельствует Э.В. Бриммер, который пишет, что во время одной из экспедиций «ежедневно утром и вечером, во всякую погоду, я ходил купаться. Охотников было много, весь берег кишел народом – сотни купаются, сотни глазеют»⁴⁸³. В Геленджике купания также, очевидно, имели место быть. Во всяком случае, в одном из июньских 1848 г. приказов по 2-му отделению Черноморской береговой линии генерал-майор Альбрандт предписал с наступлением жаркого времени для сбережения здоровья и опрятности нижних чинов ежедневно купаться в море, но не иначе как «по утрам и на склоне дня, отнюдь не во время солнечного зноя, и не поодиночке, а командами под благонадежным надзором»⁴⁸⁴.

Второе – это, к сожалению, непомерное пьянство, вызванное тяжелыми условиями службы в укреплениях Черноморской береговой линии. В принципе военная медицина того времени выпивать умеренно не воспрещала, ибо считалось, что «водка составляет первую отраду русского простого народа и прибежище его во всех случаях жизни. С водкой забывает он все свои печали, усталость, труды и опасности. И действительно, будучи употреблена умеренно, водка составляет напиток здоровый, помогает пищеварению, отвращает последствия сильного холода и сырости, освежает ослабленные усталостью и трудами силы, возбуждает упавший дух»⁴⁸⁵. Видимо, именно эти свойства алкоголя были особенно востребованы в укреплениях Черноморской береговой

⁴⁸² Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 9

⁴⁸³ Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-ом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. Т. 17. 1894. Глава XV (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Brimmer_E_V/text12.htm)

⁴⁸⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 744. Л. 26

⁴⁸⁵ Свод военных постановлений. Часть III кн. 1. Приложение V. Правила о сохранении здоровья солдат, или Опыт Военно-Медицинской Полиции. II. 74

линии, названных одним из современников гробницами, устроенными для живых⁴⁸⁶. Соответствующие заведения – «духаны (лавки-кабаки ...) с вином, галетами, табаком и гуриями (солдатками)» размещались в их форштадтах⁴⁸⁷.

Пили на Восточном берегу Черного моря, судя по мемуарам современников, много и разное – от привезенного из-за границы элитного шампанского до дешевых местных перцовых настоек, но «обыкновением кавказской боевой жизни, соблюдаемым и в мирной обстановке», по утверждению Н.И. Лорера, было потребление стаканами портера, который предпочитали всем другим винам⁴⁸⁸.

Следует признать правоту А.В. Дубровина, констатировавшего, что «пытаясь убежать от жизненных невзгод, офицеры слишком рьяно отдавались доступным удовольствиям»⁴⁸⁹, что приводило в ряде случаев к довольно прискорбным последствиям. Об этом, в частности, свидетельствует судьба служившего в Геленджике полковника Кузнецова, которого, по словам Ф.Д. де Монпере, «довели до суда его безумства из-за пьянства»⁴⁹⁰. Об одном из его очередных запойных припадков комендант полковник Чайковский как-то докладывал: «... У Г.[осподина] Кузнецова отобрано мною все, чем мог бы вредить себе и другим, ибо угрожал убить некоторых из дежурных по караулам за неослабностью караульного за ним надзора, на виду коего, впрочем, дозволено ему пользоваться прогулкою»⁴⁹¹.

И все же душевные болезни, порожденные неумеренным потреблением спиртных напитков, были ничто по сравнению болезнями телесными, нещадно косившими личный состав Геленджикского укрепления. О масштабах этого бедствия наглядно свидетельствуют, например, данные санитарных потерь за 1839 г., согласно которым «в четыре месяца из среднего числа гарнизона, 596 человек, заболело в месяц средним числом 64, умерло 13 человек; т.е. заболело из гарнизона 9 человек, а умирало из больных 5 человек»⁴⁹².

⁴⁸⁶ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. 1840. (<http://www.adjudant-ru.lgb.ru/kavkaz/ks03-07.htm>)

⁴⁸⁷ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 5

⁴⁸⁸ Лорер Н.И. Записки моего времени. Глава XIX (<https://d1825.ru/viewtopic.php?id=5474&p=2>)

⁴⁸⁹ Дубровин Алексей Владимирович. Бурные дни Кавказа. Изменение ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне. 2016. (<https://www.litres.ru/aleksey-vladimirovich-dubrovin/burnye-dni-kavkaza-izmenenie-mentalnosti-rossiyskih-oficerov-uchastvovavshih-v-kavkazskoy-voynе/>). Раздел. 3.2.

⁴⁹⁰ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 174

⁴⁹¹ РГВИА. Ф.13454. Оп. 3. Д. 36. Л.76

⁴⁹² Архив Раевских. Т. III. С. 63. Для сравнения: во всех Черноморских линейных батальонах в 1839 г. из 8734 человек умерло 1611, т.е. из 5¹/₃ здоровых умирал 1 (РГВИА. Ф. 13454. Оп.6. Д. 259. Л. 30)

О причинах массовых болезней в укреплениях Черноморской береговой линии уже вскользь упоминалось во второй главе настоящей работы, но важность этого вопроса для понимания условий службы в Геленджике заставляет более обстоятельно остановиться на нем.

Место, на котором было основано укрепление, оказалось невыгодным не только в тактическом ключе, но и с точки зрения санитарно-эпидемического благополучия. Его расположение на лугу в устье ручья (речки) Ххульзжий (Кутлезий) дало основание С.В. Сафонову утверждать, что «Геленджик построен на топком и болотистом месте, и климат его не так-то здоров, каналов нет, и потому, особливо во время весны и осени, испарения очень вредны и порождают много болезней»⁴⁹³. Летом было не намного лучше, ибо после того как в окрестностях укрепления были вырублены все деревья, протекающий рядом с ним ручей пересыхал, не оставляя ничего, «кроме одной вонючей лужи, которая становится весьма опасной во время жары»⁴⁹⁴.

Расположение укрепления в непосредственной близости от источников заразы служило, однако, лишь причиной заболеваний личного состава, в то время как широкое распространение болезней среди личного состава гарнизона являлось следствием слабого в целом санитарно-медицинского обеспечения армии вообще, и войск Отдельного Кавказского корпуса в частности⁴⁹⁵.

Прежде всего это выражалось в недостатке хины – самого эффективного на тот момент лечебного средства от распространенной на Восточном побережье Черного моря перемежающейся лихорадки.

Как известно, снабжение армии лекарствами и другими аптечными припасами, включая хину, с 1808 г. осуществлялось по так называемому

⁴⁹³ Сафонов С.В. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения». Одесса. 1837 (http://apsnyteka.org/1260-safonov_s_poezdka_k_beregam_chernogo_morya...html)

⁴⁹⁴ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 108-109

⁴⁹⁵ Подробнее см.: Столетие военного министерства. VII Отделение. Ч. II. Исторический очерк развития и деятельности военно-санитарного ведомства в царствование императора Николая I; Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающейся лихорадки. СПб, 1864; Салчинкина А.Р. Проблемы медицинского обеспечения Отдельного Кавказского корпуса и казачества в годы Кавказской войны 1817–1864 гг. // «Общество: философия, история, культура». Международное научное издательство «Издательский дом “Хорс”». Вып. № 10, 2019 (<https://doi.org/10.24158/fik.2019.10.6>); Она же. Эпидемическая ситуация в годы Кавказской войны 1817-1864 гг. (по воспоминаниям офицеров Отдельного Кавказского корпуса) // Общество: философия, история, культура». Международное научное издательство «Издательский дом “Хорс”». Вып. № 10, 2019 (<https://doi.org/10.24158/fik.2019.9.13>); Пылков О.С. «Средство, способствующее к смягчению нравов горцев» (о политике российских военных властей на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. по оказанию медицинской помощи коренному населению) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. ООО «Издательство “Грамота”». 2014, № 12-2 (50). С. 158-160

«полковому каталогу». После принятия в 1828 г. Госпитального устава Медицинским департаментом Военного министерства были составлены каталоги для постоянных и временных госпиталей, несколько сокращенные в 1830 г. как избыточные. Наконец, в январе 1833 г. на основании предложений специально созданной комиссии были пересмотрены и высочайше утверждены с введением в действие с 1834 г. новые полковые и госпитальные каталоги для сухопутного и морского ведомств⁴⁹⁶, согласно которым хина полагалась госпиталям в форме соли, а воинским частям – в виде хинной корки.

В августе 1835 г. Комитет министров, рассмотрев вопрос об отпуске для войск в определенном количестве хинной соли, сверх хинной корки, положенной по полковому каталогу, с высочайшего согласия разрешил для войск, расположенных в Южных, Западных и частью в Восточных местностях империи, где перемежающиеся лихорадки «свирепствуют нередко эндемически, принимают часто злокачественный характер и бывают упрямы к излечению», выдавать в год по две унции хинной соли на 1000 человек здоровых или 100 больных⁴⁹⁷.

Но, как скоро выяснилось, для Кавказа такого количества хины оказалось недостаточно «по чрезвычайному числу заболевающих в тамошнем краю лихорадками», вследствие чего командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант барон Розен просил сделать распоряжение об отпуске в находящиеся под его командованием войска и госпитали хинной соли, с уменьшением хинной корки, в следующей годовой пропорции:

на 1000 человек или 100 больных	хинная корка	хинный порошок	хинная соль
в полки, линейные батальоны и артиллерийские бригады	8 фунта	4 фунта	4 унции
в госпиталя 1 класса	5 фунтов	5 фунтов	8 унций
в госпиталя 2 класса	10 фунтов	10 фунтов	16 унций
в госпиталя 3 класса	20 фунтов	20 фунтов	32 унции
в госпиталя 4 класса	40 фунтов	40 фунтов	48 унций

Рассмотрев в марте 1837 г. соответствующую записку Министра внутренних дел, Комитет министров согласился с заключением Медицинского департамента Военного министерства, «который донес, что как свирепствующие в Закавказском крае перемежающиеся лихорадки между войсками, особенно

⁴⁹⁶ ПСЗРИ. Т. VIII. № 5884

⁴⁹⁷ ПСЗРИ. Т. X. № 8382

расположенными в Абхазии и по берегу Черного моря, бывают злокачественны и губительны, и единственным средством к прекращению сих болезней, по опытам тамошних медиков, признана хинная соль, необходимо нужно, согласно представлению корпусного командира, увеличить пропорцию сего врачебного вещества, с уменьшением количества хинной корки»⁴⁹⁸.

Как видно из этого половинчатого решения, дороговизна привозимой из заграницы хины заставляла ограничивать ее широкое применение, в результате чего, по воспоминаниям Г.И. Филипсона, «гошпиталям и лазаретам отпускалось ничтожное количество хинной соли, а суррогаты действовали слишком медленно или совсем были бесполезны. Несколько более щедрое употребление хинина, как дорогого средства, вызывало врачу замечание старшего медицинского начальства. От полковых командиров требовались покупки для лазарета добавочного количества этого спасительного средства, но не все добросовестно его исполняли»⁴⁹⁹. В целях сокращения казенных расходов для лечения от лихорадки в лазаретах использовали смесь из небольшого количества хины, смешанной с протертой полынью (*pulvisabsentiae*)⁵⁰⁰, и каломель (хлорид ртути), который считался чудодейственным лекарством почти против всех известных на то время болезней, «включая сифилис, бронхит, холеру, вросшие ногти на ногах, прорезывание зубов, подагру, туберкулез, грипп и рак»⁵⁰¹.

Точно также неудовлетворительно обстояло дело и с фармацевтическими и диетическими средствами лечения цинги. Несмотря на изданный в июне 1840 г. именной указ, объявленный Комиссариатскому департаменту Военного министерства, о снабжении госпиталей и полковых лазаретов в местах, «где болезнь эта свирепствует», бóльшим по сравнению с обыкновенным количеством медикаментов, употребляемых при лечении цинги, а также отпуске войскам лимонного сока, «который, как Его Величество припоминать изволит, весьма полезен в этой болезни»⁵⁰², добиться ее совершенного прекращения, как первоначально предполагалось, или даже заметного сокращения не удалось.

Из-за дороговизны предусмотренный табелем цинготным порциям отпуск по усмотрению врача больному в сутки или целого, или половины лимона, в военных госпиталях, обслуживающих Черноморскую береговую линию, был заменен выдачей по $\frac{1}{4}$ фунта кисло-сладких ягод (клюквы, барбариса, винограда,

⁴⁹⁸ ПСЗРИ. Т. XII. № 10162

⁴⁹⁹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 282

⁵⁰⁰ Дьячков-Тарасов Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточную войною в 1853 г. (военно-исторический очерк) // Кубанский сборник. Т. 10. 1903. С. 258

⁵⁰¹ <https://en.wikipedia.org/wiki/Calomel>

⁵⁰² ПСЗРИ. Т. XV. № 13538

смородины и т.п.)⁵⁰³, а с октября 1847 г. был прекращен также отпуск денежных средств для уплаты за лимоны и лимонный сок, которые должны были отпускаться войскам согласно приказу по Отдельному Кавказскому корпусу от 31 июля 1840 г. № 81 по 6-ти золотников или половине лимона в сутки на каждого цинготного, ибо в марте 1845 г. Комиссариатским и Медицинским департаментами Военного министерства было признано, что «сих продуктов вовсе употреблять не следует, а должно заменять их клюквою или другими дешевыми кислыми ягодами (барбарисом, ежевикой, брусникой, смородиной), клюкву, при ее отсутствии, - виноградом или вишнями, а в случае неимения ягод – уксусом»⁵⁰⁴. Понятно, что в прибрежных укреплениях практическая реализация этого решения была крайне затруднена. В связи с этим старший доктор Черноморской береговой линии в октябре 1847 г. ходатайствовал перед ее начальником генерал-адъютантом Будбергом о разрешении отпускать для обслуживающих ее госпиталей хотя бы по половине лимона в сутки⁵⁰⁵, на что в декабре того же года было получено согласие Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта Воронцова: «Вследствие представления Вашего Превосходительства от 25 минувшего октября за № 3024 я, согласно 8^{му} примечанию к Высочайше утвержденной 24 сентября 1837 года таблицы, разрешаю производить в госпиталях на вверенной Вам линии цинготным больным с марта по сентябрь месяц каждого года по назначению медиков лимоны вместо клюквы, которая, будучи доставлена издалека, портится и не только не приносит больным пользы, но может вредить им, в особенности заготовления предшествующего года, тогда как напротив лимоны в это время года привозятся на береговую линию в изобилии и продаются, как видно из помянутого рапорта Вашего, по дешевой цене»⁵⁰⁶. В июле 1848 г. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом разрешил сделать эту меру круглогодичной⁵⁰⁷.

Любопытно, что недостаток противоцинготных средств на Кавказе пытались заменить таким довольно экзотическим способом лечения, как делание цинготным больным теплой ванны из пивной гущи⁵⁰⁸.

Наряду с лекарственными средствами недоставало и медицинского персонала⁵⁰⁹. По всей вероятности, хотя это требует дополнительного изучения,

⁵⁰³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 42. Л. 203 об

⁵⁰⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 11. Д. 12. Л. 166-166об

⁵⁰⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 42. Л. 204-204об

⁵⁰⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 42. Л. 212

⁵⁰⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 42. Л. 245

⁵⁰⁸ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. 1840. (<http://www.adjutant-ru.lgb.ru/kavkaz/ks03-07.htm>)

существовавший норматив, предполагавший на 800-1000 больных одного медика⁵¹⁰, не всегда и не везде выдерживался, в том числе и вследствие того, что и сам медицинский персонал также зачастую становился жертвой заболеваний, как и пользующие ими воины. Видимо по этой причине, согласно высочайше утвержденной докладной записке Военного министра от 24 мая 1839 г., в большинстве Черноморских линейных батальонов было увеличено число обслуживающих их медиков и фельдшеров, а также выслано необходимое количество хирургических инструментов и фармакопей «нового издания»⁵¹¹. В частности, в дислоцировавшийся в Геленджике Черноморский линейный батальон № 4-го (затем, № 5-го) прибавлялось 3 медика и такое же число фельдшеров⁵¹². На случай болезни врачей в укреплениях Черноморской береговой линии в июне 1840 г. по просьбе ее начальника генерал-лейтенанта Раевского император разрешил заимствовать медиков из Феодосийского военного госпиталя, увеличив его штат до 5 врачей, сверх комплекта⁵¹³.

Как, однако, показал опыт, эти меры оказались не вполне достаточными, «ибо в тех береговых укреплениях, где состоит по одному врачу и по одному фельдшеру, положение больных часто бывает самое невыгодное, потому что за болезнью медика (что нередко случается) они остаются на руках фельдшеров; в случае же болезни и сих последних, лишаются всех врачебных пособий»⁵¹⁴. С учетом этого командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин летом 1842 г. просил усилить гарнизоны Черноморской береговой линии сверх комплекта «еще восемью медиками и десятью фельдшерами, из числа коих четыре врача и пять фельдшеров должны быть прикомандированы к Бомборскому, а остальные к Новороссийскому или Анапскому госпиталям, на тот конец, чтобы всякая потребность в медицинских чинах во всех береговых укреплениях была удовлетворена из тех пунктов немедленно по получении требований от комендантов или воинских начальников, так как командирование их туда из Грузии и Кавказской линии по исключительному положению Береговой линии сопряжено с непреодолимыми затруднениями и значительною потерей времени, в особенности зимой». Эта просьба была императором удовлетворена и даже более того, в том же самом месяце было разрешено в

⁵⁰⁹ Сведения о количестве врачей в этот период см.: Столетие военного министерства. VII Отделение. Ч. II. Исторический очерк развития и деятельности военно-санитарного ведомства в царствование императора Николая I. С. 91

⁵¹⁰ Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801-1855: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1996. С. 206

⁵¹¹ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12368

⁵¹² ПСЗРИ. Т. XIV. № 12424

⁵¹³ ПСЗРИ. Т. XV. № 13593

⁵¹⁴ ПСЗРИ. Т. XVII. № 15926

каждое укрепление Черноморской береговой линии добавить по одному младшему аптекарскому ученику⁵¹⁵. Очевидно, эти последние очень неплохо себя проявили, ибо уже в октябре 1846 г. «за отлично-усердную и долговременную службу» император утвердил решение Военного Совета по ходатайству главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом о производстве аптекарских учеников Черноморских береговых укреплений и фельдшеров Черноморских линейных батальонов из младших в старшие⁵¹⁶.

Другим механизмом привлечения врачебного персонала к службе на Восточном берегу Черного моря, как уже отмечалось во второй главе, стало распространение в 1842-1844 гг. на медицинских чиновников всех льгот, предусмотренных офицерскому составу войск Черноморской береговой линии.

Еще одним и не последним обстоятельством, также приводившим к значительным санитарным потерям, было несвоевременное оказание лечебной помощи. По этому поводу командующий войсками Кавказской линии и Черномории в своем приказе № 16 от 2 мая 1847 г. предписывал «отнюдь не задерживать заболевающих нижних чинов при командах, а тот же час, как только окажутся в них малейшие признаки болезней, отправлять в госпитали полковые и батальонные лазареты, а главным докторам госпиталей, полковым и батальонным лекарям вменяю в строгую и непрременную обязанность о каждом задержанном при команде больном доносить Г.[осподину] Старшему доктору войск для доклада мне ..., чтобы без излишней переписки и без напрасной потери времени можно было сделать взыскание с виновного»⁵¹⁷. Хотя к этому времени Черноморская береговая линия была уже самостоятельной административной структурой, подчинявшейся непосредственно корпусному командиру, представляется, что аналогичные проблемы были и там, причем в гораздо больших масштабах, ведь логистика между прибрежными укреплениями и «большой землей» была, как известно, сильно затруднена.

На правительственном и корпусном уровнях принимались и другие меры к улучшению медицинского обеспечения войск, носящие более общий характер. Так, в частности, в 1835 г. по Отдельному Кавказскому корпусу был отдан приказ с «изложением предохранительных правил для сбережения здоровья людей»⁵¹⁸; с 1838 г. войска на Черноморской береговой линии снабжались медикаментами в

⁵¹⁵ ПСЗРИ. Т. XVII. № 15994, Т. XVIII. № 17414

⁵¹⁶ ПСЗРИ. Т. XXI. № 20507

⁵¹⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 11. Д. 11. Л 37об-38

⁵¹⁸ Свод военных постановлений. Часть III кн. 1. Приложение VI. Правила для сохранения здоровья солдат в войсках Отдельного Кавказского Корпуса

двухгодовой пропорции⁵¹⁹, в декабре 1841 г. утверждены каталоги медикаментам и аптечным припасам, назначенным для постоянных и временных военных госпиталей, а также полков и команд Отдельного Кавказского корпуса, во всех отношениях превосходящие аналогичные каталоги для остальной армии⁵²⁰; в феврале 1844 г. в Отдельный Кавказский корпус сверх комплекта были назначены 50 медицинских чинов, «дабы означенные чины по усмотрению Штаб-Доктора корпуса и Старшего доктора на Кавказской линии были командированы в учреждаемые военно-временные госпитали и в те места, где экстренная встретится в них надобность»⁵²¹; в декабре 1844 г. в 3-е отделение Черноморской береговой линии для обозрения местных лазаретов назначен старший медик⁵²²; в июне 1846 г. на Кавказ направлено дополнительное число медицинских чинов для полного укомплектования штатных должностей, а также имения 50 врачей сверх комплекта⁵²³; в мае 1847 г. при госпиталях, штабах отдельных корпусов и линий, включая штабы Отдельного Кавказского корпуса и Черноморской береговой линии, учреждены военно-медицинские библиотеки⁵²⁴, в феврале 1848 г. при Черноморских линейных батальонах учреждены околотки, «в которых возможно лучше содержать выписываемых из лазаретов нижних чинов прежде совершенного их поправления здоровья»⁵²⁵.

Особой мерой, принятой для ограждения укреплений, расположенных по северо-восточному берегу Черного моря, «от внесения в оныя заразы посредством судов, приходящих в Закавказский край из Новороссийских портов», стало учреждение в конце 1837 г. в Геленджике, Пицунде, Бомборах и Гаграх карантинных застав⁵²⁶, что позволило избежать широкого распространения в них холеры⁵²⁷, чумы и тифа, эпидемии которых в 30-50 гг. XIX в. периодически прокатывались по империи.

К сожалению, применение показавших достаточную эффективность карантинных мероприятий оказалось невозможным для борьбы с местными болезнями (перемежающейся лихорадкой, желчной горячкой, цингой (скорбутом) и дизентерией), в то время как другие принимаемые меры, по замечанию командира Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта барона Розена, в

⁵¹⁹ Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896. С. 370

⁵²⁰ ПСЗРИ. Т. XVI. №№ 15181-15183

⁵²¹ ПСЗРИ. Т. XIX. № 17635

⁵²² ПСЗРИ. Т. XIX. № 18566

⁵²³ ПСЗРИ. Т. XXI. № 20103

⁵²⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 11. Д. 12. Л. 103-103 об

⁵²⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 744. Л. 12об-14об

⁵²⁶ ПСЗРИ. Т. XII. № 10742

⁵²⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 876

отношении Черноморских линейных батальонов, «были малоуспешны»⁵²⁸, вследствие чего заболеваемость в них оставалась чрезмерной до самого снятия прибрежных укреплений.

Первоначально лечение больных в Геленджике велось в полковых лазаретах Нашебургского и Козловского пехотных полков. Должно быть, эти лечебные заведения по последовавшему в ноябре 1830 г. высочайшему соизволению императора, как и другие лазареты частей Отдельного Кавказского корпуса, содержались в усиленном составе - на 126 больных⁵²⁹, между тем как в других местностях согласно утвержденному в июле 1829 г. Положению о полковых лазаретах было назначено иметь таковые на 84 человека.

После расформирования весной 1834 г. обоих дислоцировавшихся в Геленджике полков их лазареты были преобразованы в лазареты сформированных там же Черноморских линейных батальонов. К этому времени занимаемые ими здания, построенные еще в первый год существования укрепления, пришли почти в полную негодность. Состояние одного из них исполняющий должность дивизионного доктора 20-й пехотной дивизии, посетивший Геленджик летом 1835 г., описывает так: «... казарма выстроена из плетня, обмазана глиною и покрыта землею. В ней помещаются все больные со всякими болезнями, а маловажные пользуются в ротах, для труднобольных имеется отдельная комната, но все подвержены течи и сырости»⁵³⁰. В рапорте на имя начальника штаба войск на Кавказской линии и Черномории генерал-майора Петрова по итогам проведенного осмотра он просил о направлении коменданту Геленджика предписания об «исправлении сих важных недостатков», каковое и было сделано в сентябре того же года. В его исполнение полковник Воецкий через месяц доложил генерал-лейтенанту Вельяминову, что занимаемые лазаретами строения по его приказанию выложены внутри сырцовым кирпичом, крыши «довольно хорошо исправлены и могут без нужды простоять наступающую зиму», но для лучшего размещения больных обоих батальонов просил разрешения в 1836 г. выстроить для них одно общее отделение⁵³¹.

Это вполне коррелировалось с именным императорским указом командиру Отдельного Кавказского корпуса от 12 июля 1836 г., предусматривавшим учреждение в Геленджике госпиталя⁵³², но оно так и не было исполнено, поскольку генерал-лейтенант Вельяминов посчитал наличие такого

⁵²⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. С. 382

⁵²⁹ ПСЗРИ. Т. VI (прибавление к Т. V). № 4071а

⁵³⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 268

⁵³¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 285-285об

⁵³² ПСЗРИ. Т. XI. № 9380

излишним⁵³³, ограничившись оставлением в нем лазаретов занимавших его Черноморских линейных батальонов.

В июле 1837 г. Военный Совет рассмотрел вопрос о полковых и батальонных лазаретах в войсках Отдельного Кавказского корпуса и постановил «лазареты при линейных батальонах Кавказского корпуса иметь на следующем основании: а) Содержать их на 42 человека, кроме тех мест, где учреждены будут госпитали, или вблизи оных. б) Если бы по обстоятельствам в том месте, где учрежден батальонный лазарет, был открыт постоянный госпиталь, то больных передавать в оный и прекращать отпуск лазаретных денег, но если госпиталь учреждается только на некоторое время, то батальонного лазарета не закрывать. в) Батальоны, имеющие свои лазареты, должны отправлять больных своих в госпитали только в случае, когда все 42 места будут заняты, или когда будут такие больные, которых пользоваться в лазарете, по недостатку способов, невозможно; из отдельных же команд, расположенных близ мест нахождения госпиталей, а в удалении от батальонных лазаретов отправлять больных в госпитали для избежания дальней перевозки в батальонные штаб-квартиры. г) Батальоны сии обязаны принимать в свои лазареты на свободные места и посторонних больных с платою ...»⁵³⁴.

Видимо, после убытия в 1837 г. Черноморского линейного батальона № 4-го для образования гарнизонов вновь созданных береговых укреплений, занимаемое его лазаретом здание было перепрофилировано. Функционирование же оставшегося лазарета Черноморского линейного батальона № 3-го (затем, № 5-го) на рубеже 30-40-х годов XIX в. было серьезно затруднено, ибо, как констатировал в отношении Геленджика корпусной командир генерал от инфантерии Головин в обзоре Черноморской береговой линии, тамошнее «гошпитальное строение совершенно ветхо»⁵³⁵.

В целях исправления этой ситуации в рамках масштабных строительных работ лета-осени 1840 г. для медицинских нужд было построено специальное здание. Неоднократно уже упоминаемый полковник Астафьев, проводивший осмотр укреплений Черноморской береговой линии в марте 1841 г., в своем отчете об увиденном в Геленджике докладывал: «Больные размещены весьма хорошо в двух лазаретах, из коих один построен из сырцового кирпича, другой – по новому плану, деревянный; оба весьма сухи и удобны, но последний во всех отношениях без сравнения лучше первого, особенно по вольному в палатах воздуху, и я смею думать, что лучшего устройства госпиталя желать

⁵³³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. С. 365, 865

⁵³⁴ ПСЗРИ. Т. XII. № 10459

⁵³⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259. Л. 6

невозможно»⁵³⁶. В 1846-1847 гг. взамен этих сооружений для больных было построено новое каменное здание⁵³⁷.

В декабре 1840 г. «Военный Совет, рассмотрев представление Комиссариатского департамента от 25 ноября относительно содержания лазаретов в некоторых Черноморских линейных батальонах и входя в положение сих батальонов, не имеющих достаточных средств к должному призрению и содержанию больных, пользующихся в их лазаретах, по чрезвычайной дороговизне, в местах расположения означенных батальонов существующей, и по крайнему затруднению сообщений в том крае, чему прочие войска отдельного Кавказского корпуса не подвергаются в такой мере, согласно с ходатайством командира отдельного Кавказского корпуса, положил: Черноморским линейным № 3, 5, 6, 7, 8 и 10 батальонам, не в пример другим, отпускать деньги на полное штатное число строевых и нестроевых нижних чинов, без зачета остатков от некомплекта людей; а за пользование сверхкомплектных и посторонних больных отпускать по 50 коп. ассигнациями в сутки на человека, доколе не будут устроены и обеспечены в том крае сухопутные сообщения»⁵³⁸. В мае следующего года такой же порядок был распространен в отношении дислоцировавшегося в Геленджикском укреплении Черноморского линейного батальона № 4-го (затем, № 5-го)⁵³⁹, а в марте 1842 г. - и на лазарет переведенного туда же Черноморского линейного батальона № 14-го (затем, № 15-го)⁵⁴⁰.

По оценке Г.И. Филипсона, «полковые лазареты большею частью были несравненно лучше (*госпиталей* – А.Г.). Полковым командирам давались большие средства для их содержания и, при внимании главного начальства, между полковыми командирами являлось соревнование в улучшении лазаретов и содержании больных»⁵⁴¹. Но все же они не могли вместить всех заболевших, поэтому наиболее тяжелых, а также сверхкомплектных больных из укреплений Черноморской береговой линии отправляли на судах в Анапский, Фанагорийский, Феодосийский, Озургетский или Екатеринодарский госпиталей, а позднее – и во вновь устроенный госпиталь в Новороссийском укреплении. Нижние чины убывали в них в составе команд: если их численность не превышала 15 человек – в сопровождении унтер-офицера, если более – обер-офицера.

⁵³⁶ Архив Раевских. Т. IV. С. 100

⁵³⁷ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 3022. Л. 35об

⁵³⁸ ПСЗРИ. Т. XV. № 14005

⁵³⁹ ПСЗРИ. Т. XVI. № 14569

⁵⁴⁰ ПСЗРИ. Т. XVII. № 15399

⁵⁴¹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 272-273

Согласно высочайше утвержденному в марте 1828 г. Уставу о неперменных военных госпиталях⁵⁴² все они, исходя из вместимости больных, были разбиты на шесть классов⁵⁴³. Судя по документам, из вышеперечисленных госпиталей только Екатеринодарский относился к III классу, т.е. был рассчитан на 500 штатных и 100 запасных мест для нижних чинов и 10 для офицерского состава. Каждый из остальных был классом ниже, имея от 100 до 250 штатных мест, по 50 запасных и 10 офицерских мест.

До учреждения военного госпиталя в Новороссийске ближайшим, а, следовательно, и основным для Геленджика был Фанагорийский госпиталь. Как отнесенный ко 2-му классу он был рассчитан на 300 человек больных и снабжен вещами на 600, но, по мнению Фанагорийского воинского начальника войскового старшины Дорошенко, «чтобы сохранить все удобства для больных и вообще строжайший порядок по госпиталю ... не должно быть более в оном в зимнее время мест как на 250 человек больных, а в летнее не более как на 450. Это мнение подтверждал и инспектор военносухопутных госпиталей генерал-майор Тишин, по Высочайшему повелению ревизовавший этот госпиталь 28 и 29 истекшего ноября [1840 г.]»⁵⁴⁴.

Сохранившееся в фонде Канцелярии начальника Черноморской береговой линии дело с перепиской по Фанагорийскому госпиталю за 1840 г. дает возможность составить некоторое⁵⁴⁵ представление о проблемах его функционирования и условиях содержания больных, о чем лечившиеся в нем Н.И. Лорер и М.Ф. Федоров предпочли в своих воспоминаниях умолчать. Из замечаний побывавших в госпитале в апреле и октябре 1840 г. должностных лиц (исполняющего должность дежурного штаб-офицера Черноморской береговой линии майора Миргородского, флигель-адъютанта гвардии капитана Назимова, старшего доктора Черноморской береговой линии) и объяснительной записки

⁵⁴² ПСЗРИ. Т. III. № 1889. «В последующие годы устав пополнялся новыми положениями. В 1837, 1838 и 1839 годах устав о неперменных военных госпиталях был вновь рассмотрен особым комитетом, собранным для этой цели, который исправил его и дополнил» (Столетие военного министерства. VII Отделение. Ч. II. Исторический очерк развития и деятельности военно-санитарного ведомства в царствование императора Николая I. С. 35)

⁵⁴³ В начале царствования Николая I насчитывался в общей сложности 81 военный госпиталь (26 госпиталей первого класса, 36 – второго, 12 – третьего, 4 – четвертого, 2 – пятого). В 1844 г. их число возросло до 107 (44 – первого класса, 42 – второго, 16 – третьего, 1 – четвертого, 3 – пятого, 1 – шестого), а к 1850 г. достигло 189 с общей вместимостью 52288 нижних чинов и офицеров (Столетие военного министерства. VII Отделение. Ч. II. Исторический очерк развития и деятельности военно-санитарного ведомства в царствование императора Николая I. С. 251-252)

⁵⁴⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 106. Л. 53

⁵⁴⁵ Выяснение условий содержания больных в госпиталях Отдельного Кавказского корпуса заслуживает отдельного большого исследования по архивным источникам, которое выходит за рамки настоящей работы

войскового старшины Дорошенко складывается весьма неутешительная картина его состояния:

в значительной части занимаемых больными и различными службами зданий требовалось исправить наружную и внутреннюю штукатурку, цоколи и фундаменты, переделать двери и в особенности окна, поскольку рамы сгнили и не имеют положенных вентиляторов для очищения воздуха, которые «можно было бы содержать открытыми, что невозможно при имеющихся ныне форточках»;

имеющиеся при 2 и 3 отделениях отхожие места весьма близко и дурно устроены, сообщают запах в сени и палаты, вследствие чего «воздух в некоторых отделениях так тяжел от отхожих мест, что не только больному, но и здоровому человеку трудно дышать им»;

в ряде зданий устроены недостаточно толстые потолки и(или) земляные полы, отчего сырость во всякое время и «значительный холод зимою, противу коего недостаточно отопление печей»;

«кроватей находится на 300 человек, между тем как помещение на 625 человек, остальные больные лежат на нарах», весьма неудобных для больных;

в зданиях №№ 15 и 20 следует устроить голландские печи;

«в котлах, где приготовлены были суп и щи, то и другое напротив было весьма дурно и без всякого почти навара; для пробы же постановлен был в особой миске очень хороший суп, конечно, посторонний к к удовлетворению больных»; хлеб не хорошо выпечен по причине худого качества муки, отпускаемой для госпиталя; в противность установленного порядка выписываемые не получают в выписной день никакой пищи;

«баня, для больных имеющиеся, ... около полуверсты от палат больничных отдалена и дорога к ней гористая, весьма неудобная особенно в ненастные погоды или зимою, отчего больные не могут своевременно пользоваться ею»;

при 4 отделении и офицерской палате вовсе не имеется отхожих мест; в госпитале отсутствует погреб, ледник и сушильня для прачечной, «где бы во всякую погоду можно сушить было белье и без которой при сырой и дождливой погоде госпиталь имеет затруднение в своевременной высушке белья, а от сего встречается остановка в перемене такового больным, особенно по экстренным случаям»;

вследствие наличия в распоряжении госпиталя лишь четырех подвод, прибывающие больные в течение долгого времени ожидают своей очереди при переезде из Тамани в Фанагорию, отстоящей на полторы версты, отчего

«некоторые трудные [больные], не получая никакого медицинского пособия, кончают жизнь на повозках»⁵⁴⁶.

Перечисленные проблемы, вкупе с почти постоянным переизбытком числа лечащихся, доходящего в иные месяцы до 700 чел., и затруднениями с назначением госпитальной прислуги из прикомандированных нижних чинов некоторых Черноморских линейных батальонов, по малоопытности не могущих «удовлетворять в полной мере ожиданию в исполнении их обязанности как следует», давали попавшим в Фанагорийский госпиталь не много шансов на выздоровление. Поэтому вовсе не следует удивляться тому, что, например, в период с 1 августа по 31 октября 1840 г. в него прибыло 1052 чел., а умерло 422⁵⁴⁷. Хотя старшина Дорошенко и утверждал, что «был свидетелем трудов чиновников Фанагорийского военного госпиталя, которые по долгу службы обязаны были заниматься со всем внимательным рачением участию больных, и с каким усердием они старались подать помощь страждущим, изыскивая к тому все возможные средства, по крайней мере сил и понятий своих, хотя эти труды не вознаграждены желаемым успехом, однако же достигали до физической невозможности принять более мер к спасению от смертности больных»⁵⁴⁸, судя по всему, многие неисправности в его деятельности были обусловлены царившими там злоупотреблениями.

К сожалению, это было не исключительными, а типичными явлениями госпитальной жизни того времени и все попытки исправить негативную ситуацию, в том числе и лично императором, оставались в конечном итоге безрезультатными. Хорошо знакомый с реальным положением вещей генерал-лейтенант Раевский считал большинство госпиталей бесполезными для Черноморской береговой линии по причине «сырости и тесноты их полуразрушенных строений», а также отдаленности и трудности доставки туда больных.

Действительно, добраться живым из прибрежных укреплений до расположенного в сотнях верст госпиталя было отнюдь не простой задачей, поскольку во время транспортировки больных судами они «не могли находить [на них] спокойного просторного и удобного помещения и довольствовались обыкновенно солдатским пайком, а лекарственных пособий не могли иметь с желаемой пользою...»⁵⁴⁹. В отдельных случаях ее продолжительность могла доходить до 6 дней⁵⁵⁰. Вследствие этого, например, в феврале 1832 г. при

⁵⁴⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 106. Л. 7об-8, 15-16, 18-18об, 52об- 55, 57-58об

⁵⁴⁷ Подсчитано по: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 106. Л. 56-57

⁵⁴⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 106. Л. 52об

⁵⁴⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 106. Л. 54об

⁵⁵⁰ См.: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 106. Л. 56-57

перевозке больных из Геленджикского укрепления в Анапский госпиталь на транспорте «Ревнитель» умерло: рядовых Нашебургского пехотного полка – 9, денщиков – 1, 21-й артиллерийской бригады 5 резервной батарейной роты канонир – 1⁵⁵¹. В дальнейшем положение, несмотря ни на увеличение числа транспортных средств, ни на повышение регулярности плавания судов, мало изменилось. В одном из своих писем генерал-лейтенант Раевский в 1841 г. отмечал все те же проблемы: «... перевозка больных на пароходах зимою невозможна: они имеют помещения только на палубе, где больные не защищены от ветра, морозов и непогоды, а при свежем ветре их неизбежно обдаёт волною. Парусные же суда по целым месяцам болтаются в море, прежде чем пристанут к укреплению на открытом рейде, чтобы взять больных и потом отвести их в Фанагорийский или Феодосийский госпитали. Там сдаются больные, которые пережили эту перевозку; но из числа их многие умирают от усиления болезни во время долгого трудного плавания»⁵⁵².

Умерших в Геленджике хоронили на гарнизонном кладбище. Как видно из фрагмента изданной в 1886 г. Главным гидрографическим управлением Морского министерства карты Геленджикской бухты, оно было устроено примерно в 300-х с небольшим метрах южнее бастиона № 2, за огородами, примерно в том месте, где ныне расположен городской стадион «Спартак».

⁵⁵¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 84. Л. 448об

⁵⁵² Архив Раевских. Т. IV. С. 63

Согласно сохранившимся метрическим книгам, ведшимся в Козловского пехотного полка церкви Успения Пресвятой Богородицы и Нашебургского пехотного полка церкви Знамени Пресвятой Богородицы, ставшей впоследствии церковью Геленджикского укрепления, на гарнизонном кладбище покоится около трех тысяч офицеров и нижних чинов православного вероисповедания, к которым следует прибавить еще не менее полутысячи военнослужащих из числа поляков-католиков, мусульман и иудеев, чьи захоронения производились, очевидно, на особых его участках⁵⁵³.

На погребение умерших православных нижних чинов выдавалась собственная рубаха и от казны гроб и холста 2¹/₂ аршина, а также венчик и разрешительная молитва, мусульман – 18 аршин холста, иудеев – 21 аршин. На погребение офицера отпускалось 7 руб. 50 коп.⁵⁵⁴ Согласно Уставу о службе войск при погребении воинских чинов надлежало непременно зарывать тела в землю не менее как на три аршина и всегда отдавать установленные почести, «не взирая ни на какие противные сему завещания покойных»⁵⁵⁵.

Списки умерших нижних чинов с октября 1839 г. согласно дополнению к §§ 72, 73 и 74 второй части Положения о сокращении переписки в войсках велись по особой форме. При этом по истечении каждого месяца командование части обязано было извещать об умершем военнослужащем гражданское начальство для объявления тем казенным и помещичьим имениям и обществам, из которых эти нижние чины поступили на службу, форма которого была также регламентирована⁵⁵⁶.

⁵⁵³ Ради справедливости следует отметить, что в Геленджикском укреплении люди не только умирали, но и рождались. Согласно тем же метрическим книгам с 1837 г. по 1854 г. в нем родилось 196 мальчиков и 185 девочек

⁵⁵⁴ Столетие военного министерства. III Отделение. Главный военно-санитарный комитет. Исторический очерк. Гл. 2. С. 21

⁵⁵⁵ Свод военных постановлений. Часть III кн. 2. Устав о службе войск. Ст. 218, 219

⁵⁵⁶ ПСЗРИ. Т. IX. № 7529, Т. XIV. № 12805

КОМАНДИРА
ГРЕНАДЕРСКАГО
НАСЛѢДНАГО
ПРИНЦА ПРУССКАГО
ПОЛКА.

Въ г. №.
Октябръ 1839 г.
№ 1731.

Форма.
Въ Ярославское Губерн-
ское Правленіе.

Въ минувшемъ Сентябрѣ мѣ-
сяцѣ померли рядовые сего
полка, уроженцы Ярославской
губерніи:

а) ЖЕНАТЫЕ.

Иванъ Федоровъ сынъ Кононовъ, Ростовскаго уѣзда,
села *такого-то*, изъ крестьянъ помѣщика NN, 7-го
числа, оставилъ на родинѣ жену Татьяну Тимоѣеву.

И такъ далѣе.

б) ХОЛОСТЫЕ.

Осипъ Сергѣевъ сынъ Серковъ, Романо-Борисоглѣб-
скаго уѣзда, села *такого-то*, изъ экономическихъ
крестьянъ, 12 числа.

И такъ далѣе.

Извѣщаю о семъ Губернское Правленіе, для за-
висящаго отъ онаго распоряженія къ объявленію о
смерти упомянутыхъ нижнихъ чиновъ тѣмъ имѣні-
ямъ и обществамъ, изъ коихъ они на службу посту-
пили. Относительно же оставшихся послѣ женатыхъ
нижнихъ чиновъ вдовъ, то благоволятъ Губернское
Правленіе выдать имъ билеты на полученіе изъ
Ярославскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона
паспортовъ, о снабженіи коими Командиру гарни-
зоннаго баталіона сообщено съ симъ вмѣстѣ.

(Подпись полковаго командира.)

Такова, «вообще говоря, далеко некрасивая была доля наших поистине несчастных линейных черноморских батальонов, составлявших оборону всей

береговой линии»⁵⁵⁷. Подобной ее делало несколько существенных обстоятельств, неблагоприятно влияющих и на физическое, и на моральное состояние личного состава дислоцировавшихся в ее укреплениях гарнизонов.

Прежде всего – это полублокадное положение, вследствие которого, в частности, геленджикскому гарнизону приходилось вести усиленную охрану довольно протяженной огневой линии укрепления и одновременно производить казенные работы по строительству (ремонту) земляных верков, расчистке территории вокруг них, обустройству ближайших дорог, разгрузке-погрузке грузов с заходящих в бухту транспортных судов, а также заниматься самообеспечением, поскольку зачастую в силу отсутствия желающих коммерческих подрядчиков или высокой стоимости доставки не было других вариантов как только организовывать производство необходимых работ и продуктов непосредственно на месте собственными силами.

В моральном отношении особо тягостным было находиться в постоянной боевой готовности, ибо, как докладывал генерал-майор Будберг: «Опасность от неприятеля бывает всегда внезапная и, следовательно, требует для охранения укрепления от покушений предприимчивого врага беспрестанно напряженного внимания и бдительности. При малейшем подозрении опасности, гарнизоны еженочно за два и за три часа до рассвета выходят в ружье, занимают свои места для обороны в случае нечаянного нападения и остаются на оных пока совсем рассветет и патруль осмотрит ближайшие окрестности укрепления. К этому можно присовокупить, что чем хуже погода, тем опасность более и, следовательно, бдительность должна быть увеличена. Дождливые темные ночи осенью и зимой гарнизоны нередко проводят под открытым небом в ружье»⁵⁵⁸. Конечно, в отношении Геленджикского укрепления это утверждение является справедливым, пожалуй, только для первых лет его существования, но и в последующие годы гарнизону приходилось быть все время начеку.

Так же тяжело переносилось пребывание в замкнутом пространстве, ограниченном укреплением и небольшой территорией вокруг него, вследствие чего «положение гарнизонов было равносильно заточению»⁵⁵⁹. Такая ситуация разительно отличалась от обычно принятого в то время расквартирования полков по обывательским квартирам в городах и окрестных ему селениях⁵⁶⁰, где нижним

⁵⁵⁷ 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Том 13. 1889. С. 378-379

(https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/1840_1841_1842_gody/text11.htm)

⁵⁵⁸ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 296. Л. 40-40об

⁵⁵⁹ Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886

(https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Drozдов_I/text4.htm)

⁵⁶⁰ Причем в городах преимущественно должны были размещаться одни полковые штабы с унтер-штабами и одна или две роты. Исключение составляли лишь части Гвардейского корпуса,

чинам не запрещалось наниматься в свободное от служебных нарядов время на частные работы⁵⁶¹. В этом случае воинская служба, по крайней мере частично, приобретала черты привычной подавляющему числу солдат крестьянской жизни, становилась для них более сносной и не такой обременительной. Равно и у офицеров имелось множество возможностей разнообразить свою жизнь всеми принятыми в благородном обществе удовольствиями. Лишение же привычного уклада воинской службы, ее однообразие в прибрежных укреплениях, чувство изолированности действовали и на тех, и на других крайне угнетающе. Служба, работа и муштра спасали от праздности, но не от скуки. Безусловно, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин был прав, считая, что наряду с непривычным климатом, вызывавшим чрезмерную смертность в войсках, и влекущим повышенные нагрузки личного состава в благоприятные для деятельности периоды года и пассивное состояние в остальные месяцы, «расслабление сил [гарнизонов прибрежных укреплений] происходит от непрерывных тревог в течение почти круглого года, от беспокойства душевного при физическом бездействии, [а] уныние, неминуемое вследствие жизни затворнической и безотрадной, повергает молодых солдат и людей малодушных в отчаяние, старослужащие предаются непомерному пьянству»⁵⁶².

Несмотря на общий вектор постепенного улучшения ситуации на Черноморской береговой линии в части жизнеобеспечения личного состава, в силу разных причин, о которых упоминалось выше, многие проблемы жизнедеятельности прибрежных укреплений так и не были решены до самого конца их существования. Прежде всего, это касается ситуации с заболеваемостью и смертностью, которая так и осталась неутешительной, хотя там «было сделано все для солдата, что только зависело от правительства: роты там ели так, как нигде на Руси, имели свои хозяйства, хорошо были укрыты от непогод, службу несли гарнизонную, походов и с их трудностями почти не имели – и все-таки страшно мерли от цинги, водянок, поносов, этих неизбежных спутников лихорадок ...»⁵⁶³.

Вместе с тем, как представляется, было бы ошибкой считать службу в Геленджике совершенно невыносимой. Наличие закрытой гавани, позволяющей производить более-менее регулярную доставку припасов, крупный по местным

размещавшиеся в Санкт-Петербурге в казарменных помещениях, но и они в летнее время выводились в Царскосельские лагеря

⁵⁶¹ Собрание военных постановлений. Ч. III. Наказ войскам. Кн. 1. Ст. 335

⁵⁶² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259. Л. 56

⁵⁶³ Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающейся лихорадки. СПб, 1864. С.166

меркам гарнизон, снижающий напряженность службы, батальонные лазареты, обширный форштадт с огородами, заведенный крупный и мелкий скот, обеспечивающий разнообразие солдатского рациона, относительное миролюбие местных горцев делали его одним из наиболее благоприятных для службы мест на всем Черкесском берегу. Одним из доказательств этому могут служить довольно многочисленные случаи выписывания военными геленджикского гарнизона своих жен и детей для постоянного проживания в укреплении, производившегося в соответствии с именованным указом от 12 июля 1836 г.⁵⁶⁴, и, соответственно, заметное увеличение к середине 50-х гг. XIX в. числа семейных солдат, а также назначение для постоянного пребывания в Геленджике повивальной бабки. И если в начале своего существования он, по словам Ф. Дюбуа де Монпере, «с горстью хижин из земли и ветвей, с его старыми усачами-воинами ...» напоминал суровый военный лагерь периода раннего Рима⁵⁶⁵, то в конце – представлял собой скорее хорошо известный почти всем тем, кто служил в Советской армии, «военный городок» с той лишь разницей, что служебно-казарменная, техническая и жилая зоны в Геленджике не имели четкого разграничения, а караулы перманентно выставлялись по «усиленному варианту несения службы».

⁵⁶⁴ ПСЗРИ. Т. XI. № 9380. Согласно Указу в качестве меры по улучшению благосостояния Черноморских линейных батальонов было разрешено «с постепенным устройством батальонных штабов иметь при каждом по одной роте женатых нижних чинов, производя женам их от казны, в продолжении четырех лет со дня прибытия на место, по одному солдатскому пайку в месяц»

⁵⁶⁵ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 175

Глава 5. Успешное начало и достойный финал

Иногда случается, что неприятель ... в близости с войском своим обретается, в намерении знатное что предпринять ... или место внезапно напасть, и взять: при таком случае ... надлежит тогда войско свое, или некоторые полки по разным местам под кровлю поставить, ежели никоим образом более в поле стоять невозможно будет, таковым образом разложить, чтоб оные при первой тревоге немедленно случится, и неприятелю сопротивление чинить могли.

Устав воинский. 1716 г. Глава 46, § 2

Как уже отмечалось в первой главе, первоначальными целями захвата Геленджикской бухты согласно одобренному императором Николаем I плану было воспрепятствование ее использования горцами для товарообмена вообще, и получения от турок средств вооруженной борьбы в частности, а также создание в ней крепости, призванной завершить предполагаемую к устройству кордонную линию от Ольгинского тет-де-пона на Кубани до побережья Черного моря. Естественно, первым шагом к исполнению монаршей воли должно было стать установление непосредственного военного контроля над этим стратегическим пунктом. Поскольку и Ф.А. Щербина⁵⁶⁶, и Ф. Дюбуа де Монпере⁵⁶⁷ приводят лишь самое общее описание высадки, что ведет к самым разным домыслам о том, как она происходила на самом деле, будет уместным поместить здесь фрагмент из рапорта Флотского в Севастополе начальника вице-адмирала Патаниоти 1-го от 9 сентября 1831 г. Главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Грейгу, дающий довольно полное представление об этой десантной операции.

«Командир отряда судов Абхазской экспедиции Флота капитан 2го ранга Немтинов в дополнение рапорта своего, изъясненного в представлении моем Вашему Высокопревосходительству от 12го числа минувшего августа за № 6344^М, донес мне, что 21го июня по взятии на бакштов десантную лодку, отправился он из Сухума на шлюпе «Диана» для соединения с Анапским отрядом. Противные ветра днем и штили ночью задерживали его в плавании до 5го июля, в которое он прибыл в Суджукскую бухту, где застал стоящими на якоре фрегаты: «Тенедос», «Эривань», бриги: «Меркурий», «Кастор» и «Пегас», катер «Жаворонок»,

⁵⁶⁶ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 11-12

⁵⁶⁷ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95

канонерские лодки «Барсук» и «Безпокойная», транспорт «Сухум-Кале» и пароход «Молния», которые он, Г.[осподин] капитан Немтинов, принял в командование свое от капитана 2го ранга Тугаринова.

Суда сии находились в сей бухте в ожидании прибытия войск в Анапу с разрешения генерал-майора Берхмана 1го по случаю потери якорей некоторыми из судов на открытом Анапском рейде. Для усиления отряда он присоединил к оному бриг «Ганимед», крейсировавший у сих берегов. 9го июля на прибывшем в Суджук-Кале призовом судне № 13 он получил уведомление от анапского коменданта господина генерал-майора Вышеславцова от 6го июля № 1628, что войска, назначенные для занятия Геленджика, к 12^{му} июлю придут в Анапу, вследствие чего, оставив в Суджукке бриг «Меркурий», потерявший руль, пароход «Молния» за неимением дров и обе канонерские лодки, с остальными судами порученного ему отряда снялся с якоря 10го июля в 10^м часов пополуночи и через 20^м часов прибыл на Анапский рейд, где 16го июля присоединился к отряду транспорт «Александр», привезший из Севастополя материалы. 2^я бригада 20^й пехотной дивизии с принадлежащей ей артиллерию под командою Г.[осподина] генерал-майора Берхмана 1го прибыла в Анапу 14го июля и расположилась лагерем пред крепости, где оставалась до 20го числа в ожидании сухопутного транспорта с шанцевыми и инженерными инструментами, с прибытием которого войска, артиллерия, принадлежащие к ней зарядные ящики и лошади, также для отряда провиант и продовольственный скот размещены на суда 21го июля и на другой день в 4 часа утра вступил под паруса для следования в Геленджик, отправя семнадцатью часами прежде в Суджук-Кале бриг «Кастор» для доставления руля на бриг «Меркурий» с предписанием командиру оного прибыть в Геленджик с канонерскими лодками и пароходом. 23го июля в час пополудни Г.[осподин] капитан 2го ранга Немтинов с порученным отрядом прибыл в Геленджикскую бухту, где застал стоящими на якоре бриг «Кастор» и канонерские лодки, а к вечеру прибыли бриг «Меркурий» и пароход «Молния».

По первоначальном осмотре берегов бухты Г.[осподин] генерал-майор Берхман предположил на другой день высадить войска на северную сторону, где место казалось самым удобным для построения крепости на отлогом и открытом месте. Соображаясь с сим предположением, он приказал командирам шлюпа «Диана», бригам «Кастор», «Пегас» и «Ганимед» и обоим канонерских лодок занять места, назначенные им в диспозиции для обстреливания берега и прикрытия десанта, что и было ими исполнено к рассвету. Но сильный ветер и большая зыбь воспрепятствовали в тот день произвести высадку. 25го июля в 7^м часов утра разместя на все гребные суда и пароход первую колонну, состоящую из одного полка с четырьмя орудиями и принадлежащими к ним

зарядными ящиками, под прикрытием морской артиллерии высадили на берег без всякого препятствия, невзирая, что неприятель показывался на высотах отдельными партиями. Вторая колонна поспела вслед за первой через полчаса. Осматриваемое место найдено Его Превосходительством удобным для построения крепости, но как воды для питья годной не оказалось, хотя и найдено болото, поросшее камышом, но очищать оное признано им не надежным, а рыть колодцы при каменистом грунте и других самонужнейших работах неуместным. Почему и решились в тот же день возвратиться на суда, дабы в случае увеличения неприятеля, не пристававшего показываться малыми партиями на высотах, не потерять напрасно людей. Обойти же всю бухту сухим путем было весьма затруднительно по свойству дороги, неудобной для артиллерии и необходимости проходить кустарником и местами закрытыми. К шести часам вечера весь десант был забран на суда в том же порядке без всякой потери с нашей стороны.

26го июля было проведено в переговорах и предположено на другой день высадить войска на южную сторону бухты. Расположа на картечный выстрел от берега все суда порученного ему отряда, с рассветом 27го числа посадили на пароход один батальон, а другой и четыре орудия с зарядными ящиками на гребные суда, которые соединились у брига «Пегас», откуда в 6^{ти} часов двинулись к берегу. Через четверть часа высадили остальные два батальона с четырьмя орудиями и вслед за сим сводный батальон матросов из 500 человек при надлежащем числе офицеров под командою капитан-лейтенанта Панютина, сформированный капитаном 2го ранга Немтиновым с судов по приказанию Его Превосходительства генерал-майора Берхмана.

При вступлении войск наших на берег неприятель открыл огонь и старался обойти левый фланг в значительных силах, пробираясь по прибрежным кустарникам. Но скопища сии были рассеяны удачным действием нашей судовой артиллерии и перестрелка с обеих сторон прекратилась. При сем ранен один рядовой Козловского пехотного полка. Южная часть берега оказалась также неудобною для построения крепости, почему в тот же день сделали рекогносцировку на восточную сторону бухты, где и нашли место, совершенно соответствующее цели, и 28го числа войска наши перешли на избранное место. При сем неприятель открыл довольно сильную перестрелку, в которой ранен один рядовой Нашебургского пехотного полка и несколько человек оконтужены. Потери же неприятельской верно определить нельзя, но видны были убитые и раненые, которых тела немедленно подбирались. По лесистому местоположению невозможно определить, как велики были силы неприятеля, удерживающегося от решительного нападения на войска наши при грозном виде судов, расположенных в самом близком расстоянии от берега, и испытывав накануне гибельные для них

действия нашей артиллерии, [противник] ограничивался нападениями одной партии, состоящей до трехсот человек, которая быстрыми движениями наших стрелков, подкрепляемых колоннами и сильным огнем с судов, была рассеяна и обращена далее в лес⁵⁶⁸. И там, где предположено построить крепость, воздвигнут Крепостной Российский флаг, с должною при том церемонией.

При сем обязанностию счел присовокупить следующее. К 6^{ти} часам вечера 27 июля присоединился к отряду катер «Сокол», прибывший из Сухума на смену брига «Ганимед». Сводный батальон во время бытности их в Геленджике находился на берегу, содействуя войскам нашим, как в отражении неприятеля, так и в успешном производстве работ для укрепления лагеря. Высадка войск на берег произведена столь быстро и в таком устройстве, что вторые колонны через четверть часа следуя за первыми, всегда имели возможность подкреплять их в случае сильного напора неприятеля в больших силах. Сим действием он, Г.[осподин] Немтинов, вполне обязан Г.[осподину] капитану 2го ранга Тугаринову, командовавшему в оба раза высадкой десанта, который при сих случаях оказал примерное усердие к пользе службы и благоразумие в распоряжениях...»⁵⁶⁹.

К этому можно лишь добавить, что «Крепостной Российский флаг» был воздвигнут в соответствии с Уставом военного флота⁵⁷⁰ и указом императора Павла I от июля 1799 г.⁵⁷¹ для четкой идентификации расположения российских войск, а также принуждения проплывающих мимо укрепления кораблей в соответствии с морским этикетом поднимать свой флаг, «по которому можно судить какого оно роду и какой нации принадлежит, чтобы в случае нужды взять необходимые меры»⁵⁷².

С момента высадки в Геленджикской бухте и устройства в ней сначала укрепленного лагеря, а затем и полноценного укрепления русские войска оказались в блокаде, причем со стороны суши она была полной. По свидетельству Г.И. Филипсона, любой посланный из Геленджика батальон «был бы истреблен никак не далее следующего дня по выходе»⁵⁷³. Все предпринятые в середине

⁵⁶⁸ Как пишет Ф. Дюбуа де Монпере, при повторной перестрелке горцы засели в одном из складов, построенных несколько лет до этого Скасси, и именно он подвергся главной атаке и сосредоточенному обстрелу корабельной артиллерии.

⁵⁶⁹ РГАВМФ. Ф.243. Оп. 1. Д. 2615. Л. 301-308. Примечательно, что в числе судов, принимавших участие в захвате Геленджика, был и прославленный бриг «Меркурий». Это в очередной раз свидетельствует о неточности размещаемой Википедии информации, утверждающей, в частности, что «получив сильные повреждения, «Меркурий» не принимал участия в дальнейших военных походах 1830-1831 годов» ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Меркурий_\(бриг,_1820\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Меркурий_(бриг,_1820)))

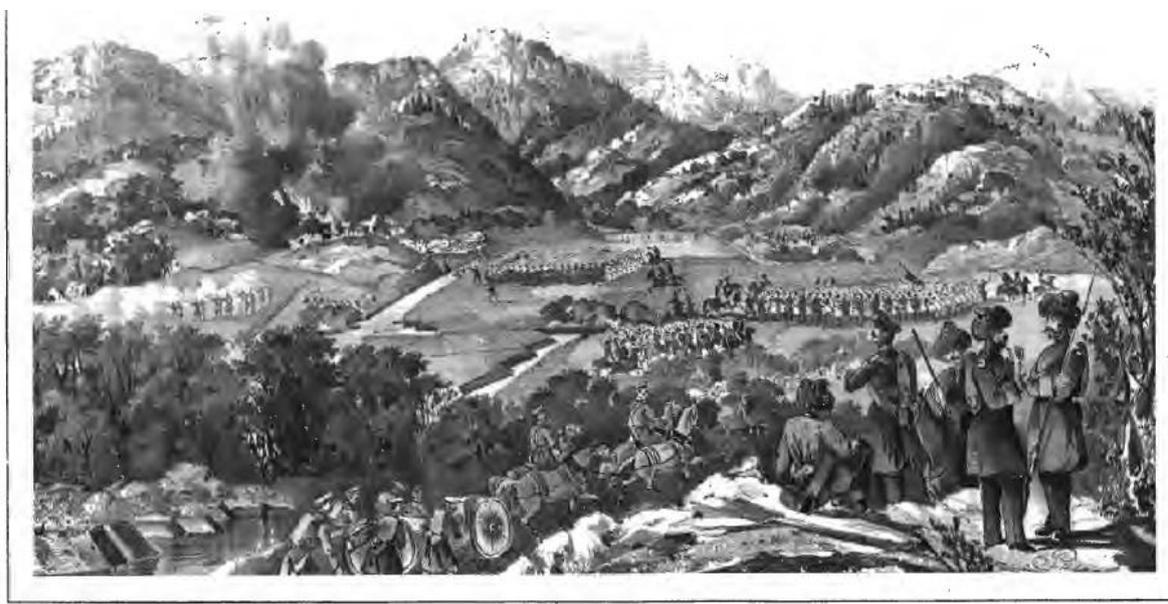
⁵⁷⁰ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXIV. № 17833

⁵⁷¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXV. № 19068

⁵⁷² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 24. Л. 3-3об

⁵⁷³ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883, № 5-6. С. 242

30-х годов XIX в. попытки устройства надежного сухопутного сообщения между рекой Кубанью и Черным морем посредством создания так называемой Геленджикской кордонной линии закончились безрезультатно⁵⁷⁴ и единственно позволили несколько раз пробиться к укреплению. О том, что все такие походы проходили в тяжелых условиях, стоили многих трудов и жертв пишет Г.И. Филипсон: «Но в первый год тут были жаркие дела: одна местность на наших картах названа Гвардейскую поляной, потому что тут в 1835 г. было убито и ранено несколько гвардейских офицеров»⁵⁷⁵. Этот боевой эпизод, в действительности произошедший в 1834 г. во время первой экспедиции к Геленджику, изображен на рисунке, помещенном в вышедшем в 1858 г. сборнике «Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе»⁵⁷⁶.

Вып. II. Кавказцы. Воспоминания.

Илл. И. Корсаков

ГВАРДЕЙСКАЯ ПОЛЯНА
ПО РЪКЪ АБИНУ ПЕРЕДЪ АУЛОМЪ БГАНА - ХАБЪ.
(ДЪЛО ГЕНЕРАЛЪ ЛЕЙТЕНАНТА ВЕЛЪЯМИНОВА 11 ЮЛЯ 1834 ГОДА.)

Описывать все эти походы в настоящей работе нет необходимости, так как, во-первых, это не относится непосредственно к ее теме, а, во-вторых, потому что по каждой из них имеются довольно многочисленные источники, включая опубликованные нарративные⁵⁷⁷. Достаточно будет лишь заметить, что русское

⁵⁷⁴ Подробнее см.: Жупанин С.О. Геленджикская кордонная линия. К истории планирования и создания // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 62-78; Соловьева Н.Т. Военные экспедиции с Кубани к Геленджику 1834-1837 гг. pdf (gelmusey.ru)

⁵⁷⁵ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883, № 5-6. С. 241

⁵⁷⁶ «Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». СПб, 1858. Вып. №№ 19-22 (<https://runivers.ru/bookreader/book406286/#page/34/mode/1up>)

⁵⁷⁷ В частности, экспедиция 1834 г., впервые проложившая путь от Ольгинского тет-де-пона до Геленджикской бухты, отражена, пусть и в несколько романтическом ключе, в «Письме из отряда,

командование, в конечном счете убедившись в бесперспективности дальнейших попыток связать Геленджик с Кавказской линией сухопутным путем, отказалось от проведения подобных крупных военных операций.

Ослабить блокаду удалось лишь после основания соответственно в 1836 г. и 1838 г. двух укреплений в Суджук-кальской бухте и возведения в 1839 г. форта Раевский, давших возможность обеспечить прокладку и более-менее стабильное функционирование пригодной для гужевого транспорта дороги, соединяющей Анапу, Новороссийск и Геленджик. Пожалуй, первым, кто прошел по ней, был начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Серебряков. В октябре 1841 г. возглавляемый им сводный отряд из 360 рядовых, двух горных единорогов и 40 казаков, выйдя из Новороссийска, в течение одного дня без сопротивления со стороны черкесов дошел по нижней части Осмнадцатигория до Геленджикского укрепления и после непродолжительного отдыха в нем вернулся обратно⁵⁷⁸. Помимо непосредственно военных целей эта дорога со временем стала использоваться также для перегона в Геленджик порционного скота, закупаемого в Черномории.

Высадившиеся в Геленджикской бухте войска одновременно с укреплением лагеря приняли также необходимые меры и к обеспечению его защиты. Строилась она в соответствии с действующими в то время правилами и положениями, которые с учетом местной кавказской специфики и накопленного здесь опыта затем легли в основу разработанного «Наставления для командующих войсками во всех укрепленных постах и вообще в отдельных укреплениях в кругу войск Отдельного Кавказского корпуса находящихся»⁵⁷⁹, вышедшего за подписью корпусного командира генерал-адъютанта барона Розена. Несмотря на некоторую замысловатость манеры изложения, обусловленной стилем написания подобных документов в первой половине XIX в., тем не менее представляется небесполезным поместить его в настоящей работе как яркую иллюстрацию представлений кавказского командования о действенных способах организации обороны и отражения нападения горцев:

действующего за Кубанью» А.А. Бестужева (Марлинского) (Русский архив, 1877, № 9. С. 106-109); экспедиции 1835 г. и 1836 г. – в «Походных записках на Кавказе с 1835 по 1842 год» М.Ф. Федорова (Кавказский сборник. Т. III, 1879 (<http://adjutant.ru>)); экспедиция 1837 г. – опять же у М.Ф. Федорова, а также у Э.В. Бриммера (Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-ом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник, т. 17, 1894, глава XV), в воспоминаниях Г.И. Филипсона (Русский архив. 1883, № 5-6) и «Н.М.» (Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Том 67. № 266. 1847), в дневнике Н.В. Симановского (Дневник. 2 апреля - 3 октября 1837 г., Кавказ // «Звезда», 1999, № 9. (<http://militera.lib.ru/db/simanovsky/index.html>) и у Г. Самсонова (Самсонов Г. Из записок старослужащего)

(<https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Samsonov/text.htm>)

⁵⁷⁸ 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Том 14. 1890. С. 333

⁵⁷⁹ РГВИА. Ф.13454. Оп. 6. Д. 119. Л. 1-2об. К сожалению, дата подписания на документе отсутствует

Назначение для командующих войсками во всех укрепленных пунктах и вообще отдельных укреплениях в кругу войск Кавказского Отдельного Корпуса находящихся.

Командующий войском в отдельном укреплении, принимает строгія мѣры для сохранения сего укреплена въ совершенной цѣлости— Онъ отнюдь не позволитъ солдатамъ ходить чрезъ брустверъ и ровъ, и прокладывать чрезъ оныя пропильки, отъ чего укрѣпленіе скоро вышло бы изъ оборонительнаго состоянія. Для удержа- нія солдатъ отъ сего вреднаго и слишкомъ обыкновеннаго злоупотребле- нія, онъ отдаетъ распределеннымъ по брустверу часовымъ нужныя на то приказанія. Подобнымъ образомъ, онъ беретъ мѣры, для сохраненія ти- шины внутри и вокругъ укрѣплена, дабы отъ несоблюденія сего не сдѣ- лалось оно мѣстопробывающимъ нестерпимымъ для жилья и здоровья людей.

Объявившіяся крутости бруствера и рва и повредившіеся банкеты онъ приказываетъ починять немедленно, употребляя на то людей изъ гарнизона и имѣя для того въ укрѣплении около 20 лошадей, 10 кирокъ и 5 топоровъ въ запасъ, ибо исправляя всё поврежденія заблаговременно и присамомъ ихъ началѣ, можно поддерживать укрѣпленіе въ оборонительномъ состояніи безъ большихъ усилій и издержекъ; напротивъ же того, давая имъ время увеличиться, оныя потребуютъ большой работы и лишннихъ из- держекъ, при томъ же должно всегда имѣть въ виду, что всякая несправ- ливость укрѣплена можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія для гарни- зона, во время непріятельскаго нападенія. При встрѣчающейся надобно- сти въ подобныхъ починкахъ, должно воздержаться отъ всякихъ переменъ профилей, какъ сіе часто дѣлаютъ, стараюсь только прикрытія солдатъ лишнюю высоту и даже заслонами посредствомъ бруствель на корнѣ бруствера, чрезъ что укрѣпленіе приводить въ состояніе неспособное къ оборонѣ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

У каждаго выхода должны быть устроены барьерныя ворота или вмѣсто оныхъ по двѣ рогатины, занимающія всю ширину выхода, когда ихъ запереть. Передъ выходомъ для перехода чрезъ ровъ, непременно должно имѣть деревянный мостъ, который въ случаѣ нападенія легко можно снести, земляныя же перешейки у выходахъ вмѣсто мостовъ вовсе не позво- лительны, въ оставленныхъ собственной обороно укрѣпленіяхъ. Во кругѣ укрѣплена нужно рачительно употреблять бурьянъ и кустарники и вообще все заслоняющіе предметы и вырывать по возможности мѣстности на разстояніе 200 или 300 сажень; если же въ очищеніи эксклавы на такую дистанцію встрѣтятся какія либо препятствія, то стараться привести мѣру сію въ исполненіе, хотя на крайчайшее разстояніе.

Когда въ укрѣплении имѣется достаточное число орудій, для занятія всехъ мѣстъ, гдѣ они съ удобствомъ могутъ дѣйствовать, то большаго калибра помѣщать наисходящихъ углахъ и фасахъ малые на фланкахъ, а одиночки преимущественно шамъ, гдѣ мѣстность предъ укрѣпленіемъ не ровная и заслонена. Когда нѣтъ достаточно орудій для занятія вто же время всехъ барбетъ и амбразуръ, то ночью орудія свозить отъ исходя- щихъ угловъ и спановить ихъ за амбразурами фланковъ, гдѣ дѣйствіе ихъ надежнѣе. Должно также наблюдать, чтобы амбразуръ барбетовъ и платформы были въ надлежащей цѣлости, а въ случаѣ, что они отъ вре- мени или употребленія испорчены, то заславить артиллерійство не- немедленно ихъ исправить имѣя при томъ въ виду, чтобы выстрѣлъ по- верхъ бруствера или чрезъ амбразуръ не выстрѣлилъ никакого препятст- вія. Пороховыя и зарядныя магазены располагать не иначе, какъ внутри укрѣплена, на сухихъ и скрытыхъ мѣстахъ и не вблизи какихъ стро- еній, которыя легко могутъ сгорѣть, какъ наприм. кухни и хуаны.

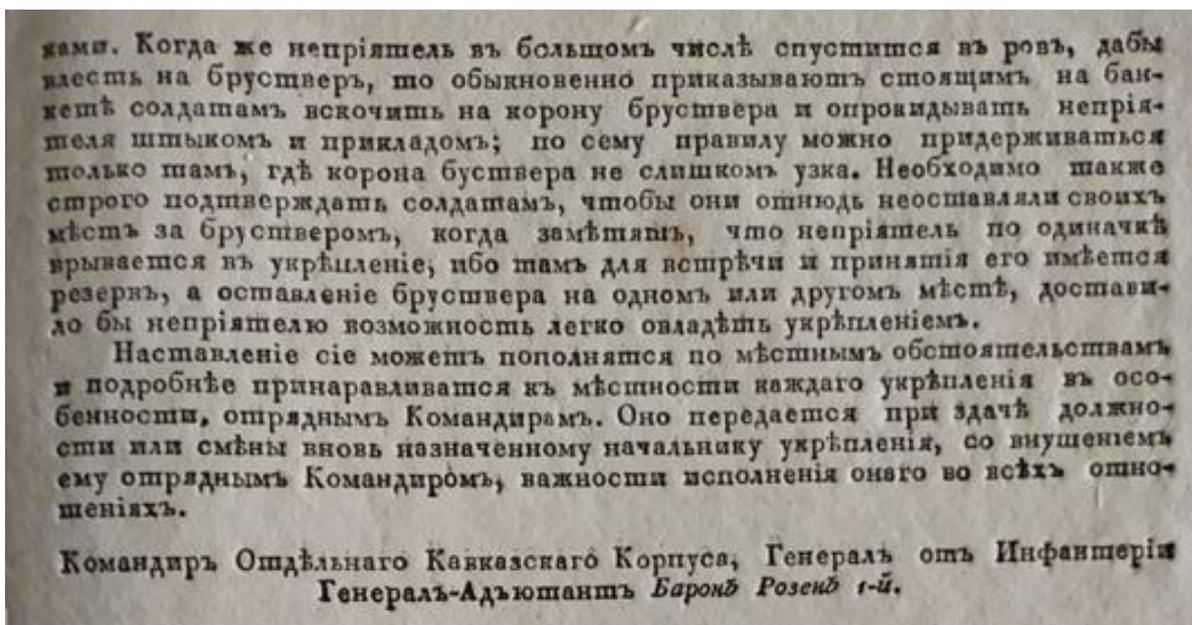
Когда по полученнымъ извѣстіямъ о приближеніи непріятеля, или по не безопасному положенію укрѣплена въ непріятельской землѣ или на границѣ, можно ожидать во всякое время появленіе непріятеля предъ онымъ, то въ дополненіе принятымъ вышеимъ Начальствомъ мѣръ, для обезпеченія укрѣплена отъ нечаяннаго нападенія, командующій въ ономъ (а), долженъ выслать часовыхъ на исходящихъ углахъ по брустверу, а ночью и во время шума даже передъ гласнымъ и на дорогахъ вѣдущихъ къ

Г). Единственность и споровность суня самая необходимая свойства Командующаго въ укрѣ- пленіи. Онъ долженъ всегда быть въ готовности и ввѣрять ихъ виду, что непріятель употре- бить все возможныя хитрости, для скрытія своихъ намереній, и будетъ стараться достигнуть на- шельца въ неприготовленный гарнизонъ.— Военная Исторія всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что почти все войска внезапно къ неприятельскія руки укрѣплена была ввѣрять отъ того, что Командующій

укреплению. Сверхъ сего въ семъ послѣднемъ случаѣ, все выходы изъ укрѣпленія должны быть заперты и снято половинное число досокъ съ моста. Ключи отъ барьерныхъ воротъ сохраняются у караульнаго Офицера или у самаго Команданша. Часовымъ ни подъ какимъ видомъ недолично позволять и даже неоставлять имъ возможности впускать кого либо ночью въ укрѣпленіе: о приходившихъ къ воротамъ, они обязаны давать знаніе караульному Унтеръ-офицеру, неупуская ни малѣйшаго времени. Если отъ непріятеля можно ожидать решительной атаки и изъ укрѣпленія не имѣется достаточно войскъ для обороны наружныхъ укрѣпленій устраивающихся обыкновенно для безопасности транспортовъ и проѣзжающихъ, то лучше ограничиться обороною одного главнаго укрѣпленія или редута, имѣя за наружными укрѣпленіемъ стрѣлковъ и легкую Артиллерию, которые при решительномъ и сильномъ натискѣ непріятеля, отступаютъ въ главное укрѣпленіе.

Когда непріятель находится въ близости укрѣпленія, то гарнизонъ оного должно раздѣлить на три части, изъ коихъ одна подъ ружьемъ стоитъ у бруствера, другая бивакируется при огняхъ, а третья отдыхаетъ въ стрѣльняхъ или землянкахъ. Но какъ скоро непріятель идетъ къ атакѣ, то весь гарнизонъ спешивается въ удобный для обороны укрѣпленія боевой порядокъ. Для сего Командующій заблаговременно долженъ предпринять некоторыя рѣшенія, пока онъ удостоверился, что Офицеры и нижніе чины занимаютъ приличныя имъ мѣста скоро и безъ малѣйшаго замѣшательства, ибо безъ сего предосторожности во время начальной атаки, часто случаются безпорядокъ и вредныя недоразумѣнія.

Хотя противъ непріятеля, отъ котораго можно ожидать искусственной и поддерживаемой артиллеріею атаки, полагають нужнымъ занимать всю линію огня двумя полными ширингами, оставая по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ цѣлаго гарнизона въ резервѣ; но обстоятельства не всегда позволяютъ имѣть полный гарнизонъ въ укрѣпленіи, равно и хорошее состояніе и вооруженіе укрѣпленія артиллеріею, и даже недостатокъ въ средствахъ со стороны непріятеля, позволяютъ иногда убавленіе числа защитниковъ. По сему Командующій наиболее долженъ руководствоваться слѣдующимъ правиломъ: опиравшись около пятой или шестой части гарнизона для резерва, распредѣливъ остальную часть людей по банкету такимъ образомъ, чтобы на флангахъ (гдѣ шакковыя есть) и въ исходящихъ углахъ, люди стояли несколько гуще примѣрно по 2 или по 3 человека на сажени, а ближе къ срединѣ линіи рѣже, по одному человеку на сажени. Резервъ остается въ срединѣ укрѣпленія на скрытомъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ мѣстѣ подъ начальствомъ надежнаго Офицера. Изъ оного спрашиваются по мѣрѣ надобности люди для подкрѣпленія атакованныхъ пунктовъ. Каждый выходъ поручается наблюдать одному Унтеръ-офицеру съ 10-ю или болѣе человекъ, а каждую амбразуру 2 или 3-мъ изъ ближайшихъ стрѣлковъ или артиллерійстовъ, для принятія штурмующаго непріятеля холоднымъ ружьемъ. Если непріятель начинаетъ перестрѣлку весьма дальняго расстоянія или изъ заслоненнымъ мѣстъ, изъ которыхъ онъ не выходитъ, что для гарнизона не опасно, да и гарнизонъ не можетъ на него сдѣлать ему большаго вреда огнестрѣльнымъ оружіемъ, то въ такомъ случаѣ и не нужно открывать противъ него сильнаго огня, а достаточно отъ времени до времени бросать гранаты и заставляя лучшихъ стрѣлковъ удерживать его въ отдаленіи, наблюдая при томъ его движенія, между тѣмъ, какъ другіе остаются у подошвы банкета. Но когда непріятель уже открылъ перестрѣлку и артиллерійской огонь, направленный выстрѣломъ показулся. Въ ночное время и днемъ, если непріятельскія стрѣлки весьма смѣло подходятъ на близкое расстояние къ укрѣпленію, артиллерійскою скоро могутъ быть перебиты, надежны, ибо днемъ артиллерійскимъ скоро могутъ быть перебиты, а ночью нельзя прицѣлываться; по сему въ укрѣпленіяхъ имѣющихъ (вообще или только на поддержаніе лучше и ночью свозить орудія съ исходящихъ угловъ и спавить ими на фланги для обстрѣливанія въ доль контръ-эскарпа и рва гдѣ дѣйствіе фланки. Весьма желательно имѣть не менѣе двухъ орудій на каждомъ укрѣпленіи, но такъ какъ въ...

Как следует из этого документа, в каждом укреплении должна была иметься своя собственная (частная) инструкция по организации обороны на случай нападения противника. Косвенно установлено, что таковую в отношении Геленджикского укрепления разработал его первый комендант полковник Чайковский, но обнаружить ее или более поздние диспозиции среди архивных документов не удалось. Лишь в уже упомянутом в первой главе описании Геленджикского укрепления инженер-подполковника Постельса 1841 г. сохранился составленный им расчет необходимого числа войск:

«Для защиты укрепления потребно:

человек

На занятие пяти бастионов, полагая на каждую погонную сажень линии огня по два человека,

Для 1го бастиона 50

Для 2го бастиона 86

Для 3го бастиона 84 356

Для 4го бастиона 66

Для 5го бастиона 70

На занятие куртин для наблюдения за неприятелем, полагая на пять погонных сажень линии огня по одному человеку, всего 70

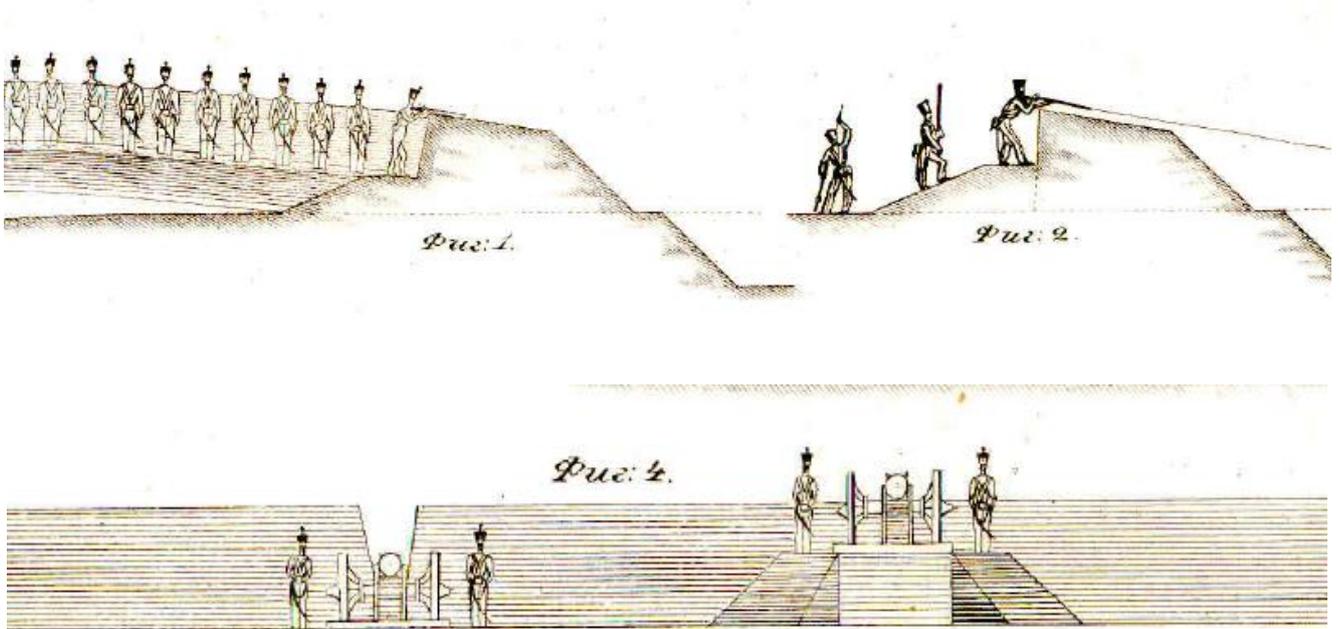
На занятие берега моря при обоих прибрежных бастионах 20

На занятие двух ворот 20

Для пожарной команды		15
Для резерва на площади укрепления		120
На занятие пяти блокгаузов,		
а) в галереях, имея штыки при подсумках, для каждого 20 человек, а для пяти	100	
б) на платформах для действия ручными гранатами, для каждого 5 человек, а для пяти	25	125
	Всего	726

Сверх того артиллеристов по числу орудий и для управления азовскую лодкою потребное число казаков»⁵⁸⁰.

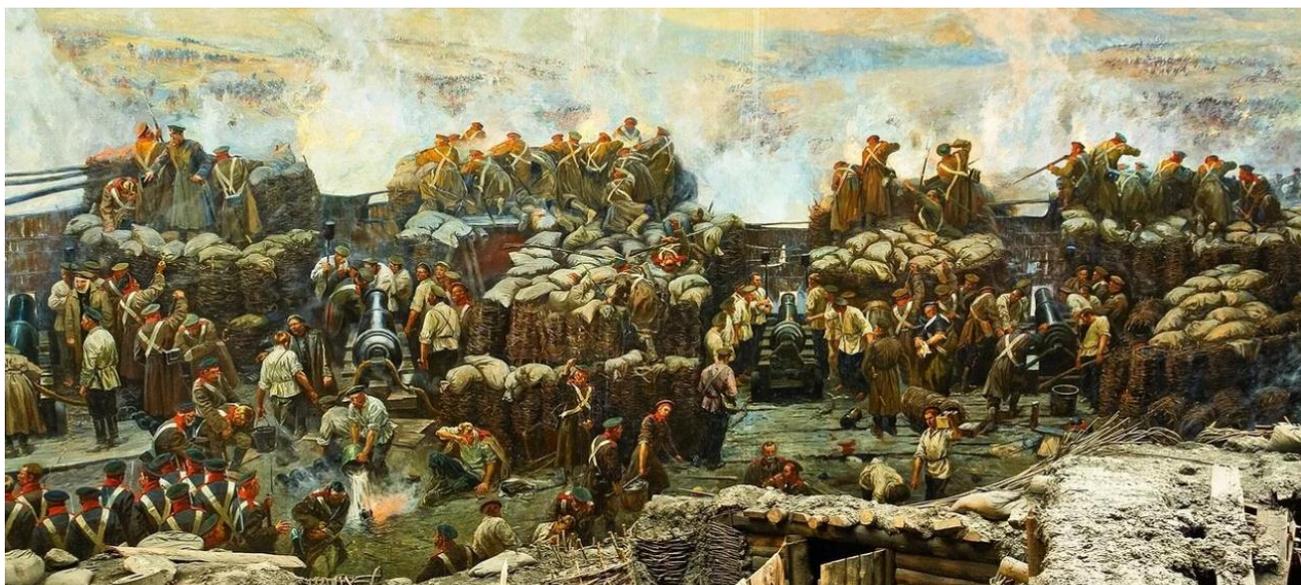
В теоретическом плане это должно было выглядеть как на рисунках из первой части учебного руководства инженер-полковника Теляковского⁵⁸¹:

а в реальной обстановке – на знаменитом панорамном полотне Ф. Рубо, посвященном отражению штурма Севастополя, предпринятого 6 июня 1855 г. союзной англо-французской армией в период Крымской (Восточной) войны:

⁵⁸⁰ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2322. Л. 60об-61

⁵⁸¹ Теляковский А. Фортификация. Ч.1. Полевая фортификация. СПб, 1848. С. 37, чертеж 8

Яндекс. Картинки

Наличие подобного документа было ненапрасной мерой предосторожности. Ф.А. Щербина отмечает, что практически с самого момента высадки в Геленджике черкесы непрерывно тревожили русские войска. Правда, за исключением приведенного им описания боестолкновения 19 октября 1831 г.⁵⁸², в остальных случаях горцы ограничивались лишь ружейным огнем.

Видимо, случаев применения гарнизоном Геленджикского укрепления диспозиции на случай прямой атаки за весь период его существования оказалось всего два. Первый раз – 4 мая 1840 г., когда «в 4 часу по полуночи горцы сделали нападение на укрепление, но гарнизоном оно было отражены без всякой потери для войск»⁵⁸³. Как ни странно, но каких-либо подробностей этого события выявить в документах РГВИА не удалось. Возможно, их следует искать в фонде канцелярии начальника Черноморской береговой линии.

Другая аналогичная попытка произошла только уже перед самым началом Крымской (Восточной) войны. В рапорте начальника Черноморской береговой линии от 3 августа 1853 г. об этом событии сообщается следующее: «19-го июля вся местность впереди этого (*Геленджикского – А.Г.*) укрепления усеялась большими толпами пеших и конных. Дерзость горцев до того возросла, что партия силою около 100 человек, понеслась к форштадту укрепления и несколько отважных наездников успела доскакать до ворот, не обращая внимания на артиллерийский огонь. Они дорого заплатились за эту дерзость, были опрокинуты и преследуемы резервом, вышедшим из ворот им навстречу. Между тем, две другие партии скакали по направлению к другим двум фронтам

⁵⁸² Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 14. Подлинник рапорта об этом происшествии см.: РГВИА. Ф. 14354. Оп. 6. Д. 50. Л. 689-689об, 704

⁵⁸³ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 3568. Л. 32об

укрепления. Для охранения от них порционного скота, пасшегося на берегу моря, воинский начальник, полковник Маслович, выслал в подкрепление к прикрытию одну роту со сводно-учебную командой и 4 азовские баркаса, которые выстроились вдоль берега. Обе партии были допущены к передовым блокадам укрепления на картечный выстрел и встречены сильным огнем, от которого пришли в беспорядок и с большою потерей обратились в бегство. До полудня гарнизон оставался в готовности для отражения неприятеля, который, по видимому, имел какое-то решительное намерение. После полудня толпы начали редеть и к 3-м часам совершенно скрылись. Посланная для осмотра ближайших балок колонна из 300 человек с одним горным орудием не нашла уже никого»⁵⁸⁴.

Хотя других серьезных угроз Геленджику в период Кавказской войны не возникало, занимавшие его войска, тем не менее были вынуждены нести круглый год напряженную сторожевую службу, поскольку, как сообщал императору новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов весной 1836 г. «Гарнизон сей (Геленджика – А.Г.) ... совершенно безопасен в укреплении; но всякий выход из онаго за водою, дровами и другими потребностями, даже для обрабатывания поблизости на удобных местах необходимых для пищи и здоровья огородов, не иначе может делаться без опасности, как в некотором числе и с оружием в руках»⁵⁸⁵.

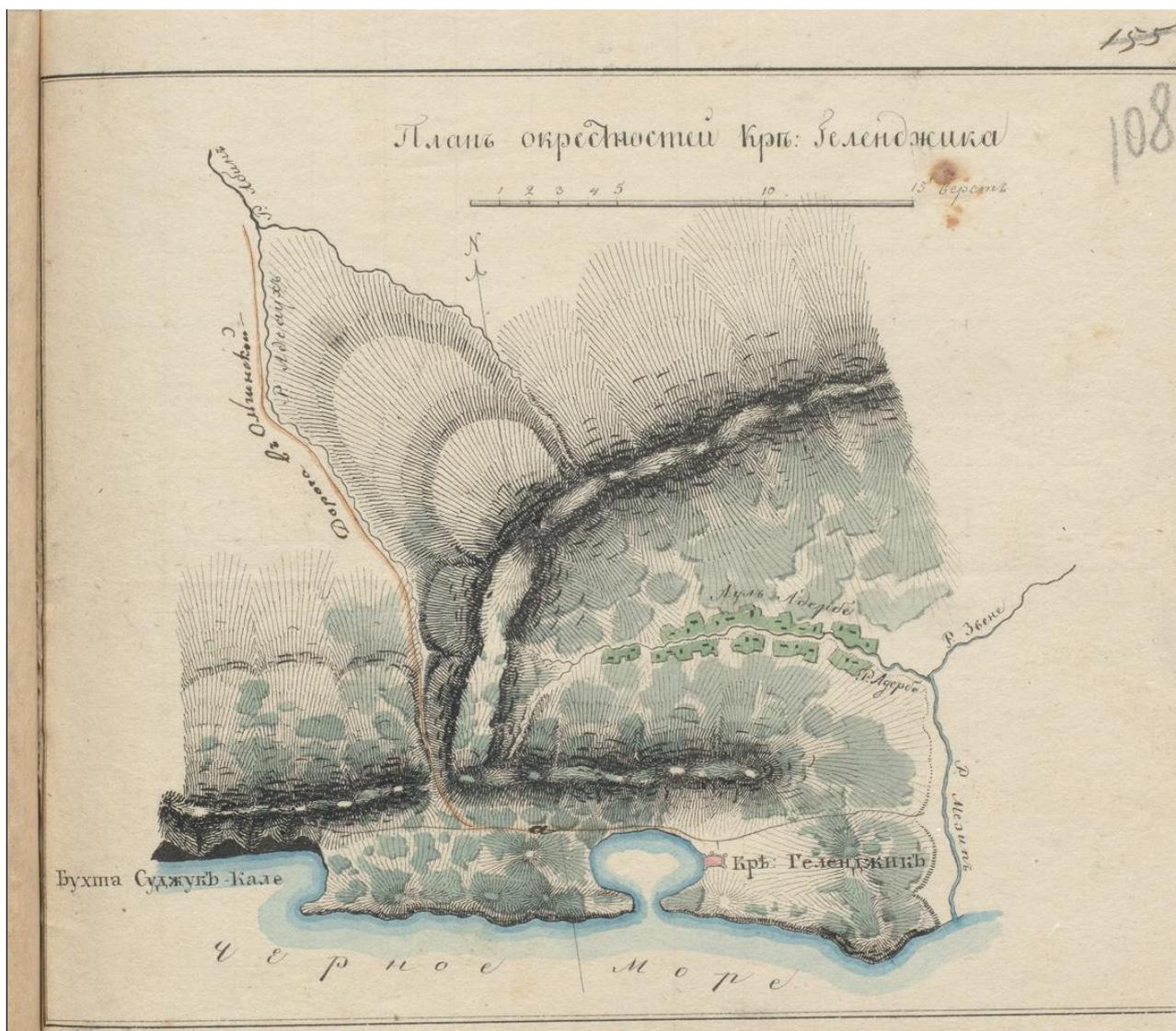
Таким образом несение караулов, будучи, несомненно, обременительной и напряженной службой, было все же менее опасным занятием, чем участие в прикрытии различных работ, производимых для обеспечения жизнедеятельности укрепления за пределами оборонительных верков. Как правило, именно в таких случаях войска подвергались нападениям горцев и несли потери.

И документальные, и нарративные источники единодушно свидетельствуют, что войскам было довольно сложно противодействовать искусно применяемым горцами методам партизанской войны. Для прикрытия работающих приходилось выделять значительные силы, но и они не гарантировали от внезапных нападений из засад и укрытий, производимых к тому же, как правило, с яростным напором. Дабы если не исключить, то хотя бы минимизировать потери «при отражении войск для рубки леса и в оказии, в местах подверженных неприятельскому нападению» старшим начальникам выходящих из укреплений колонн и начальникам, отправляющим их, предписывалось назначать опытных штаб-офицеров для командования и подкреплять стрелковые цепи «резервами

⁵⁸⁴ Опубликовано: Чтение для солдат. Журнал, издающийся с Высочайшего соизволения, под редакцией полковника И. Чекмарева. Книжка 5. Год издания VI, 1853. С. 97

⁵⁸⁵ Воронцовский «перипл» Черного моря 1836 г. // Русский архив, 1894. Вып. № 6. С. 221

достаточной силы, располагая последние таким образом, чтобы они могли поспевать на каждый угрожаемый пункт»⁵⁸⁶.

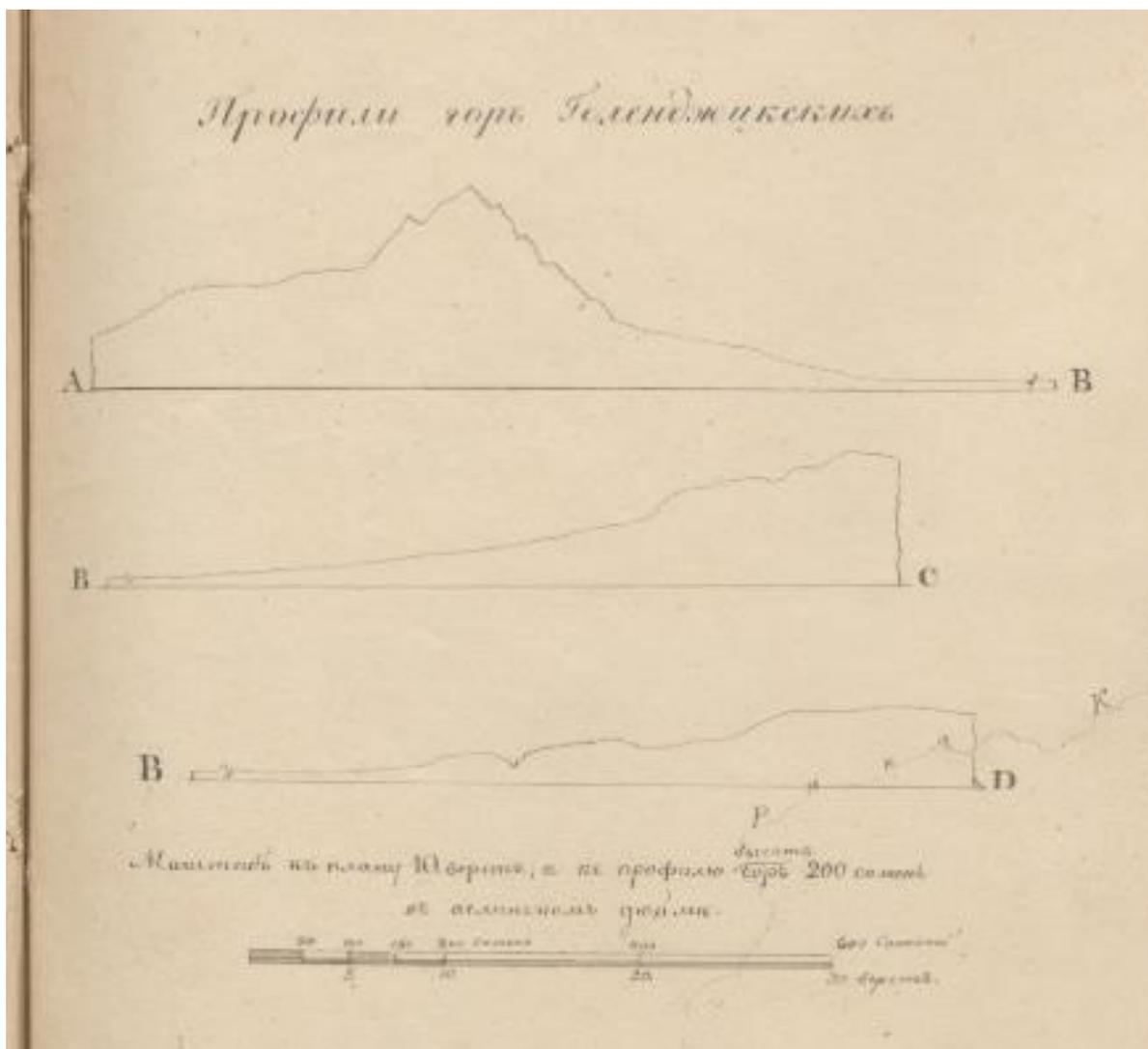
587

Такими же рискованными были и другие вылазки из укрепления, в том числе для прикрытия либо проводимых военными инженерами топографических съемок, либо сопровождения посещавших укрепление путешественников, в частности, тех же Ф. Дюбуа де Монпере и А. фон Нордмана, пожелавших осмотреть окрестности Геленджикской бухты. Первый из них с разрешения полковника Чайковского поднялся в сопровождении отряда солдат на «самую высокую точку Мерхотхи», второй - «под прикрытием 140 солдат с одною пушкою и стаей собак, которыми открывают следы черкесов, бродящих и скрывающихся в кустарниках», предпринял четыре экспедиции до подошвы гор и

⁵⁸⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 11. Д. 11 Л. 29

⁵⁸⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36 Л. 108

осмотрел окрестности на пространстве около шести верст⁵⁸⁸. Одним из результатов таких полуйсследовательских, полуразведовательных походов стали снятые по заданию генерал-лейтенанта Малиновского профили окружающих Геленджикское укрепление (В) гор по линиям: ВА – Маркотхского хребта, ВС – цепи малых возвышенностей между ним и долиной реки Мезип, ВД – высот Толстого (южного) мыса⁵⁸⁹:

В целом, характеризуя обстановку и боевые действия в районе Геленджикского укрепления следует признать, что значительных событий в течение всего периода его существования практически не было, «ибо набегии маленьких команд из крепостных гарнизонов, перестрелки на покосах и рубке дров нельзя считать событиями»⁵⁹⁰. Число таких мелких стычек год от года

⁵⁸⁸ Путешествие профессора Нордмана в Закавказский край // Журнал Министерства просвещения. СПб. 1838, октябрь. С. 402

⁵⁸⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 101

⁵⁹⁰ Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886

значительно разнилось в зависимости от возобладовавших в то или иное время настроений среди натухайцев и шапсугов⁵⁹¹. Если, например, по итогам 1846 г. Ф.А. Щербина отнес Геленджик к числу укреплений, в окрестностях которых произошло от 1 до 7⁵⁹² стычек, то в 1848 г. их случилось в три раза больше.

Поскольку «описание [всех] этих случаев в хронологическом порядке заняло бы много места и времени, не достигнув желаемого интереса»⁵⁹³, будет позволительным в целях формирования более-менее объективного представления о происходивших в районе Геленджикского укрепления военных действиях ограничиться их обзором хотя бы за упомянутый 1848 г., который оказался одним из наиболее «событийных» для его гарнизона в 40-х годах XIX в.:

«16 января Черноморского линейного № 15го батальона подпоручик Яроцкий, вопреки строгого запрещения, вышел за укрепление Геленджик на одну версту для охоты и за свою неосторожность заплатил жизнью⁵⁹⁴. Он был убит двумя горцами, которые, сняв с него оружие, успели скрыться.

25 января послана была из Геленджика колонна в числе: обер-офицеров 2^х, музыкантов 5^{ти}, унтер-офицеров 9^{ти}, рядовых 220^{ти} человек и 2^х единорогов для заготовления топлива. Во время производства работ заметно было, что горцы собираются и намерены завязать дело. Действительно, по окончании работ, когда колонна выступила обратно в Геленджик, они открыли ружейный огонь по арьергарду и боковым цепям. С нашей стороны был ранен рядовой 1

19 апреля при укреплении Геленджик партия хищников показалась на пастбищном месте. По выстрелам по ней горного единорога прикрытия выслано было из Геленджика подкрепление, которое заметив, что неприятель начал отступать, приняло такое направление чтобы пресечь ему дорогу, но неприятель, ускорив отступление, успел уклониться.

23 апреля колонна в числе: штаб-офицера 1го, обер-офицеров 6^{ти}, унтер-офицеров 12^{ти}, музыкантов 11^{ти}, рядовых 205^{ти} человек и двух горных орудий, следовавшая из укрепления Кабардинского в Геленджик в прикрытии

(https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Droz dov_I/text4.htm)

⁵⁹¹ Об их изменчивом поведении по отношению к русским в рассматриваемый период см.: Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886; Короленко П.П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Военный сборник, № 7. 1893

(https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1880-1900/Korolenko_P_P/text7.htm)

⁵⁹² Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 89

⁵⁹³ Информация о ряде стычек в районе Геленджика имеется у Ф.А. Щербины. В частности, о произошедших 1 февраля 1832 г., 14 апреля 1835 г., 12 января 1836 г., 28 марта 1837 г., 17 марта 1838 г., 28 июня 1844 г., 3 августа 1845 г. и некоторых других

⁵⁹⁴ В этой связи забавно читать вот такие размещенные в Интернете несутражности о Геленджике: «По воспоминаниям жителей города, современников Лермонтова, поэт любил прогуливаться по сосновой роще, направляясь к берегу моря. Он мог часами стоять на берегу, любясь переменчивой водной гладью» (<https://www.culture.ru/institutes/8656/pamyatnik-m-yu-lermontovu-v-gelendzhike>)

порционного скота, купленного в Черномории, имела на половине дороги перестрелку с горцами, в которой ранен был рядовой 1.

16 мая хищники намеревались препятствовать рубке дров вышедшей из Геленджика команды в числе: обер-офицеров 2^х, унтер-офицеров 5^{ти}, музыкантов 5^{ти}, рядовых 100 человек и 2^х горных единорогов. Выстрелами из орудий неприятель был рассеян

При укреплении Геленджик 9го, 10го, 15го и 17го июня показывались на сенокосе партии мутазигов и всякий раз были отбиваемы артиллерийским и оружейным огнем

В половине июля в окрестностях Геленджика показалась партия хищников, состоящая большую часть из жителей Адагума и Абина. 12 июля покушалась она отбить порционный скот гарнизона, но была отражена прикрытием и при отступлении захватила 20^{ти} штук скота, принадлежащего вольнопромышленнику, и пасшегося по его собственной неосторожности отдельно от порционного скота войск. Вне укрепления выведена была в это время одна рота Черноморского линейного № 5го батальона на ученье. Заметив, что черкесы угоняют скот в горы, ротный командир поручик Сербин быстро двинулся наперерез горцам и успел отбить скот обратно. В скором времени после того подоспела высланная из укрепления учебная команда с двумя горными орудиями на подкрепление сражавшимся с горцами и артиллерийским огнем совершенно рассеяла хищников.

18 июля Геленджикский воинский начальник подполковник Маслович получил верное известие, что та же партия горцев значительно усилилась и имеет намерение захватить порционный скот. Желая наказать хищников подполковник Маслович устроил 19го июля засаду. Он выслал порционный скот за 3 версты от укрепления в числе до 600 штук под малым прикрытием из 110 человек нижних чинов с двумя горными единорогами на местность, удобную для устройства засады. В которой скрытно расположил в то же время гренадерскую роту Черноморского линейного № 15го батальона в числе: обер-офицеров 5, унтер-офицеров 13, музыкантов 7 и гренадер 157 человек, учебную команду 2го Отделения в числе: обер-офицеров 3 и нижних чинов 98 человек и одно полевое орудие, под особым прикрытием 45 человек нижних чинов при 2^х-обер-офицерах, всего обер-офицеров 10 и нижних чинов 320 человек. Прикрытием порционного скота командовал штабс-капитан Беляев, а войсками в засаде командир Черноморского линейного № 5го батальона майор Мурзаев. В 8^{ми} часов утра неприятель показался ввиду прикрытия в числе до 900 человек и, не заметив засады, двинулся в атаку. Штабс-капитан Беляев выжидал сближения горцев на близкий оружейный выстрел и не открывал перестрелки. Спокойствие это прикрытия смутило горцев. Они на несколько минут остановились в

нерешительности, собрались густою толпою и, казалось, потеряли отвагу, но скоро оправясь от невыгодного впечатления, произведенного на них хладнокровием прикрытия, двинулись вперед, а между тем, войска, бывшие в засаде, исполняли обходное движение и заняли все места, удобные для отступления горцев, и на лучшем пути, проходящим по ущелью, выдвинуто было полевое орудие. Между прикрытием порционного скота и хищниками загорелась уже сильная перестрелка, когда последние заметили, что они окружены. Оставалось им для отступления только одна сторона по местности, поросшей густым колючим кустарником на крутизнах горной ветви. Пораженные страхом, хищники обратились во всеобщее бегство, одни бросили лошадей и спасались пешие, другие – на легких горских лошадях, способных к движениям по трудной местности, пробирались через кустарник и по крутизнам, а за хвосты их лошадей и стремяна цеплялись пешие. В быстром бегстве этом они не оказали ни малейшего сопротивления, а войска следовали за ними по пятам, пехота нагоняла конных неприятелей и сильно теснила их, преодолевая одинаковые с ними затруднения местности. Неприятель потерял убитыми 12 и ранеными 16 человек, оставив на месте боя несколько убитых лошадей. Сверх того взято было войсками 7 оседланных лошадей. С нашей стороны ранен только один рядовой двумя ударами шашкою в голову. Дело это приносит честь распорядительности подполковника Масловича и войскам, исполнявшим его приказания....

5 сентября колонна, посланная из Геленджика в лес, разгоняла артиллерийским огнем собиравшихся против нее горцев

18 октября небольшая колонна, вышедшая из Геленджика для заготовления дров, имела на обратном следовании с горцами, устроившими засаду, перестрелку, в которой ранен рядовой 1.

22 октября послана была из Геленджика колонна в числе: обер-офицеров 9^{ти}, унтер-офицеров 16^{ти}, музыкантов 10^{ти}, рядовых 228^{ти} человек и 2^х горных единорогов для следования через укрепление Кабардинское до половины пути между сим последним укреплением и крепостью Новороссийском навстречу колонне новороссийской, которая конвоировала порционный скот, купленный в Черномории для геленджикского гарнизона. На обратном пути геленджикская колонна 23го и 24го октября имела с горцами перестрелки, окончившиеся для нас без потери....⁵⁹⁵

⁵⁹⁵ В ходе этой стычки было потрачено 1193 ружейных патронов, что вызвало недовольство начальства и проведение специального служебного расследования причин избыточного расхода боеприпасов. Подробности см.: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 758. Л. 12-16, 22-29об

7го ноября при возвращении в Геленджик колонны, высланной для рубки дров, горцы преследовали арьергард и завязали с его цепью ружейную перестрелку. Огнем горных орудий они были скоро рассеяны»⁵⁹⁶.

Как видно из этого обзора, а также других архивных документов гарнизон Геленджика мог не только защищаться от нападений горцев, но и в свою очередь при удобном случае атаковал их. Рейды русских войск из укрепления обычно проводились для истребления замеченных в близлежащих к укреплению местах побережья контрабандистских турецких судов. Например, в апреле-июле 1833 г. при поддержке судов Абхазской экспедиции с этой целью было проведено пять десантов в районах Чебсин, Пшады, Джугбы и Кодоса. Имеются также сведения о двух подобных операциях в феврале (Суджук-Кале) и марте 1836 г., одной – в июне 1844 г. (Хотецай), четырех – в апреле-июле 1845 г. (Фальшивый Геленджик).

Еще одними объектами атак становились либо богатые аулы, в которых изымалась провизия, либо аулы, чьи жители проявляли явную враждебность. Такими типичными случаями были, например, разорение находящегося в нескольких верстах от укрепления в сторону Суджук-Кале аула Атсесбохо в июне 1833 г.⁵⁹⁷ или набег отряда под командованием генерал-майора Вагнера, проведенный в сентябре 1853 г. на аулы Мезыб (в районе Фальшивого Геленджика) и Адербей, в результате которого оба они были полностью разорены⁵⁹⁸.

Наряду с участием в собственных операциях вблизи укрепления, отдельные команды из частей геленджикского гарнизона нередко включались в состав сводных отрядов, ведших более масштабные боевые действия в прибрежной зоне Черного моря. В частности, летом 1842 г. к «действующему отряду»⁵⁹⁹ были прикомандированы от Черноморского линейного батальона № 5-го 112 нижних чинов, от Черноморского линейного батальона № 14-го (затем, № 15-го) – 201. Как следует из документов, в подобных случаях в первую очередь был задействован личный состав Черноморского линейного батальона № 15-го, считавшегося резервным, т.е. предназначенным для активного использования по усмотрению командования Черноморской береговой линии⁶⁰⁰. Косвенным свидетельством частого участия этой воинской части в различных боевых

⁵⁹⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 755. Л. 16-17, 50- 50об, 62, 74об-76об, 94, 106-106об, 110

⁵⁹⁷ Описание см.: Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 105-110

⁵⁹⁸ Описание см.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 697-698

⁵⁹⁹ Видимо, к отряду контр-адмирала Серебрякова, сформированного для возведения укрепления на реке Гостагай

⁶⁰⁰ Описание подобной экспедиции в ноябре 1850 г. см: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 758. Л. 164-166

операциях является его включение в число некоторых Черноморских линейных батальонов, которым по решению Военного Совета с 1854 г. отпускалась дополнительная пара сапог, как и полевым войскам Отдельного Кавказского корпуса, «находящимся большую часть года в походах и движениях»⁶⁰¹.

Помимо выполнения основной задачи по контролю над Геленджикской бухтой и ее окрестностями, тамошнее укрепление после принятия решения о продлении линии прибрежных фортов до Абхазии стало «складочным местом провианта и военных припасов, как для отряда, делающего экспедиции, так и для других укреплений построенных на берегу моря»⁶⁰². В этих целях, например, генерал-лейтенант Вельяминов планировал сосредоточить в Геленджике в 1838 г. по два полных комплекта зарядов для пешей артиллерии, четыре комплекта для горных единорогов, один комплект для ручных мортир, 600 тыс. пехотных и 10 тыс. кавалерийских патронов⁶⁰³. «Крепость Геленджика превращена в арсенал», – не без досады отметил в своих записках английский агент Э. Спенсер⁶⁰⁴, обретавший в середине 30-х годов XIX в. среди черкесов.

Кроме немалого числа боеприпасов для экспедиционных войск, а также собственных артиллерийских запасов (по 120 готовых боевых зарядов и еще на 240 зарядов запасных материалов на каждое орудие), положенных приморской крепости, к числу которых был причислен Геленджик в мае 1835 г. при разделении всех крепостей империи на приморские, пограничные и внутренние⁶⁰⁵, в нем размещались также склады интендантского ведомства. Об объемах хранимого там казенного имущества отчасти можно судить по утратам в результате приснопамятного сентябрьского пожара 1837 г.:

«В провиантском магазейне: провианта, спирту, фуража и материалов на сумму 199 234 руб. 48 коп.

Сверх того, в оном же:

гороху – 600 пудов,

солоду – 211 четвертей,

уксусу – 350 ведер.

Выгруженных на берег, не принятых в магазейн:

круп – 50 четвертей [на сумму] 516 руб. 50 коп.

⁶⁰¹ ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 27315

⁶⁰² Н.М. Воспоминания о Кавказе в 1837 г.// Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 67. № 266. 1847, гл. II (drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/N_M/text2.php)

⁶⁰³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. С. 365

⁶⁰⁴ Edmund Spenser. Travels in Circassia, Krim Tartary, etc. including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople, and round the Black Sea, in 1836. Second Edition in two volumes. Vol. II. London, 1839. P. 265

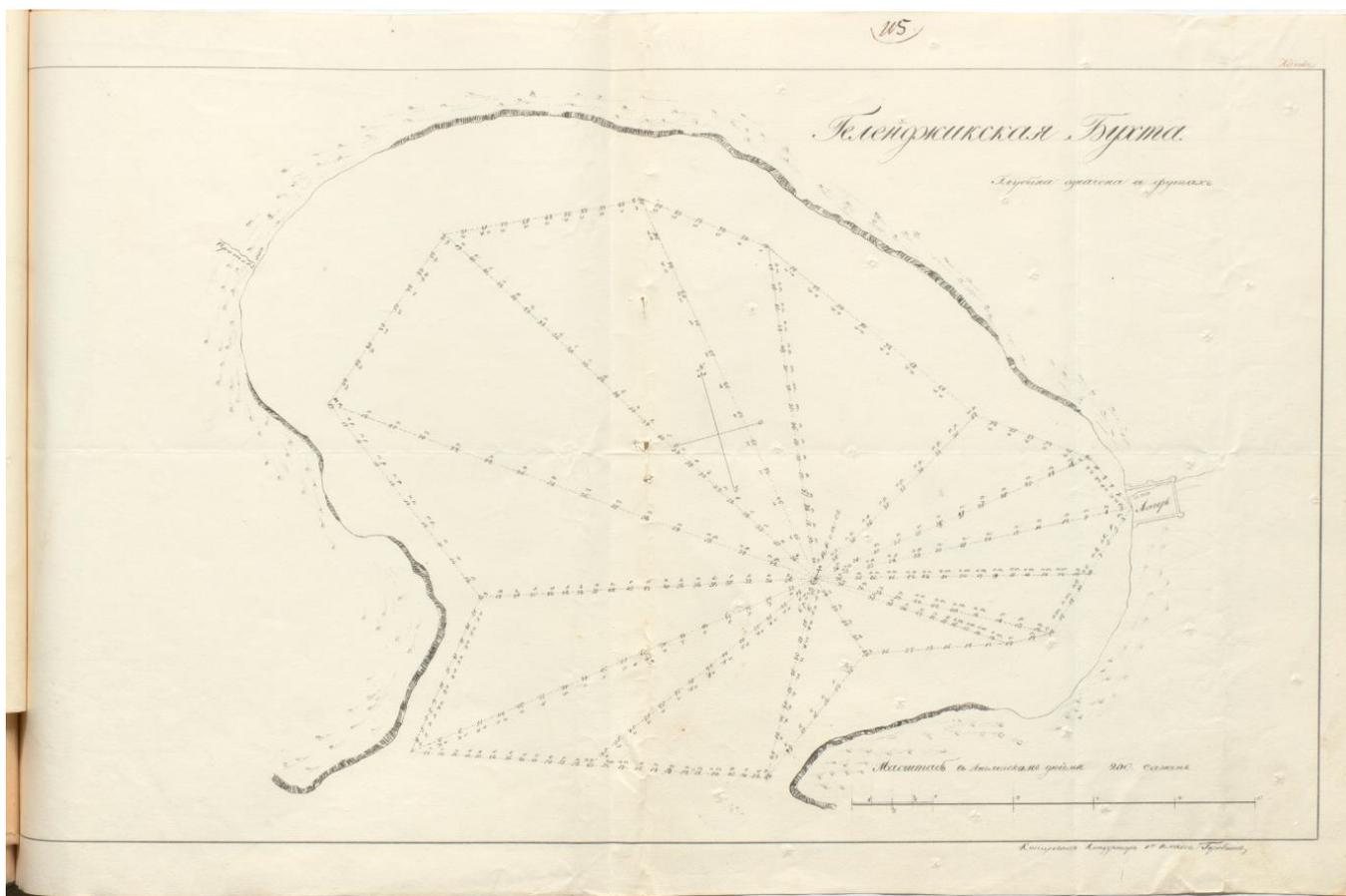
(http://apsnyteka.org/file/Spenser_Travels_in_Chircasia_II_1838_ang.pdf)

⁶⁰⁵ ПСЗРИ. Т. X. № 8106

Принятого ..., но не вывезенного из магазейна:
овса – 37 четвертей [на сумму] 338 руб. 58 коп.»⁶⁰⁶.

Хотя после основания в сентябре 1838 г. в Суджукской бухте Новороссийского укрепления к нему довольно быстро перешла ведущая роль на Восточном берегу Черного моря, Геленджик продолжал оставаться крупной военной базой, штаб-квартирой 2-го отделения Черноморской береговой линии и пунктом материально-технического обеспечения входящих в него укреплений, где по-прежнему размещались складские запасы военного имущества, а из квартирующих в нем войск, при необходимости, выделялись подкрепления для усиления гарнизонов более мелких укреплений. Одним из таких случаев, в частности, была переброска в декабре 1846 г. из Геленджика команды в количестве 71 человека из Черноморского линейного батальона № 15-го и 12 артиллеристов в форт Головинский, который накануне подвергся нападению горцев⁶⁰⁷.

Проведенные сразу после высадки войск промеры глубины Геленджикской бухты показали возможность ее использования в интересах флота⁶⁰⁸:

⁶⁰⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 1222. Л. 56-60, 82-83

⁶⁰⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 662

⁶⁰⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 115. План, к сожалению, не датирован

Поэтому основанное на ее берегу укрепление, в силу своего приморского расположения и даже иногда значась в документах как морская крепость, не могло не стать базой для Черноморского флота, который после назначения в 1833 г. его главным командиром адмирала Лазарева оказывал самую действенную поддержку фортам на Восточном берегу и проводимым там десантным операциям⁶⁰⁹. Практически с самого момента основания оно стало местом стоянки «Геленджикского» или «Северного» отряда Абхазской экспедиции судов Черноморского флота, осуществлявшей в соответствии с повелением императора крейсерование⁶¹⁰ вдоль Восточного побережья с целью воспрепятствования контрабандной торговле горцев с турками⁶¹¹. Имея одну из лучших в этой части Черного моря бухту, военные суда могли пополнять в Геленджике запасы воды и морской провизии, проводить мелкие ремонтные работы, высаживать часть экипажа на берег для отдыха. «В самом укреплении, кроме казарм, комендантского дома, и нескольких лавок с товарами, есть нечто в роде запасного Адмиралтейства, где хранятся канаты, снасти, паруса, и другие потребности флота»⁶¹², - свидетельствует один из посещавших Геленджик современников.

Корабельный состав Северного отряда Абхазской экспедиции и, соответственно, число вымпелов, находящихся в тот или иной момент непосредственно в Геленджикской бухте, постоянно менялся в зависимости от назначенных к плаванию судов и в разное время был неодинаков. Так, по состоянию на июнь 1836 г. отряд состоял из фрегата «Штандарт», шлюпа «Диана», шхуны «Курьер», люгера «Геленджик», тендеров «Сокол», «Спешный», «Луч», «Струя», «Легкий», йолов «Агамемнон» и «Улис», парохода «Метеор», транспортов «Буг», «Соперник», «Ревнитель», «Ланжерон»⁶¹³.

После увеличения в составе крейсирующего отряда числа пароходов, потребляющих вместо дров уголь, Геленджик стал для них промежуточной угольной станцией, позволяющей восполнять потребляемое ими топливо, расход которого был весьма значителен вследствие низкой экономичности первых паровых двигателей. Уже в 1838 г. начальнику Черноморской береговой линии

⁶⁰⁹ См.: Лапин В. Черноморский флот в Кавказской войне XIX в. // Морской сборник. 2007, № 1 (1922). С. 72-76; Альхаов А.А. Роль Черноморского флота в создании Черноморской береговой линии (1837-1839) // Вестник АГУ. Выпуск 4(229), 2018. С. 17-26

⁶¹⁰ См. ПСЗРИ. Т. VII. № 5209 (Правила крейсерования судам у Северо-Восточного берега Черного моря)

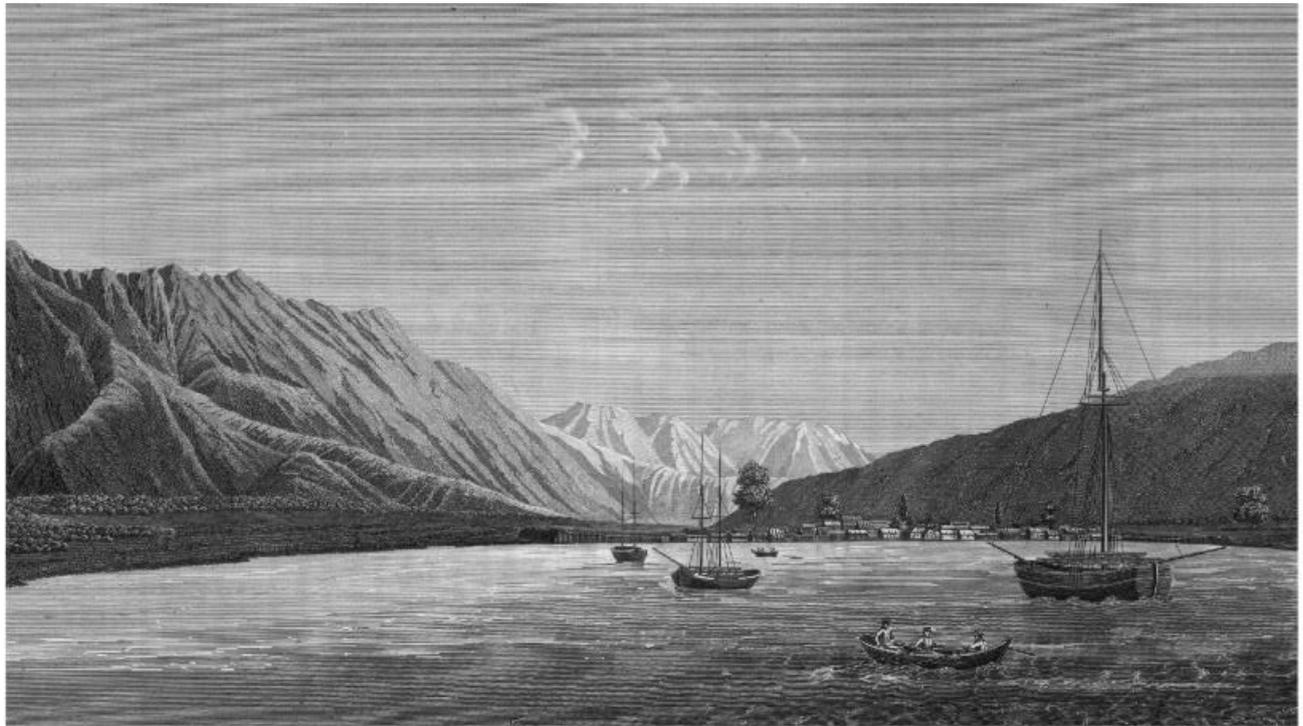
⁶¹¹ Для желающих подробно изучить ее состав и служебную деятельность можно порекомендовать обратиться к хранящемуся в РГАВМФ фонду 1054 «Отряд судов Абхазской экспедиции»

⁶¹² Н.М. Воспоминания о Кавказе в 1837 г. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 67. № 266. 1847, гл. II (drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/N_M/text2.php)

⁶¹³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 161. Л. 17-21

генерал-майору Раевскому было предписано иметь в Геленджикском укреплении не менее 25 тысяч пудов угля⁶¹⁴.

Вот таким виделся Геленджик с бортов заходящих в него судов⁶¹⁵:

Т. Грошев

ГЕЛЕНДЖИКЪ СЪ МОРЯ

Г. Грошев

Практика базирования военных кораблей в Геленджикской бухте продолжалась до начала 1840-х годов, когда командованием Черноморского флота было признано более целесообразным по окончании летней навигации уводить суда Абхазской экспедиции в Севастополь и Новороссийск, где они могли быть более основательно отремонтированы в течение зимы.

С 1837 г. одновременно с ними в укреплении стали дислоцироваться также азовские казачьи лодки, заведенные по предложению адмирала Лазарева в помощь крейсирующей эскадре, оказавшейся не в состоянии «прекратить прихода контрабандных судов к этому враждебному нам краю, не имеющему удобных портов от устья Кубани до Батума»⁶¹⁶. Как известно, для службы на них первоначально было сформировано десять команд Азовского казачьего войска⁶¹⁷,

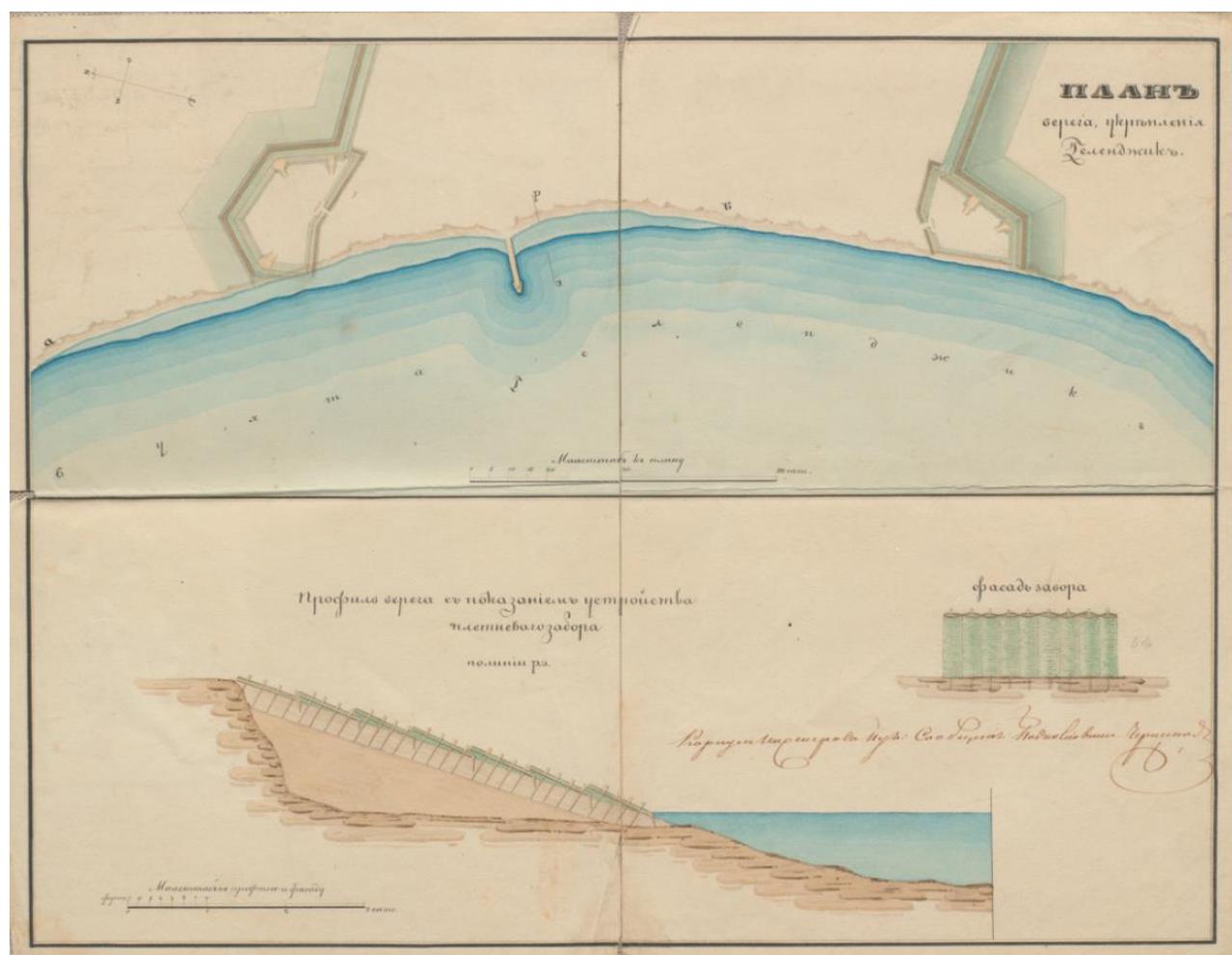
⁶¹⁴ Переписка Н.Н. Раевского с Лазаревым // Русский архив 1882 II(3). С. 136

⁶¹⁵ Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». СПб, 1858. Вып. №№ 15-16 (<https://runivers.ru/bookreader/book406286/#page/34/mode/1up>)

⁶¹⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883, № 5-6. С. 309

⁶¹⁷ Более подробную информацию о деятельности азовских команд, очевидно, можно найти в документах фонда 390 «Канцелярия начальника азовских казачьих команд при Сухумской морской станции» (ГАКК) и фонда 1071 «Сухумская морская станция» (РГАВМФ)

к которым в 1839 г. было добавлено еще пять новых⁶¹⁸. Официально в Геленджике числилась только команда азовских казаков № 4, но, судя по тому, что, говоря о Геленджике, источники обычно упоминают не одну-две, а три-четыре азовские лодки (баркасы), там базировались также лодки других команд. Именно о таком числе лодок, во всяком случае, хлопотал генерал-лейтенант Раевский, указывая на необходимость в дополнение к уже приписанным в каждом укреплении лодкам иметь еще по две в Новороссийске, Геленджике и Сухуме, поскольку «порты сии, как места, где сосредоточиваются управления, имеют более других надобности в частых сообщениях. Сверх того, при этих местах и рыбная ловля может быть более обширна, нежели на открытых рейдах других укреплений»⁶¹⁹. Скорее всего, азовские лодки были пришвартованы к сооруженному причалу, хорошо видного на «Плане берега укрепления Геленджика»⁶²⁰.

Право распоряжаться назначением времени и очереди поездок было предоставлено исключительно офицерам азовских казаков. В случаях же экстренных, воинские начальники могли посылать ладьи и не в очередь, но не

⁶¹⁸ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12635

⁶¹⁹ Архив Раевских. Т. III. С. 84

⁶²⁰ РГВИА. Ф. 15261. Оп. 1. Д. 1816. План, к сожалению, не датирован

иначе, как давая предписание азовскому офицеру, который должен представлять оное начальству при осмотре укрепления. В свою очередь, воинским начальникам предписывалось во всем содействовать командам азовских казаков, если они будут иметь законную надобность.

По мнению одного из современников: «В самое короткое время команды эти оказали большую пользу. Содержа почти непрерывное сообщение между укреплениями, растянутыми на Восточном берегу, казаки смело и с отвагою нападают на контрабандные турецкие кочермы и черкесские лодки, преследуют их в открытом море и частью истребляют, а частью берут в плен»⁶²¹.

1. *Cotes de la Mer Noire. Cosaques d'Azof abordant un corsaire Turc. / Берег Черного моря. Азовские казаки берут на abordаж турецкий корсар*
Gagarin Gr. Gr., Stackelberg E. Le Caucase pittoresque dessine d'apres nature par le Prince Gr. Gagarin avec une introduction et un texte explicatif par le Comte Ernest Stackelberg dedie a la Majeste Imperiale Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, Plon freres, 1847.
(<https://aldusku.livejournal.com/27252.html>)

Правда, вследствие имеющегося на первых порах некомплекта способных к военной морской службе казаков, их пришлось замещать простыми солдатами.

⁶²¹ Архив Раевских. Т. III. С. 651. Подробное описание одной из экспедиций азовских лодок, дислоцировавшихся во 2-ом отделении Черноморской береговой линии, в 1850 г. см.: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 758. Л. 103-107об

«Дабы сообщение между укреплениями не встречало препятствия от недостатка казаков, дабы воинские начальники всегда могли дать помощь сим казакам в случае появления галеры или контрабандного судна, наконец, дабы нижние чины научились ловить рыбу и находили в морских поездках развлечение, я предписал воинским начальникам обучать всех нижних чинов, в укреплении находящихся, морскому делу»⁶²², - отметил в своем обозрении Восточного берега Черного моря генерал-лейтенант Раевский. В 1842 г., в частности, к «Геленджикской азовской лодке» были прикомандированы 16 рядовых из дислоцировавшихся там черноморских линейных батальонов⁶²³.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в., несмотря на периодически происходящие стычки, ни натухайцы с шапсугами, ни дислоцировавшиеся в Геленджике русские войска старались друг друга лишней раз не беспокоить, предпочитая этому поддержание некоего вооруженного нейтралитета. «Тактика береговой линии вовсе не схожа с тактикой левого фланга (*Кавказской линии – А.Г.*): там Барятинский бьет чеченцев, лезгин, жжет их аулы, поля и наводит ужас своим именем, - отмечал очевидец сложившейся на Восточном берегу Черного моря ситуации. - Здесь же помешались на дипломатии: беспрестанно собирают старшин, говорят им о высших правительственных соображениях, о благотворительных целях примирения края и будущем их благоденствии, когда они все будут пить чай и носить *gants glaces* (*фр., лайковые перчатки – А.Г.*) ...»⁶²⁴.

На практике во 2-ом и 3-ем отделениях Черноморской береговой линии сложившийся статус-кво⁶²⁵ закреплялся обычно устными соглашениями, заключаемыми командующими этими отделениями или, реже, комендантами (воинскими начальниками) укреплений со старейшинами горцев. В рапорте генерал-майора Вагнера начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Серебрякову от 12 августа 1851 г. о состоянии 2-го отделения содержатся условия одного из таких заключенных им мирных договоренностей с шапсугами, живущими между реками Аше и Псезуапе: «они единодушно согласились: 1-е) не стрелять и не нападать на солдат, встречающихся вне форта (*Лазарева – А.Г.*), 2-е) не только не отбивать наш скот, но заблудившихся возвращать обратно, 3-е) не иметь у себя лодок, 4-е) выдавать дезертиров как в настоящее время у них находящихся, так и на будущее время могущих к ним

⁶²² Архив Раевских. Т. III. С. 82

⁶²³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237об-238

⁶²⁴ Письма П.Е. Гольмана (Венгерская война, Кавказ и Крымская война) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Книжка 5. III. С. 9

⁶²⁵ В 1-ом отделении Черноморской береговой линии ситуация разительно отличалась – там велось активное противостояние сторон

явиться, 5-е) не выкапывать мертвые наши тела, 6-е) не ходить на форштадт и огороды наши на воровство, 7-е) о злых против нас умыслах других племен заблаговременно давать знать.

С нашей стороны я обещал: 1-е) позволить им посещать меновый двор, но торговать только на деньги и натурально, 2-е) выдавать семействам по составленному списку ... по три фунта соли на душу ежемесячно за деньги, полагая за фунт 20 к.[опеек] серебром, 3-е) уворованный у них скот, если будет приведен в наши укрепления, вместе с вором задерживать и выдавать хозяину и, наконец, 4-е) выбегающих от них крестьян не отправлять с первым пароходом, а задерживать до следующего, дабы владелец имел время их уговорить к добровольному возвращению»⁶²⁶.

В апреле следующего, 1852 г., в аналогичном рапорте генерал-майор Вагнер с удовлетворением докладывал, что «народ во всех аулах от Пшады до Геленджика довольно спокоен и не обнаруживает враждебных действий»⁶²⁷. В общем, как довольно точно было замечено одним из историков Кавказской войны, «Генералы Вагнер - в Геленджике, и Гогенбах (с 1845 г. начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии – А.Г.) - в Сухум-Кале, сидели спокойно, не позволяя обижать себя и не тревожа соседей»⁶²⁸.

Только после произошедшего в марте 1854 г. вступления в очередную русско-турецкую войну Англии и Франции относительно спокойное существование Геленджикского укрепления, при котором «... обыденная жизнь в войсках текла по обычному шаблону военной службы: начальствующие делали распоряжения, приказы и наряды, подчиненные выполняли их ...»⁶²⁹, было нарушено⁶³⁰.

Русское командование хорошо понимало, что «в Черном море против сильных неприятельских флотов⁶³¹ защиты нет и падение всего, что мы имеем на этом (Северо-Восточном – А.Г.) берегу, даже при сохранении, может быть,

⁶²⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1205. Л. 1-2об (опубликовано: Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793-1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. С. 34)

⁶²⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1205. Л. 10-10об (опубликовано: Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793-1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. С. 35)

⁶²⁸ Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Droz dov_I/text4.htm)

⁶²⁹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 41

⁶³⁰ Еще до официального объявления войны, 5 марта 1853 г., два парохода-фрегата союзного англо-французского флота дошли до линии фарватера Геленджикской бухты и, простояв полчаса, ушли в сторону Новороссийска (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1840. Л. 34)

⁶³¹ Состав английских и французских кораблей на Черном море в 1854 г. см.: Морской сборник, XI, № 4, 1854. С. 488-502

Новороссийска, будет иметь самое пагубное следствие для могущества России на Кавказе и для влияния России в Европе»⁶³², но было не в состоянии предпринять что-либо существенного, чтобы сохранить укрепления Черноморской береговой линии⁶³³. Принятые в целях повышения их обороноспособности меры, о чем в отношении Геленджика говорилось в первой главе, конечно, не могли в силу их ограниченности гарантировать успешного отражения вероятного неприятельского нападения.

При этом, однако, оставление Геленджика, наряду с Новороссийском, было признано необходимым оттянуть до последней возможности. В этой связи начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков писал: «При всех невыгодах положения Геленджика, я потому не признаю полезным с объявлением войны оставить его, что может быть северная часть Береговой линии и не подвергнется сильному нападению неприятеля, а оставление этого большого укрепления произведет весьма невыгодное для нас впечатление на горцев и непременно привлечет туда неприятельские суда, хотя бы неприятель первоначально и не имел намерение сильно действовать против северной части линии. Снаряжение больших десантных экспедиций трудно скрыть, и если получится достоверное известие о приготовлениях его отправить десантную экспедицию к северной части Береговой линии, то в таком только случае можно решиться оставить и Геленджик»⁶³⁴.

Впрочем, теплившиеся надежды на удержание укреплений Черноморской береговой линии довольно быстро рассеялись, вследствие чего единственной заботой командования оставалось срочное и с наименьшим уроном снятие их гарнизонов, что и было организовано и произведено достаточно успешно⁶³⁵.

Распоряжение об оставлении непосредственно Геленджикского укрепления было получено начальником 2-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майором Вагнером 23 марта 1854 г. В нем, в частности, ему предписывалось:

⁶³² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 342

⁶³³ См. ответ императора Николая I на письмо князя Воронцова от 18 января 1854 г. (опубликовано: Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. Т. II. Приложения. 1912. С. 444)

⁶³⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 220. Л. 65-66. Отпуск этого документа в несколько иной редакции хранится в ГАКК (Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832. Л. 331-341) и опубликован: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабичем)» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>. Документ № 5)

⁶³⁵ См.: Известия с Восточного берега Черного моря // Морской сборник, XI, № 4, 1854. С. 258-260; Давыдов Василий. Снятие средних укреплений Черноморской береговой линии // Морской сборник, XII, № 5, 1854. С. 38-46

«1^е, По мере прибытия в Геленджик пяти транспортных судов и двух пароходов, назначенных для отвоза оттуда всех тяжестей, немедленно приступить к погрузке на эти суда провианта, орудий с лафетами, пороху, снарядов и других артиллерийских припасов, канцелярий с архивами отдельных частей войск, батальонных и ротных цейхгаузов и прочих казенного и частного имущества, а также больных воинских чинов.

2^е, Погрузку на суда производить днем и ночью со всевозможною поспешностью, назначив для сего достаточное число людей в распоряжение дежурного штаб-офицера капитана 1го ранга Конкевича, которому поручаю распределение на суда тяжестей, из коих часть орудий по назначению Генерала Кишинского; порох, артиллерийские снаряды и другие принадлежности и провиант должны быть отправлены в Новороссийск, другую часть орудий в Анапу, а все остальное в Керчь, в том числе и орудия малого калибра, которые не могут принести особой пользы на месте.

3^е, По окончании погрузки тяжестей и больных на суда немедленно поджечь все строения в укреплении и форштадте и блокгаузы, положив внутри их горючие материалы; и так же испортить по мере возможности оборонительные верки самого укрепления, употребив порох для взрывов, где это нужно, с надлежащей осторожностью, чтобы не причинить вред людям. Также засыпать по возможности береговые траншеи.

И 4^е, После того всем войскам Геленджикского гарнизона итти сухопутно с горною артиллериею и порционным скотом в Новороссийск, откуда они после двух или трех дневного отдыха должны продолжать следование в кр. Анапу и там ждать дальнейших приказаний.

Иеромонаху Геленджикского укрепления следовать с войсками сухопутно в Анапу.

Не распространяясь о подробностях настоящего предприятия, предоставляю Вашему Превосходительству исполнить его сообразно обстоятельствам на месте, обратив главное внимание на необходимость поспешнее снять гарнизон с Геленджика, потому что мы близко к окончательном у разрыву (с Англией и Францией – А.Г.) и должны в самом непродолжительном времени ожидать нападения от неприятельских судов ...»⁶³⁶.

Подробности проведения эвакуации Геленджикского укрепления можно найти в опубликованной подборке документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленной А. Бабичем⁶³⁷, к которым можно разве прибавить

⁶³⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1840. Л. 15-16

⁶³⁷ <https://proza.ru/2016/07/04/1174>. Документы № 10, 13

рапорт вице-адмирала Серебрякова наказному атаману Войска Донского генерал-адъютанту Хомутову от 9 апреля 1854 г., содержащий некоторые дополнительные сведения об этой операции: «Во исполнение предписания Вашего Высокопревосходительства от 15го марта № 77^й укрепление Геленджик снято, артиллерия, боевые запасы, провиант и почти все казенное имущество перевезены в Новороссийск и Анапу, казенные здания обращены в груду развалин взрывами и гарнизон отступил к Анапе. Нагрузка производилась при постоянно дурной погоде с 23го по 29^е марта на 2 парохода и 5 транспортов, которыми распоряжался дежурный штаб-офицер по морской части Штаба моего капитан 1го ранга Конкевич. 30го числа гарнизон отступил к Кабардинскому, откуда были уже перевезены на азовских лодках и вольнонаемных кочермах провиант, артиллерия, боевые запасы и другое казенное имущество в Новороссийск, а отряд из 4^х рот под командою майора Левашева, который был послан из Новороссийска для снятия этого укрепления, оставался на месте в ожидании прибытия Геленджикского гарнизона. Предав пламени казенные здания укрепления Кабардинского и присоединив к себе бывший при нем отряд, генерал-майор Вагнер прибыл 31го марта в Новороссийск и после двухдневной дневки продолжал движение с одним Геленджикским гарнизоном, состоящим из Черноморских линейных № 5го и 15го батальонов и военно-рабочей роты № 19^й, до станицы Николаевской, к которой прибыл 4го апреля. Во все продолжение отступления горцы не тревожили войска ни одним выстрелом. Ближайшие к Геленджику жители приходили даже прощаться, изъявляли сожаление, что мы оставляем Геленджик и заметно были растроганы. Пароходы и транспорты, не встретив нигде неприятеля, сгрузили в Анапе и Новороссийске все взятое ими в Геленджике казенное имущество и возвратились уже все в Керчь. При этом случае пароходы, буксируя при дурной погоде тяжело нагруженные транспорты, много пострадали в машинах и требуют больших исправлений.

Долгом своим считаю отдать полную справедливость генерал-майорам Вагнеру и Дебу, капитану 1го ранга Конкевичу и командиру Черноморского линейного № 4го батальона майору Левашеву за распорядительность их при снятии укреплений Геленджика и Кабардинского»⁶³⁸.

Так завершилась история Геленджикского укрепления, без малого четверть века являвшегося одним из основных пунктов русского влияния на Черкесском берегу Черного моря.

Оставив за скобками вопрос о заплаченной цене, можно констатировать, что с высочайше предначертанными при основании задачами Геленджикское

⁶³⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 236. Л. 116-117

укрепление справилось – наиболее удобная бухта Северо-Восточного берега Черного моря оказалась недоступной для черкесской торговли, а у русского командования появилась возможность, опираясь на созданный там форпост, продолжить распространение контроля за побережьем вплоть до Абхазии. Их выполнение обеспечивалось как собственно возведением укрепления в Геленджике и способностью его гарнизона не только защищаться, но и, при необходимости, действовать в ближайших окрестностях (самостоятельно и(или) во взаимодействии с судами Абхазской экспедиции Черноморского флота), так и устройством в нем крупного пункта складирования военного и морского имущества, боеприпасов и различных материалов, необходимых для проведения десантных операций и снабжения создаваемой цепи приморских укреплений, получившей название Черноморской береговой линии.

Не имея возможности осуществить захват укрепления ввиду сильных по кавказским меркам оборонительных верков и достаточно крупного гарнизона, а также наличия крепостной артиллерии, подкрепляемой часто посещавшими Геленджик боевыми судами Черноморского флота, горцы воздерживались от подобных попыток, ограничиваясь нападениями на выходящие за его пределы команды военнослужащих. Как и на любой войне в зависимости от различных обстоятельств успех в конкретном столкновении мог сопутствовать и одной, и другой стороне, подтверждая, в целом, известный пассаж Наполеона о том, что «два мамлюка справлялись с тремя французами ... Но сотня французских кавалеристов не боялась сотни мамлюков; триста французов брали верх над таким же числом мамлюков, а тысяча разбивала 1500: так сильно влияние тактики, порядка и эволюций!»⁶³⁹. Вот только малочисленность гарнизона и отсутствие достаточных средств вооруженной борьбы не позволяли ему предпринимать сколь-нибудь крупные боевые операции. Ф.А. Щербина называет сложившуюся в результате этого ситуацию на Черноморской береговой линии не войной двух народностей, с ясно выраженными мотивами покорения с одной стороны, и защиты, с другой, а просто разбоями и грабежами, очень редко переходящими со стороны черкесов в военные действия⁶⁴⁰. Действительно, эти стычки были довольно редки и ограничены по масштабу в сравнении, например, с военными действиями на Восточном Кавказе. Непосредственно в районе Геленджика низкую интенсивность противостояния можно объяснить, помимо уже названных факторов, наименьшей среди других черкесских народностей воинственностью натухайцев и шапсугов, их большей вовлеченностью в торговые отношения с

⁶³⁹ Mémoires pour servir a l'histoire de France, sous Napoléon, écrits a ..., V. 1. P. 262 (<https://books.google.ru/books?id=4hdtvHFpUzcC&hl=ru&pg=PA262#v=onepage&q&f=false>)

⁶⁴⁰ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 93-94

русскими. «От природы склонные более к торговле, чем к войне, они относились к нам довольно дружелюбно и, в случаях надобности, искали даже покровительства. Рынки новороссийский, анапский и екатеринодарский были постоянно оживлены сотнями натухайцев, обменивающих сырье на мануфактурные товары»⁶⁴¹, - отмечал И. Дроздов. Впрочем, периодически, под воздействием подстрекательств английских агентов⁶⁴² и воззваний эмисаров Шамиля (Хаджи-Магомета, Сельмен эфенди, Магомет-Амина), они также проявляли определенную активность, сковывая и изнуряя войска, занимавшие Геленджикское укрепление.

Вместе с тем, применительно непосредственно к Геленджику нельзя согласиться с тем, что «эти жертвы не раз далеко превосходили собою и наши приобретения, и наши сбережения, из-за которых мы ратовали с неприятелем», как это утверждалось в одном из обзоров военных действий на Кавказе в отношении укреплений Черноморской береговой линии в целом⁶⁴³. В реальности боевые потери геленджикского гарнизона все годы существования укрепления были на два порядка ниже санитарных. Например, как следует из приведенного обзора боевых действий за 1848 г., в течение года горцами был убит всего лишь 1 человек, в то время как общая смертность личного состава гарнизона составила 121.

Возведенное по стратегическим соображениям укрепление в Геленджикской бухте было оставлено также исходя из обстоятельств стратегического характера, причем в обоих случаях операции по ее захвату и эвакуации были проведены, можно сказать, почти образцово. Очевидная невозможность его удержания в случае атаки союзного англо-французского флота заставили покинуть укрепление, однако, возвращение черкесов в Геленджик оказалось по историческим меркам недолгим - уже в 1864 г. там в составе Шапсугского берегового пешего батальона Кубанского казачьего войска была учреждена станица Геленджикская.

⁶⁴¹ Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Droz dov_I/text4.htm)

⁶⁴² Подробнее см.: Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть II. Противостояние 1830-х годов// Архонт, 2020. № 4. С. 4-19; Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть III. Имамат Шамиля // Архонт, 2021. № 1. С. 79-89

⁶⁴³ 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Том 13. 1889. С. 379-380 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/1840_1841_1842_gody/text11.htm)

Заключение

В конце XVIII в. - начале XIX в. завоевание Кавказа, по словам одного из главных идеологов русской национальной политики генерал-майора Фадеева, стало первой государственной необходимостью, обусловленной всем предыдущим историческим процессом развития страны. «Для России кавказский перешеек, - отмечал он, - вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена средняя Азия от враждебного влияния и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское»⁶⁴⁴.

Завершение Венским конгрессом урегулирования ситуации в Европе и возвращение в октябре 1818 г. оккупационного корпуса из Франции позволили царскому правительству возобновить наступательную внешнеполитическую деятельность на кавказском направлении, нацеленную на то, чтобы Россия стала «твердой стопой в Азии, и тем приобрела решительное политическое влияние на два соседственные могущественные государства: Персию и Турцию»⁶⁴⁵. Частично это было достигнуто в результате проведенных с ними во второй половине 20-х гг. XIX в. войн, но для установления полного контроля над этим важным в геополитическом отношении регионом требовалось покорение населявших его горских народов, отказавшихся войти в состав империи добровольно.

В первоначальных намерениях русского командования укреплению, предполагаемому к устройству в Геленджикской бухте, отводилась роль конечной точки кордонной линии между Кубанью и черноморским побережьем, призванной привести к покорности проживавших между Анапой и рекой Пшада натухайцев, и, одновременно с этим, «главного пункта» на Восточном берегу Черного моря. Когда же этот замысел, основанный на неточных и(или) неверных сведениях о численности неприятеля и характере театра предполагаемых операций, а также не учитывающий местный менталитет и особенности жизненного уклада кавказских народностей⁶⁴⁶, оказался невыполнимым, основанное в 1831 г. Геленджикское укрепление было задействовано в реализации нового «общего плана, предначертанного Государем Императором к прочному усмирению горских народов хребта Кавказского», предусматривающего, помимо прочего, «пресечение горцам возможности к

⁶⁴⁴ Фадеев Р.А. Кавказская война Российской империи / Р.А. Фадеев. М., 2020. С. 13

⁶⁴⁵ Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Ч. I. СПб, 1836. С. 6-7

⁶⁴⁶ См.: Ткаченко Д.С. Изучение Закубанья в планах командования Отдельного Кавказского корпуса в 20-30 гг. XIX в. // Вестник АГУ. Выпуск 3 (264). 2020. С. 147-155; Он же. Обзор документов военно-разведывательных экспедиций барона Ф. Ф. Торнау на Черноморское побережье Кавказа. 1830-е гг. // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 664-675

внешним торговым и политическим сношениям», для чего было «предположено занять небольшими укреплениями все важнейшие по протяжению берега якорные места и учредить между ними непрерывное крейсерство на небольших гребных судах, способных к береговому плаванию»⁶⁴⁷.

Став одним из ключевых пунктов созданной в этих целях Черноморской береговой линии, Геленджикское укрепление в течение почти четверти века во взаимодействии с Черноморским флотом успешно контролировало одну из наиболее удобных для черкесской торговли бухт, тем самым ограничивая поставки горцам оружия и боеприпасов, что существенно снижало их боевой потенциал⁶⁴⁸. Это же позволяло практически исключить возможность высадки на близлежащих участках побережья сколь-нибудь крупной партии бывших польских повстанцев и(или) других недоброжелателей России, к чему активно подстрекали англичане⁶⁴⁹, пытавшиеся после произошедшего в 1836 г. и получившего широкую огласку инцидента со шхуной «Виксен» «интернационализировать» конфликт на Кавказе. Геленджик вместе с другими пунктами Черноморской береговой линии от Джемитейского укрепления до поста св. Николая фиксировал (легитимировал) границу по Восточному берегу Черного моря. Поднятые над ними крепостные флаги свидетельствовали о принадлежности всей этой территории к Российской империи, что позволяло представлять борьбу с горцами внутренним делом, таким же, как и подавление польского мятежа.

Необходимость выполнения высочайше предначертанных задач в значительной мере обусловила постепенную трансформацию Геленджика из палаточного лагеря в полноценный военный городок с заметной долей гражданского населения, ставшего административно-хозяйственным центром для «срединных» укреплений Черноморской береговой линии, проводником российского влияния на населяющих прилегающую территорию горцев и местом меновой торговли с ними. Но в качестве главного опорного пункта на Восточном берегу Черного моря, он, как выяснилось по мере освоения побережья, оказался негодным вследствие недостаточной глубины бухты для большегрузных судов и отсутствия надежного сообщения с Кавказской линией. И хотя споры по этому вопросу продолжались до начала 1850-х гг., первенство, исходя, в первую

⁶⁴⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. С. 356

⁶⁴⁸ Так, например, буквально все мемуаристы отмечают, что во время перестрелок обычным делом для горцев, испытывающих острый дефицит в свинце, было выковыривать из деревьев пули, которыми их обстреливали русские

⁶⁴⁹ См., например: Спенсер Эдмунд. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году. Пер. с англ.: К.А. Мальбахов. Нальчик, 2008. С. 199-200. И действительно, когда укрепления были оставлены, в 1857 г. на Восточный берег для борьбы с русскими высадился польский отряд Т. Лапинского

очередь, из многообещающих перспектив развития внешней и внутренней морской торговли было отдано основанному в 1838 г. Новороссийску.

Служба в Геленджике, как и в остальных фортах Черноморской береговой линии, была, безусловно, необходимой империи, но на первых порах в силу многих обстоятельств являлась весьма тяжелой⁶⁵⁰. Со временем, однако, благодаря увеличению продолжительности навигации за счет использования пароходов, заведению азовских лодок, прокладке сравнительно безопасного сухопутного сообщения с Черноморией и относительному умиротворению окрестных горцев, изоляция, в которой находилось укрепление, становилась все менее строгой, что облегчало решение проблем обеспечения жизнедеятельности его гарнизона. Конечно, утверждая, что «отеческим попечением Государя Императора люди (*чины Черноморских линейных батальонов – А.Г.*) получают изобильное продовольствие, в медицинских пособиях недостатка нет, лазареты в укреплениях содержатся хорошо и везде почти имеют хорошее помещение», командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин приукрашивал действительность, но все же следует признать, что при всех описанных на предыдущих страницах недостатках условия службы на Восточном берегу Черного моря со временем менялись к лучшему. Необоримыми оказались лишь непривычный климат и гнездившиеся на побережье болезни, ежегодно вызывавшие чрезвычайно высокие санитарные потери личного состава.

Чтобы понять, были ли оправданы эти людские жертвы, а равно и денежные средства, затраченные на создание и поддержание Геленджикского укрепления, следует оценить произведенные фактические финансовые расходы и убыль личного состава с теми, если бы полки 2-й бригады 20 пехотной дивизии остались нести службу на правом фланге Кавказской линии:

Затраты на:	в Черномории	в Геленджике	понесенные дополнительно расходы (потери)
<i>финансовые</i>			
размещение войск и укрепление мест дислокации	обывательские квартиры	жилые и хозяйственные постройки, оборонительные верки	около 100,0 тыс. руб. серебром
оплата крепостных работ	за редким исключением строительство фортификационных сооружений производилось хозяйственным способом	арестантская рота, военно-рабочая рота, задействованные армейские чины	более 55,0 тыс. руб. серебром

⁶⁵⁰ Воронцовский «перипл» Черного моря 1836 г. // Русский архив, 1894. Вып. № 6. С. 221

денежное жалование	по Грузинскому положению	по Грузинскому положению, увеличенному согласно установленным льготам	неустановленная разница в сумме выплат
продовольственное снабжение	установленное войскам Отдельного Кавказского корпуса	винная и мясная порции, с 1838 г. – морская провизия, с 1842 г. – по 1-й категории	порядка 400,0 тыс. руб. (разница в стоимости за 23 года)
вещевое довольствие	установленное войскам Отдельного Кавказского корпуса	установленное войскам Отдельного Кавказского корпуса	X
медицинское обеспечение	установленное войскам Отдельного Кавказского корпуса	увеличенные штат медицинских чинов и аптечный запас, усиленные лазареты, повивальная бабка	неустановленная разница в затратах
<i>людские</i>			
Отношение числа умерших к общему числу войск (в среднем ежегодно)	1 : 32*	1 : 13**	не менее 2100 человек (всего за 23 года)

* Подсчитано в среднем по армии за 1835-1854 гг. согласно данным из: Столетие военного министерства. VII Отделение. Ч.II. Исторический очерк развития и деятельности военно-санитарного ведомства в царствование императора Николая I. С. 227

** Данные, рассчитанные из выявленных сведений о численности и смертности личного состава гарнизона Геленджика

Как представляется, с учетом неустановленных⁶⁵¹ расходов по отдельным видам затрат, вряд ли, впрочем, очень значительных, вкпе со стоимостью различного имущества, уничтоженного при эвакуации Геленджикского укрепления, и косвенными издержками на фракт коммерческих судов, а затем закупку и содержание пароходов и транспортов, обслуживающих все укрепления Черноморской береговой линии, можно с большой долей вероятности утверждать, что за все время своего существования оно обошлось казне в сумму 600-650,0 тыс. руб. серебром или в 0,04% расходов военно-сухопутного ведомства с 1825 г. по 1850 г., составивших 1 470 182 230 руб. серебром⁶⁵².

Что же касается людских потерь, то здесь также следует учитывать лишь избыточную смертность, поскольку, как это не прискорбно, определенная часть

⁶⁵¹ Хотя бы примерный подсчет их объемов либо невозможен из-за отсутствия первичных данных, либо требует специального исследования из-за сложности их вычленения из общих сумм выделяемых ассигнований

⁶⁵² Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896. С. 444

солдат все равно бы умерла, пусть и оставаясь в Черномории. К тому же эта проблема для русской армии, как известно, никогда не была приоритетной, а для периода царствования Николая I - тем более. «У меня миллион штыков, говорил он, прикажу моему министру – и будет два, попрошу мой народ – будет три»⁶⁵³. При этом декларировалось, что «солдат, идущий на войну, должен питать в сердце мысль, что он посвящает жизнь свою Государю и отечеству, и за спасение их идет на славную смерть. Исполненного сим духом, никакая опасность не утратит; никакая трудность, никакое препятствие его не удержит, и победа и честь будут верною его наградою. С такими солдатами потеря наша будет всегда маловажна; а неприятельская не исчислима». С этой точки зрения убыль менее ста человек в год для армейского командования почиталась, конечно, приемлемым ущербом.

Оценивая в конечном итоге все связанные с обеспечением контроля над Геленджикской бухтой издержки, видимо будет справедливым посчитать их для Военного министерства в финансовом отношении незначительными, а в человеческом – не напрасными в сравнении с той несомненной пользой, которая была получена империей от устройства в ней укрепления, и его осязаемого вклада в дело покорения Кавказа.

Завершая за сим историю Геленджикского укрепления, хочу выразить искреннюю признательность моим коллегам архивистам – С.А. Дегуле (ГАКК), А.Ю. Емелину (РГАВМФ), С.О. Жупанину (ГАКК), И.В. Зверевой (РГВИА), Н.В. Колосенковой (РГИА), И.Р. Кузьминой (РГВИА), А.В. Приютову (РГВИА), С.Г. Темирову (ГАКК), благодаря бескорыстной и, что не менее важно, профессиональной помощи которых стало возможным написание настоящей работы.

⁶⁵³ Керсновский А.А. История русской армии. Т.2. Голос. М., 1993. С. 47